Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 7

2018

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Лейла БЕГИМ, Ефим АБРАМОВ. **Immolatio**. *Пьеса* 9
Лала УМУД. **Цветок айвы.** *Рассказ* 43
Тогрул МЕХТИ. **Гость из подсознания**. *Роман* 60

ПОЭЗИЯ

Арзу НЕХРАМЛИ. *Стихи* 41
Наталья ВОРОНИНА. *Стихи* 56

ПУБЛИЦИСТИКА

Оксана БУЛАНОВА. **Искрящийся родник духовности** 3
Ляман БАГИРОВА. **Голоса поэтов.** *Эссе* 35
Айсель БАГИРОВА. **Жанр сонета в азербайджанской поэзии (1920 – 1950)** 51
Юрий МАМЕДОВ. **По тропам топонимики – к Шахдагу** 123
Агаддин БАБАЕВ. **Прадед Шаха Исмаила Хатаи. Дом лянкяранского хана** 125
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Путешествие из Баку в Лянкяран и обратно** 128

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04

Сдано в печать 21.06.2018г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2018 г.

Эльмира Ахундова давно и плодотворно работает в литературе. И недавнее известие о присуждении ей звания Народного писателя Азербайджана редакцией нашей воспринято было с искренней радостью. Вклад, который вкладывает Эльмира ханым в литературу, невозможно было не оценить. Еще работая в Союзе писателей, тесно контактируя с нашей редакцией, и позже, являясь корреспондентом «Литературной газеты», она проявила себя истинным профессионалом, человеком небезразличным, болеющим за дело, и всегда очень достойно выполняла свой долг. Эти ее качества проявились в Эльмире ханым и как в депутате Верховного Совета Азербайджана. И то, что присуждение звания совпало с ее днем рождения, это еще и особая радость.

Эльмира ханым, от души поздравляем Вас!

Долгих лет Вам, успехов и радостей!

Коллектив «Литературного Азербайджана».

Ниже мы помещаем рецензию Оксаны Булановой на недавно вышедшую в свет книгу, куда вошли статьи Гюльрух Алибейли и Эльмиры Ахундовой об Анаре.

ОКСАНА БУЛАНОВА

«ИСКРЯЩИЙСЯ РОДНИК ДУХОВНОСТИ...»

(о книге Г.Алибейли и Э.Ахундовой)

Восемнадцатого марта 2018 года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося писателя, председателя Союза писателей Азербайджана Анара. И буквально через несколько дней после юбилея свет увидела книга «Искрящийся родник духовности» – сборник статей, написанных об Анаре или его произведениях и опубликованных в азербайджанских СМИ в разные годы, с советских времен и кончая современностью.

В первую часть сборника вошли статьи Гюльрух Алибейли (1928-2016) – азербайджанской писательницы, литературоведа, критика, публициста и государственного деятеля, доктора филологических наук, профессора кафедры философии, автора литературных портретов, многочисленных статей по теории литературы, а также о киноискусстве, театре, изобразительном искусстве.

В вышеназванной книге Гюльрух Алибейли в присущем ей стиле анализирует как творчество Анара в целом, так и его различные произведения. Сборник открывает статья начала 90-х годов «А музыка жива». И сразу же – бьющая по сердцу строчка: «*В Гарабахе убивают музыку!*». «*Сегодня я сижу у телевизора и слушаю музыку, которую распевают мертвые дети Ходжалы. Я понимаю, что смотрю фильм… посвященный великому подвигу Узеира Гаджибекова… Знаю, что писатель Анар воплотил в этом фильме свою безграничную любовь не только к творчеству и музыке уникальной личности, но и любовь ко всей нашей музыке, ко всему искусству. И не могу отречься от мысли, что поют именно мальчики Ходжалы, растерзанные, изуродованные, но чудесной божественной силой возвращенные к жизни и взывающие к нашей совести и человечности…*», – писала Гюльрух Алибейли.

Такие пронзительные мысли пришли к Г.Алибейли после просмотра фильма «Узеир Гаджибеков, аккорды долгой жизни», созданного в 1981 году. Анар, работавший над фильмом около трех лет, выступал и как и автор сценария, и как режиссер фильма. Г.Алибейли была уверена, что этот фильм останется в анналах истории искусства как настоящий шедевр. Он будет современен всегда, а в дни, «*когда в Гарабахе и его сердце – Шуше – идут жестокие бои, уничтожаются принадлежащие всему человечеству уникальные памятники культуры, мы снова смотрим фильм Анара, но уже иначе, чем десять лет назад, иными, подернутыми трагической дымкой глазами… И в этом я вижу смысл настоящего искусства, каждая встреча с которым отзывается в нас новой идеей, рождая в нас новое состояние души*».

В двух последующих статьях – «Полюс истины» и «Непримиримость» – Г.Алибейли анализирует пьесу Анара «Лето в городе», поставленную на сцене Азербайджанского драматического академического театра им. М.Азизбекова. Статьи (как и пьеса) были написаны в 70-х годах, т.е. в пресловутое «застойное» советское время. Однако вопросы, поднимаемые в пьесе и отраженные в статье, касаются важных, вечных проблем, имеющихся в любом обществе в любую эпоху. Анар «*развенчивает негативные явления жизни… выражает торжество высокой нравственности, идеи цельности, бескомпромиссности и моральной стойкости*». Пьеса Анара, похоже, останется актуальной, пока идеи нравственности не воцарятся в обществе прочно и навсегда, но вопрос – когда это будет? – остается открытым…

В следующей статье – «Что унаследуют дети» – Г.Алибейли очень простыми, доступными словами выражает свои мысли по поводу фильма «Последняя ночь уходящего года», снятого по одноименному рассказу Анара. О том, что речь пойдет о фильме, становится понятно не сразу – вначале Г.Алибейли рассуждает о том, что есть семья в азербайджанском (и не только) обществе, какие нравственные ценности закладываются в человека с детства, с какими проблемами в этом плане сталкивается современное общество, насмотревшееся на западные ценности и потерявшее обозначенные еще предками ориентиры. «*Семья – это живая память народа. Семья – это звено в движущейся цепи национального саморазвития*», – пишет автор. И только потом в качестве иллюстрации своим мыслям приводит фильм.

«*Кажется, ничего особенного не происходит в этом фильме*, – размышляет Г.Алибейли. – *Ритм фильма… неторопливый, замедленный, поначалу кажется несколько скучноватым. Но этот ритм отражает своеобразие самой идеи картины о первозданности азербайджанской семьи*». Анар описал, по словам автора, далеко не идиллическую семью. Здесь много серьезных проблем, разрешимых легко и не разрешимых вовсе. Но в этих-то проблемах и заключен смысл! Как они будут решаться, какая мудрость поможет главе семьи свести на нет конфликты, донести до каждого из четырех взрослых детей те идеалы, которые заложил еще покойный отец, почетный нефтяник, – вот что главное.

«*Вся стилистика, весь дух фильма*, – пишет автор, – *подчинен задаче утверждения мысли, по-видимому, очень дорогой для… Анара, что простая, честная и дружная семья превыше всего ставит интересы всей семьи, потому что в ней растут дети – будущее нашего общества и народа. … Фильм… подводит нас к мысли, что не материальное, нет, а возвышенно-духовное будет самым бесценным, что возьмут наши дети от нас, чтобы передать своим детям…*».

Следующая статья Г.Алибейли дала название сборнику: «Искрящийся родник духовности». Она посвящена Анару-писателю и Анару-человеку, автору замечатель-

нейших, глубочайших «Ночных мыслей» – маленьких эссе-размышлений на самые разные темы. «*Перед нами предстает образ совершенно нового, доселе неведомого, как бы скрытого от стороннего глаза Анара*, – замечает автор. – *Здесь это – ранимый и чуткий, любящий и ненавидящий, сентиментальный и трезвый, открытый и потерянный, ироничный и циничный – добрейший человек на свете!*».

Г.Алибейли глубоко и справедливо подмечает, что Анар своими «Ночными мыслями» подтверждает извечный постулат, что человек – это явление, это айсберг, на две трети скрытый от посторонних. С искренностью («*насколько возможна искренность в этом мире*» – по признанию самого Анара) писатель приоткрывает тайные стороны своей души, свои потаенные мысли. До этих маленьких, но глубоко философичных заметочек мир знал Анара-писателя, Анара-драматурга, публициста, поэта, общественного деятеля… И вдруг мы видим Анара-человека, представшего перед читателями как «*обыкновенный смертный, во всех гранях и контрастах этого сложного понятия: с жалобами, с болью в сердце, с иллюзиями…*»

Завершает блок Гюльрух Алибейли эссе «Анар», одно из лучших в сборнике. В небольшом произведении автору удалось проанализировать и творчество, и жизненный путь выдающегося писателя современности, зорко подметить основные его человеческие и творческие черты. «*Я не раз писала об Анаре как об одном из самых выдающихся писателей с подлинно полифоническим художественным творчеством*», – начинает свое эссе автор. Далее идет анализ сборника «Пленник века» (2010), в котором собраны эссе, выступления, беседы, заявления писателя.

Я пленник века моего
Я песня века моего
Всё, что имею, чем болею,
Все рифмы, чувства, мысли, сны
Мои – его, его – мои.

В этом стихотворении Анара – суть его отношения к себе. Однако министр культуры Турции Н.К. Зейбек, чье высказывание приводит Г.Алибейли, не согласен с этим: «*Он никогда не был пленником века, пленником времени. Он может печатать все свои произведения, написанные в советское время, без изменений, ибо в них нет ни советской пропаганды, ни советского духа. А это свойственно лишь большим художникам*». (Эта же мысль найдет великолепное продолжение и у автора второго блока книги.)

Г.Алибейли справедливо подмечает, что Анар – натура сложная и одновременно на редкость простая, демократичная. «*В его характере воплотились лучшие черты и особенности, присущие азербайджанскому национальному характеру. Врожденная культура и интеллигентность, скромность и сдержанность, остроумие и безграничное чувство юмора – все эти, да и многие другие черты характера и свойства необыкновенной души человека создают особый, неповторимый феномен Анара*».

Кроме «Пленника века», очень тонкому и вдумчивому анализу Г.Алибейли подвергла в своем эссе и некоторые другие произведения Анара: «Наваждение», «Белый овен, черный овен», «Аккорды долгой жизни». «*Каждое произведение Анара*, – отмечает автор, – *отличается разным эмоциональным воздействием на читателя. Но в его творчестве есть шедевры, которые выражают глубинные пласты его натуры, высший взлет его личности*». Так Гюльрух Алибейли охарактеризовала произведение

Анара «Деде Горгуд» – редкое в мировой культуре отражение национального Духа.

Автор статей второго блока сборника – Эльмира Ахундова (род. 1953), писатель, публицист, сценарист, критик, переводчик художественной литературы, член Правления Союза писателей Азербайджана, заслуженный журналист республики, вице-президент Международного литфонда им. Расула Рзы, кандидат филологических наук, а также депутат Милли меджлиса Азербайджана III, IV, V созывов, член Комитета по социальной политике, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте республики. Она – один из первых биографов общенационального лидера Гейдара Алиева, автор 6-томного биографического романа-исследования «Гейдар Алиев. Личность и Эпоха» (2006-2013).

Эльмира Ахундова – человек выдающийся, она лауреат Государственной премии в области литературы, а также премий Союза журналистов Азербайджана им. Г.Зардаби, Союза писателей республики им. Наджафа Наджафова и Расула Рзы, кавалер ордена «Шохрат».

В первой статье «Местодержатель памяти…», открывающей ее блок, Э.Ахундова рассказала, как познакомилась с Анаром, какое впечатление он произвел на нее, совсем еще юную девушку. «*Можно сказать, азербайджанская литература пришла ко мне через Анара*, – поделилась писательница, выросшая в окружении русской речи и русской литературы. – *Во мне до сих пор живо ощущение его ранних вещей: что-то новое, не вписывающееся в рамки тяжеловесной литературы соцреализма. Анаровская проза была символом какой-то другой литературы. Не о трудовых достижениях хлопкоробов или героизме нефтяников, а о маленьком человеке, о его переживаниях, сомнениях… И еще о любви… Так свободно, раскованно, как писал о любви Анар, в азербайджанской литературе еще не писали*».

Далее Э.Ахундова поведала читателям о сложных перипетиях, сопутствовавших становлению Союза писателей Азербайджана в первые годы независимости республики, о роли Анара в этом становлении, о его трудах и заботах. И, конечно, о его творчестве, месте и роли в мировой литературе. «*Анар – знаковая фигура, и на постсоветском пространстве, и за рубежом, в тюркоязычном мире, в странах Востока, Иране…* – справедливо отмечает Э.Ахундова. – *Его известность, авторитет не оставили нашу литературу в международной изоляции, на обочине мировых культурных процессов*».

Затем писательница продолжает: «*Он был кумиром для огромного количества читателей. В конце 60-х – начале 70-х годов в Азербайджане началось повальное увлечение именем «Анар», которого прежде у нас вовсе не было* (Это имя Анару придумали его родители – **О.Б.**)». … *Как сказал его друг Рамиз Ровшан, Анар – держатель очага. А я бы к этому добавила: местодержатель нашей общей духовной памяти…*».

В двух следующих статьях – «Что имеем – не храним» и «Нечего на зеркало пенять…» – Эльмира Ахундова яростно отражает нападки на Союз писателей Азербайджана, которые одно время имели место в интернете. Статьи написаны эмоционально и горячо – чувствуется, что тема задела автора за живое. И, конечно, в статьях нашлось место для председателя Союза писателей – Анара. Э.Ахундова постаралась объяснить читателю все сложности работы такой структуры, как СП, и его руководителя, который, несмотря на все трудности, как может, помогает молодым писателям – несмотря на отсутствие у СП своей материально-технической базы и издательства.

В статье «Мир Анара глазами Парвин» Э.Ахундова дает великолепный литера-

турно-критический анализ молодой журналистки и писательницы Парвин, автора весьма ценной книги «Мир Анара», являющейся глобальным исследованием произведений выдающегося писателя. «*Выход книги… является заметным событием в азербайджанском литературоведении последних лет… Значит, вопреки пессимистическим прогнозам, литературный процесс в Азербайджане продолжается!*», – восклицает в конце Э.Ахундова.

Для тех, кто следит за новинками в области литературы, культуры, искусства, не секрет, что в Азербайджане выпущен грандиозный, роскошно иллюстрированный трехтомник «Литература Искусство Культура Азербайджана» («ЛИК Азербайджана»), грандиозный во всех смыслах – начиная от размера и кончая глубочайшим пластом информации о различных деятелях искусства, в нем собранной. Выход этого трехтомника, невероятно ценного с культурно-исторической точки зрения, – целиком и полностью заслуга Анара. Однако Анар со своей непостижимой скромностью совершенно не занимается пиаром этого колоссального труда. Журналисты тоже как-то не очень активно пишут в СМИ об этом сборнике, подлинной гордости Азербайджана. Эльмира Ахундова – одна из немногих, кто живо отреагировал на появление трех томов этого труда. В 2014 году в газете «Каспий» вышли три ее статьи «Прекрасный ЛИК Азербайджана», посвященные соответственно первому, второму и третьему тому. Прекрасно, что эти три статьи вошли в сборник «Искрящийся родник духовности».

О том, что именно написано Анаром в «ЛИКе Азербайджана» о своих коллегах-писателях, вообще о людях искусства – тема отдельного большого труда, поэтому Э.Ахундова на этом вопросе останавливалась не очень подробно. Главное – оценка подвижнического труда самого Анара, как автора этого трехтомника, в который вошли и написанные ранее статьи по разным поводам, и написанные специально для него.

«*Есть писатели более талантливые, есть менее*, – пишет Э.Ахундова в начале первой статьи. – *Одни, наряду с творчеством, пытаются утвердить себя в политике, другие создают фонды, неправительственные организации, занимают активную жизненную позицию. Существуют писатели-функционеры, писатели-отшельники, писатели-бунтари… Но есть редкий, особенно в наше время, тип писателей-просветителей, для которых тесны рамки собственного творчества, которым интересны не только они сами и их произведения, но и творения других. Эти писатели считают себя не вправе ограничиваться лишь самоутверждением в искусстве, ибо с первых же шагов… осознают себя частью большого, единого литературного пространства. Популяризация этого великого наследия, осмысление уроков для них – дело чрезвычайной важности*». Нетрудно догадаться, что данная мысль – не абстрактна, не отвлеченна, а вполне конкретна: она об Анаре.

Еще до «ЛИКа Азербайджана» он стал на эту стезю – просветительства. С 60-х годов он, как пишет Э.Ахундова, «*в числе прочих литературных задач ставил перед собой цель – поведать миру о великих культурных традициях своего народа, о его блистательных представителях, отразить в своем творчестве незамутненный ЛИК Азербайджана*».

Перу Анара принадлежит исследование «Деде Горгуд», сценарии к фильмам об Узеире Гаджибекове, Мирзе Джалиле, Мирзе Фатали Ахундове и другие произведения – статьи и эссе, пропагандирующие национальную культуру. «*Необходимо также отметить авторство Анара во многих энциклопедиях, его вступительные статьи*

и предисловия к десяткам, если не сотням книг и литературных сборников. И, наконец, колоссальный труд… – составление многотомной антологии лучших образцов огузской поэзии», – продолжает автор, перечисляя заслуги Анара, скромность которого в оценке своего труда просто поражает.

Э.Ахундова отмечает энциклопедичность издания, его непреходящую ценность для современников и будущих поколений, великолепный язык, которым написана книга. Но прежде всего она отмечает сверхзадачу Анара – «*запечатлеть азербайджанских деятелей культуры для потомков, живописать их лик для будущих поколений*». Анар писал не только о литераторах – поэтах или писателях, но также и о художниках, музыкантах, скульпторах, деятелях театра и кино, т.е. отразил весь пласт национальной культуры. Кроме этого, как отмечает автор, он посвятил многие статьи культурным явлениям: мугаму, ковру, книжной миниатюре, искусству кино и театра, музыке и т.д. и т.п. «*Конечно*, – пишет автор, – *восприятие Анаром стиля, манеры, языка произведения того или иного мастера индивидуально, субъективно. С Анаром можно соглашаться или нет, но читать его – занятие увлекательное для человека думающего, поскольку создается ощущение, что ты беседуешь с очень умным, начитанным и эрудированным собеседником*».

Завершает сборник статья «Контакт длиной в 60 лет». В этой статье Э.Ахундова анализирует произведения Анара, написанные в разные годы, в том числе и в наше время, и вошедшие в большой двухтомник, выпущенный в Москве в 2016 году в издательстве «Художественная литература». Все эти повести и рассказы прекрасно знакомы не только азербайджанскому, но и русскому читателю, т.к. многие из них неоднократно издавались во времена Советского Союза и пользовались огромной популярностью.

«*Анар – волшебник*, – восклицает автор в самом конце своей статьи. – *Он создал неповторимый, ни на кого не похожий мир, куда хочется возвращаться вновь и вновь. И в этом – главное художественное достоинство его прозы*».

…Идея выпустить такой сборник, в котором были бы собраны самые разные статьи об Анаре и его произведениях, – несомненно гениальна. Если можно придумать подарок к юбилею для человека, у которого, в общем-то, все есть – творчество, востребованность, замечательная семья, дети, внуки, работа – то это такой сборник. Кроме этого, данная книга будет интересна не только (и не столько) юбиляру, который все это, несомненно, читал в свое время, но и гражданам республики, следящим за творчеством любимого писателя.

Мысль, проходящая красной нитью через весь сборник, проста и читается очень четко: творчество Анара всегда современно. Сколько бы ни прошло времени, вопросы, поднимаемые в его рассказах, романах и фильмах, останутся актуальными. Это стало возможным из-за отсутствия у писателя желания отразить сиюминутные, «газетные» новости, углубиться в мелкие текущие проблемы. Классик – это тот, кто всегда современен. Эта мысль была озвучена очень давно. И если проанализировать творчество Анара, то можно сделать однозначный вывод: это классик. С большой буквы «К».

ЛЕЙЛА БЕГИМ
ЕФИМ АБРАМОВ

I M M O L A T I O

«Жертвоприношение»
Пьеса-размышление в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

XXI век:

Студенты:

ЮСИФ – студент последнего курса факультета теологии Карлов университета в Праге. Родом из Баку. Он же ученик Насими.

Студенты последнего курса факультета филологии Карлов университета в Праге:

АДЕЛЬ – она же и ученица Яна Гуса, дочь западного купца.

ЯНУС – помощник западного купца, он же шут и писарь во дворце Архиепископа Пражского.

ЯКУБ – друг Юсифа, страдает аутизмом, заикается.

АЯ – мусульманка, родом из восточной страны.

ОТЕЦ АДЕЛЬ

СЛЕПОЙ АНГЕЛ

ХРОМОЙ АНГЕЛ

Группа кришнаитов

XV век:

НАСИМИ Имадеддин

ГУС Ян

ЛЕЙЛИ – возлюбленная Насими.

ЛАУРА – возлюбленная Гуса.

ПРАВИТЕЛЬ – Шах.

АРХИЕПИСКОП ПРАЖСКИЙ

ДЕРВИШ – он же Слепой Ангел.

Стражники

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

Медленно высвечивается глубина сцены, где пасмурное небо моросит мелким, осенним дождем. Порывы ветра гонят, катают по полю кусты перекати-поля. В глубине сцены, едва различимые за пеленой дождя, несколько человек возводят деревянное строение. Они несут доски и брёвна, складывают их, медленно бредут обратно и также медленно возвращаются. Строительство будет идти все время, до последней сцены. Свет прожекторов высвечивает переднюю часть сцены, где видна Хижина Ангелов. Задняя часть, где идет строительство, погружается в полутьму, но силуэты людей видны. Своим внутренним строением Хижина Ангелов напоминает лабиринт. Хромой Ангел то появляется, то исчезает, и нельзя понять, откуда он появился и куда исчез. Одним он может показаться горбатым и убогим, другим – кривым и хромым. Да и внешность у него необычная: повернулся одной стороной – ему лет 30, другой – кажется, что все 60. В руках у него длинные четки из камней – они светятся в полутьме хижины. Из стоящего на огне глубокого чана поднимается к потолку дым и стелется по всей хижине. На покосившемся столе всевозможные травы, кости для гадания, какие-то предметы. У стола Слепой Ангел. Он осторожно прикасается к ним руками – травы нюхает, кости и разные камни ощупывает. Откуда-то издалека едва слышны музыка и голоса людей.

ХРОМОЙ АНГЕЛ *(его голос звучит тихо и зловеще).*

Дни мельтешат, шуршат, хрустят и рвутся,
крошась, ссыпая наземь снег и дождь,
стихают, скрыв за горизонтом солнца блюдце,
по небу расплескав палящий морс.
Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу,
меняя всё, лишь многоликий боров
незыблем, и века его несут...

СЛЕПОЙ АНГЕЛ *(медленно повторяет).*

Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу…

ХРОМОЙ АНГЕЛ.

Слепой порой увидит то,
чего не видит зрячий…

СЛЕПОЙ АНГЕЛ.

Хромой и горы перейдёт,
весь путь переиначив...

Там строят, здесь танцуют и поют…

ХРОМОЙ АНГЕЛ.

Там, где толпа, там наготове кнут...
Чтоб боль унять – поют, танцуют
и поминают Бога всуе...

СЛЕПОЙ АНГЕЛ.

И в этой вечной схватке тьмы и света, когда и время – пленник и судья,
родится то, что в корне сокровенно, созревшее во чреве бытия...

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Поэтому лик истины в крови…
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. И это данность?
ХРОМОЙ АНГЕЛ. Да. Увы.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Но есть ли выбор?
ХРОМОЙ АНГЕЛ. Есть. Всегда.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Тогда пора мне.
ХРОМОЙ АНГЕЛ *(поворачивает песочные часы).* Время. Да.

Слепой Ангел собирается уходить.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Постой!

Хромой Ангел бросает в чан несколько костей, несколько веточек травы и из пиалы наливает какую-то жидкость. С громким хлопком из чана вырывается высокое пламя, и густой пар заполняет хижину. Слепой Ангел уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

XXI век.

Небо по-прежнему пасмурное, осеннее, тяжелое…
В глубине сцены строительство продолжается. На переднем плане возникает скверик перед Пражским университетом. На скамейке сидят Юсиф, Ая, Янус, Якуб. Юсиф читает книгу. Ая что-то пишет в телефоне. Янус сидит с закрытыми глазами – дремлет. Якуб сидит рядом с Аей, читает. Звонит мобильный телефон.

АЯ *(по телефону).* Да, здравствуй, папа. Все о'кей. *(Смеется).*
Терпи! Осталась пара дней. На выходные я приеду.
А через месяц уже лето! Пока. Держитесь. Иншаллах!
ЯНУС *(открыв глаза).* О, пане Боже! Вновь Аллах!
АЯ. Что ты сказал мне?
ЯНУС. То, что вы заполонили всё здесь!
АЯ. Мы?!
ЯНУС. Да, вы!
АЯ. Кто?
ЯНУС. Кто же?! Мусульмане! Каждый четвертый здесь – в тюрбане.
ЯКУБ. Умолкни! Как не стыдно!
ЯНУС. Мне?!

Юсиф перестает читать. Прислушивается к их разговору.

АЯ. Да у него стыда ведь нет! Он нам завидует!
ЯНУС. Я?! Вам?! Ты отдаешь отчет словам?
Да тошно мне смотреть на вас! В жару покрытые до пят!
ЮСИФ. Да что с тобой сегодня, брат?
ЯНУС. Достали!
АЯ. Чем?!
ЯНУС. Да всем! Одеждой, едой, законами...

ЮСИФ. Да где ж законы их читаешь ты?
ЯНУС. В ее глазах! В надменном взгляде, в походке даже!
АЯ. Знаешь, хватит! *(резко поднимается и уход*ит).
ЯКУБ. Мерзавец ты!

Уходит за Аей.

ЯНУС *(сквозь зубы).* Иди ты!…
ЮСИФ. Янус! Мы все здесь гости...
ЯНУС. Но не я!
ЮСИФ. И ты. Нас кормит временно Земля...
ЯНУС. Не философствуй! Люди в страхе живут в Европе. Все теракты устраивает кто?! Они!.. *(Указывая вслед Ае).*
ЮСИФ. Неправда. Всех ты не вини. Да и вообще... Ты знаешь, сколько погибло от терактов?
ЯНУС. Много! Неважно, сколько, хоть один!
ЮСИФ. Согласен, да! Но посуди. При чем тут вера? Раса? Те же повсюду нравы!
ЯНУС. Всюду? Брешешь! Они рабы своих запретов!
ЮСИФ. А мы желаний своих!

Появляется Адель.

АДЕЛЬ. Привет!

Янус и Юсиф молчат.

АДЕЛЬ *(повторяет).* Привет! О чем так спорите вы горячо?
ЮСИФ *(задумчиво)* Да так...
АДЕЛЬ. Что так?

Янус молчит. Юсиф закуривает.

АДЕЛЬ *(задумчиво декламирует стихи).*

Что-то в мире совсем не так.
То ли ось смещена,
то ль небо перевернуто.

ЮСИФ *(потушив сигарету).* И не страх, а отчаянье – в горстке пепла…
ЯНУС. Страх и отчаянье! Весь Запад от беженцев в чалме страдает!
АДЕЛЬ. Мой Запад сострадает им! О чем мы с вами говорим?…

Янус и Юсиф не отвечают.

АДЕЛЬ *(Юсифу).* Что ты читаешь? Что за книга? *(Юсиф показывает ей обложку книги.)* «В меня вместятся оба мира». Так это же Востока лира!
ЯНУС *(недовольно бормочет).* Опять Восток! Теперь и с лирой...
ЮСИФ. Да, Насими. И здесь же автор о Гусе повествует.
АДЕЛЬ. Правда? А Гус при чем?..
ЮСИФ. Они ровесники!

ЯНУС *(иронично).* Вот черт!

ЮСИФ.

И оба были протестанты!
И совпадают взгляды, даты!
Родились в один год! И казнь похожа...

ЯНУС. Энергию свою не трать... Не разгоняйся. Чушь все это. Идем, Адель.

АДЕЛЬ. Нет, ты иди. Я почитаю здесь…

ЯНУС. Хмм... Лады!..

Уходит.

ЮСИФ. Тебе он нравится?

АДЕЛЬ. Ну что ты! Нас связывают юность, годы… Он очень сложный. Но талантлив.

ЮСИФ. И Муза его – ты...

АДЕЛЬ. Да ладно! Мне как-то это все равно...

ЮСИФ. Адель! Хочу сказать давно…

АДЕЛЬ. Скажи…

ЮСИФ. Ты бы в Баку жила?

АДЕЛЬ *(смеясь).* Я там ни разу не была!

ЮСИФ. Так все случается впервые. Как ты случилась в моей жизни…

АДЕЛЬ. Какой шутник!

ЮСИФ. Мне не до шуток. Я ведь уехать должен буду… Боюсь я потерять тебя...

АДЕЛЬ *(с грустью).* Молчи, Юсиф… Боюсь и я... *(Пауза.)* Дай твою книгу…Можно?

ЮСИФ *(протягивает ей книгу).* На! О, Боже! Как же прекрасна ты сейчас!

АДЕЛЬ *(смущенно улыбаясь).* Посмотрим, что нам напророчит… *(Читает.)*

Ночного неба балдахины
Вздымает влажный ветерок,
Колдуя, как седой алхимик.
Под мантией его Восток
Вдруг ожил: месяц цвета бронзы...

ЮСИФ *(любуясь Адель, подхватывет).*

Пустыни женские черты,
Над ними родинками – звезды
И страсть, разбившая шатры...
Нередкой гостьей, но незваной
Тоска вновь селится в меня...

ЮСИФ и АДЕЛЬ (*в один голос*).

И взгляд – уставшим караваном
Блуждает в поисках огня…

На сцену неожиданно врывается ветер. Адель с трудом удерживает в руках книгу. Юсиф обнимает её, закрывая своим телом. Гаснет и вспыхивает свет, и сквер сменяется видом на караван-сарай поздним вечером далекого средневековья.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

На экране несколько человек по-прежнему возводят деревянное строение. На передней части сцены – караван-сарай, освещенный светом небольших костров, разведенных в чугунных котлах. Порывы ветра играют языками пламени. Юсиф сидит у костра и подбрасывает в чан хвороста. Появляется Якуб, садится рядом, греет руки. Из комнаты выходит помощник отца Адель – это Янус. Он проходит мимо Юсифа и Якуба, смотрит вдаль, пытается разглядеть строительство.

ЮСИФ.

Блуждает в поисках огня
колючий одинокий ветер,
несправедливый мир браня...

ЯКУБ *(задумчиво).* Мир, за который мы в ответе…

Якуб затягивает мугам. Из шатра появляется мужчина лет сорока – это отец Адель.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Салам алейкум!

Юсиф и Якуб не слышат.

ОТЕЦ АДЕЛЬ *(повторяет).* Салам алейкум!

Якуб умолкает. Юсиф и он с почтением поднимаются.

ЮСИФ. Алейкум-ас-салам!
ЯКУБ. Алейкум-ас-алам!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Да не вставайте вы, сидите. Куда путь держите?
ЮСИФ. В Тель ас-Сетт. А вы здесь в качестве гостей?
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Торгую тканями я в Праге, Констанце, Риме. Здесь скупаю шелка.
ЮСИФ. Вы ездите один?
ОТЕЦ АДЕЛЬ. С дочкой и помощником моим. *(Обернувшись.)* Доченька! Где ты?
ЯНУС. Бездельничает! *(Указывая в сторону комнаты.)* Там сидит!
ОТЕЦ АДЕЛЬ *(продолжает).* Во вторник здесь был ад. С поэта сдирали кожу. Дочка это случайно увидала и с тех пор ни ест, ни пьет....
ЯНУС. Молчит... *(Отцу Адель с наигранным беспокойством.)* Она же исхудает так!
ЯКУБ. Храни дитя от бед, Аллах!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. В слезах вся. Мается два дня...
ЮСИФ *(печально).* С горем смириться сложно...
ЯНУС *(тихо отцу Адель).* Ты прибавляешь ей страданий, с ней путешествуя по странам!
ОТЕЦ АДЕЛЬ *(задумчиво).* А может, стоит мне ее оставить со старшею сестрой?.. *(Янусу.)* Заглянешь в комнату, мой друг? Забеспокоился я вдруг...

Янус уходит в одну из комнат караван-сарая.

ОТЕЦ АДЕЛЬ *(продолжает).* Позапрошлым летом и у нас еретика казнили. Казнь ее так потрясла, что месяц писала в дневнике о смерти…

ГОЛОС АДЕЛЬ *(из комнаты).* Я обо всем скажу отцу! Он доверяет подлецу!

Адель выбегает из комнаты в смятении. Вслед за ней незаметно выходит Янус.

ОТЕЦ АДЕЛЬ *(смотрит на Адель, потом на Януса).* Что стряслось?

ЯНУС. Да ничего. Девичья злость...

Адель вдруг замечает Юсифа.

АДЕЛЬ *(с удивлением и радостью).* Вы?..

ЮСИФ *(улыбается).* Я... Юсиф.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Так вы знакомы? Вы – Юсиф?

ЮСИФ. Да, я Юсиф. Знакомы, да.

ЯНУС *(шепчет отцу Адель).* Девчонка выросла, и вам ее оставить бы в Константе, подальше от восточной страсти...

АДЕЛЬ *(не слыша Януса).*

Вчера столкнулись мы случайно.
На рынке пел он так печально.

(Юсифу.) Сыграть нам на свирели сможешь?

Юсиф достает свирель и начинает играть. По мере того, как звучит музыка, ветер стихает и мелодия заполняет все пространство.
На сцене неожиданно появляется Слепой Ангел. Он странно одет, да и внешне как будто изменился – стал и стройнее, и выше.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ *(читает стихи).*

Всю суть благого тайника от волоска до волоска
По знакам мушек и пушка я на челе твоем постиг.
Ее рубинов-уст вино, что ото всех утаено,
Мне было господом дано как животворнейший родник!
Из ликов, созданных судьбой, тобою посрамлен любой:
Лишь тот, что воплощен тобой, красой невиданной велик.
С тех пор, как вечны времена, и высям неба жизнь дана,
Тебе подобная луна не восходила ни на миг!
Твой лик невежда-зубоскал с людским обличием равнял,
Но где единый бог бывал, подобно людям, многолик?
«Пей, – очи кравчего велят, – налитый в кубок хмель услад:
В чертоге единенья взят сей кубок – чаша горемык!»
От века та краса была для нас величием светла,
И вечный свет ее чела навеки в нашу суть проник.

Слепой Ангел также неожиданно уходит.
С новой силой поднимается ветер, играя языками пламени в чанах.

АДЕЛЬ *(изумленно).* О, Господи!.. Где он?!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Дервиш!..
ЮСИФ *(потрясённый, шепчет).* Учитель мой!..

Юсиф бросается вслед, никого не обнаружив, возвращается к костру. Адель садится рядом и вдруг замечает листок бумаги.

АДЕЛЬ. Смотри! Что это?
ЮСИФ. Где? *(Берет записку, читает).* Газель...
АДЕЛЬ *(читая).* Та, что он нам сейчас…
ЮСИФ. Да…
ЯНУС. Покажи мне, что там?

Берет записку и неожиданно бросает в костер.
ЮСИФ. Что ты наделал?
АДЕЛЬ. Янус! Как ты...
ЯНУС. Ересь сжег!
АДЕЛЬ. Как ты посмел?
ЯНУС. Я этим спас от наказания всех вас!
АДЕЛЬ. Юсиф, бежим! Найдем его. Он далеко уйти не мог!
ЮСИФ. Бежим!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Куда? Адель! Какая, к дьяволу, газель?!
ЯНУС. Не отпускай ее с мальчишкой!..
ЯКУБ. Вот негодяй!
ЯНУС. Эй, ты! Потише!..
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Адель! Вернись!

Янус незаметно уходит.

АДЕЛЬ *(убегая).* Отец, я скоро!..

Через некоторое время Адель и Юсиф возвращаются. Присев у костра, они вновь слышат звуки свирели.

ЮСИФ *(читает стихи Насими)*.
Ни на земле, ни в райской вышине
Тебе подобных нет, на горе мне.
Своей красой ты мертвых воскрешаешь,
Твоя краса – как весть о Судном дне.
АДЕЛЬ.
Здесь, на земле, как в райской вышине,
Ласкают слух восточные газели,
И льется эхом песня менестреля,
Господним гласом в хрупкой тишине…

Внезапные и сильные порывы ветра врываются на сцену. Юсиф и Адель кружатся в танце. Ветер гасит огонь в чанах...

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Скверик перед Пражским университетом.
На скамейке Адель и Юсиф. Адель держит в руках книгу.

АДЕЛЬ (*читает*).

Здесь, на земле, как в райской вышине,
Ласкают слух восточные газели,
И льется эхом песня менестреля,
Господним гласом в хрупкой тишине…

Как красиво!..

ЮСИФ. Да...

АДЕЛЬ. Юсиф! Пойдем сегодня на «Юдифь»?

ЮСИФ. Посмотрим, радость. Мне нужно дописать работу...

АДЕЛЬ. Как продвигается?

ЮСИФ. Да так. Я в поиске пока.

АДЕЛЬ. В стихах?

ЮСИФ. В стихах! Уверен, что поэт оставил в них такой же след, что и Ян Гус в своих трактатах.

АДЕЛЬ. Уничижая мир богатых?

ЮСИФ. Не знаю. Я ищу. Быть может. И в этой книге автор тоже предполагает это.

АДЕЛЬ. Да. Я пролистала книгу. Там сжигает кто-то все, и знаешь, мне кажется, что автор прав. Послание во всех стихах, во всех речах, поступках жизни, что на алтарь Любви сложили они...

ЮСИФ. Адель! Я верю в то, что есть и нечто большее. Поверь...

АДЕЛЬ. Хочу помочь тебе я… Можно?

ЮСИФ. Как ты красива сейчас!..

АДЕЛЬ *(обратив внимание на раскрывшуюся в скверике розу).* Боже! Посмотри! Взгляни на розу! Лепестки раскрыты, как душа поэта, что дарит миру не стихи, а аромат и вкус. За это ее лелеют только те, кто создал сад и любит землю…

ЮСИФ. Я так признателен судьбе. За лучшее стихотворенье! И розу, что, как жизнь, лелею…

АДЕЛЬ. Юсиф!

ЮСИФ. Адель! Ты мой цветок!

АДЕЛЬ. А ты мой вдохновитель строк! Люблю тебя!

ЮСИФ. И я!

Появляется Янус.

ЯНУС. Ах, вот ты где! И с кем! Опять…

АДЕЛЬ. Да, с ним.

Начинает читать книгу.

ЮСИФ. А что не так?

ЯНУС. Все так, Юсиф. Мы собирались на «Юдифь», а театр – здесь! Адель, не так ли?!

Подходят Ая с Якубом.

АЯ. Привет! Во сколько наш спектакль?

АДЕЛЬ *(оторвавшись от чтения).* Привет. Пока есть время. В семь.

ЯНУС *(язвительно).* Хотя бы в театр сняла свой шлем…

ЯКУБ. Опять хамишь?

АЯ. Якуб, не слушай! Да ну его! Он хамству служит.

ЯНУС. Служить – твоя прерогатива.

ЮСИФ *(с угрожающим видом идет к Янусу).* Послушай, ты!..

АДЕЛЬ *(встаёт между ними).* Ну, все, ребята! Хватит, тихо! Нас остальные ждут у входа.

АЯ. Ну так идемте! Мы готовы!

АДЕЛЬ *(Янусу тихо).* Ты знал, что вместе мы идём! Не приходил бы!

ЮСИФ *(с улыбкой произносит пословицу на азербайджанском языке).*

ЯНУС *(наигранно смеясь).* Он о чем?!.

ЮСИФ. Сейчас узнаешь, я о чем!..

Адель опять встает между ними.

ЯНУС *(с усмешкой).* Артист!..

АДЕЛЬ *(твердо).* Все! Мы спешим уже! Идем!.. Все мы артисты! Хоть немного…

Все вместе уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

XV век

Сцена разделена на две части. Одна ее часть отдана под уголок в стенах Пражского университета. Здесь при слабом дневном свете, падающем из высокого окна, Ян Гус беседует с Адель. Янус слушает, периодически что-то записывая.
Противоположная часть сцены – Восток. Шатёр Правителя.
Пока действие будет происходить в западной части сцены, восточная не будет освещена. Как только закончится действие на Западе, в той части сцены свет погаснет и будет освещена восточная часть.

ГУС. Все мы артисты! Хоть немного... А сцена – на ладони Бога.

АДЕЛЬ. А если Он сожмет кулак?

ГУС.

Он милосерден. Сколько благ
Он посылает человеку, живущему не по завету…

АДЕЛЬ. Повсюду нынче беспредел!

ГУС. Да, Адель, все продается! Власть имущих народ мой мучает!

АДЕЛЬ. Все пуще… Уже и проповеди платны. За исповедь мы вносим плату.

ГУС. Неграмотность всему виной! Отступники в священной рясе перевирают суть Писанья!

В комнате появляется Пражский Архиепископ.
Не спеша, он подходит к креслу и садится. Адель, откланявшись, покидает комнату.

АРХИЕПИСКОП. Ваши слова пусты, пан Гус!
ГУС.
В пустом кармане ценный груз – кулак!
Мои слова сильны, и вы страшитесь их!
АРХИЕПИСКОП. Смешны и вы, и ваша речь, поверьте!
Вы против церкви! И в ответе не предо мной, а перед Богом!
ГУС. Его Священной Книге только и предан я!.. По ней живу!
Ее народу своему, на языке родном, доступном читаю я.
Чем я преступен?!
АРХИЕПИСКОП. Да полно вам! Идет о вас уже молва как об отступнике!..

ГУС. В чем ересь? Мне самому себе не верить?!
За таинства взимают плату у МОЕГО народа!..
АРХИЕПИСКОП. Папу вы не ввергайте в гнев!
ГУС. Я гнева боюсь лишь Божьего!
Я вместе со своим народом и голодал,
и хлеб делил с голодными!
И год за годом в лишеньях познавал я мир!
Несправедливый не по сути! По форме! Власть продажна! Власть!
И хлеб в Писании насущный не мой, не ваш, а наш он – наш!

Раздается звон колоколов.

АРХИЕПИСКОП. Призыв к молитве льётся Свыше!..
ГУС. Колокола всегда я слышу. Так зов народа моего
в моей душе звучит давно!.. Ну, а сейчас спешу, простите.
АРХИЕПИСКОП *(усмехается).*
На проповедь? Ну что ж. Идите.
Но прежде дам совет. В Констанце
вам следовало бы отказаться
от ереси своей, пан Гус.
Собор Вселенский созовут, чтобы спасти вас.
ГУС. Мне отречься? О том не может быть и речи!
Как в небо я тогда воззрю?!
Сам Император Сигизмунд мне покровительствует!
(Показывает охранную грамоту.)
АРХИЕПИСКОП. Ладно. Ступайте!

Гус уходит. Янус подходит к Архиепископу.

ЯНУС *(вкрадчивым голосом).* Предупредить нам надо Папу!
АРХИЕПИСКОП. Ступай!

Янус, поклонившись, собирается уходить.

АРХИЕПИСКОП. Постой! *(Указывая вслед ушедшему Гусу).*
Такие люди Историю порой и пишут!

ЯНУС. О нет, Ваше Преосвященство! Нет!
Таких людей ждет только плаха!
Их имена исчезнут – прахом!
Весь путь их, как и мир подлунный, тлен!

(Рвёт на клочки бумагу, на которой писал.)

В этой части сцены свет гаснет, и освещается противоположная сторона. Восток. Шатёр Правителя. К шатру подходит человек в одеянии Дервиша – это Насими. Янус, он же Шут, стоит перед куклой в наряде Правителя, что-то бормочет, пританцовывает и, поглядывая на Насими, напевает:

ЯНУС. Весь путь его, как мир подлунный, тлен!
ПРАВИТЕЛЬ. О ком ты это?
ЯНУС *(кукле, усмехаясь).* Все о нём. Явился гордый на поклон…

Пальцем указывая в сторону Насими.

ПРАВИТЕЛЬ. Такие люди Историю порой и пишут…
ЯНУС *(кукле).* О нет, Правитель! Вели казнить его, иначе он смуту будет сеять...
ПРАВИТЕЛЬ: Мальчик! Не смей указывать мне! Шут!
Я головы тебя лишу! Зови его, скорей!

Янус на мгновение застывает в поклоне перед куклой, затем уходит и возвращается, пропустив вперед Насими. Поэт останавливается в нескольких шагах от Правителя, чуть наклоняет голову и с почтением смотрит на него.

ПРАВИТЕЛЬ. Как называть тебя?
НАСИМИ. Имадеддин.
ПРАВИТЕЛЬ. Сейид Али?
НАСИМИ. Пожалуй. Да.
ЯНУС *(иронично кукле).* Он жив еще?..
НАСИМИ *(с усмешкой шуту).* Весь пред тобою во плоти.
ПРАВИТЕЛЬ. Ты смел! Я храбрецов ценю, поэт.
НАСИМИ. В конечном счете страх дороже.
ПОВЕЛИТЕЛЬ. Сложи пока язык свой в ножны. И верно говорят – ты дерзкий!
НАСИМИ. Ведь ты не звал меня за лестью.
ПРАВИТЕЛЬ. А ты догадливый, поэт! Надеюсь, ум спасет от бед.
И ты ответишь так же мудро. К чему в стихах ты сеешь смуту?
К свободе призываешь всех, беря на душу смертный грех!
ЯНУС *(кукле).* Да он ведь дружен с Сатаной!
ПРАВИТЕЛЬ *(Янусу).* Уйди ты с глаз моих долой!
ЯНУС *(кукле).* Язык ему отрезать надо! Чтоб не было другим повадно!
ПРАВИТЕЛЬ. Замолкни, шут! *(Обращается к Насими.)* Ответь, прошу!
НАСИМИ.
Я попытаюсь объяснить.
Свобода – это Божья нить.
Коль потеряем мы ее, то перестанем быть собой!

ПРАВИТЕЛЬ. Так важно быть собой толпе?!
НАСИМИ. Она ведь предана тебе! А потеряв себя, однажды
предаст все то, что слыло важным...
ПРАВИТЕЛЬ. Свобода – домысел и прах. Народ её боится!..
НАСИМИ. Страх рождает только лишь незнание.
Он будет изгнан пониманием,
что человек хозяин сам души свободной!
ПРАВИТЕЛЬ. Он – вассал! Он – раб и мыслей, и желаний. Он слеп…
НАСИМИ. Прозреет! Знаний пламя излечит, проливая свет…
И возродится человек! Он сам себе и Бог, и раб!
ЯНУС *(кукле).* Слыхал?! Казнить его! Карать!
Он и в женском лике видит Бога! Он возомнил себя пророком!
НАСИМИ *(улыбаясь).*
Сравню с луною ее лик – и тут же гибну от стыда,
Сравню ее с людьми – и вмиг пред Богом стыдно мне тогда.
ПРАВИТЕЛЬ.
В глазах ее бушуют волны,
В них тонут мира корабли,
В каменьях золотой короны
Не диаманты, а угли,
В словах скрывается притворство,
Коварством полнится сума,
Пересчитать сумеет звезды
В ночи темнее, чем сурьма.
Шипам не удивляйся розы,
Обвившей стан ее, и знай:
Она приносит миру слезы!
В обличье женском – Сатана!
НАСИМИ.
В предвечном мире бытия провидел я любимой лик,
И знаменьем краса ее открылась мне на свитках книг...
ПРАВИТЕЛЬ *(прерывает Насими).*
Ты мне, поэт, не друг, не враг.
За честность дам тебе совет.
Ты в Халеб не ходи. От бед
Держись подальше, человек!
НАСИМИ. Спасибо за совет. Но строки
Ведут меня, как пеших ноги…
Я доверяю им, как сердцу...
ПРАВИТЕЛЬ. А если ложен путь?
И к смерти они тебя ведут, поэт?
НАСИМИ. Смерть – не страшнейшая из бед.
Есть вещи пострашнее смерти!
Боюсь измены хищной плети!
Предать себя – вот это казнь!
ПРАВИТЕЛЬ: Не стану больше понукать.
Ступай, но помни мой совет…

ЯНУС *(кукле).* Ты отпускаешь его?! Нет!..
ПРАВИТЕЛЬ: Ты возразить решил мне, шут?!
Я головы тебя лишу!
НАСИМИ: Да на шута ты не сердись!..
Позволь и мне совет свой дать.
Чтоб этот мир понять, им восхититься надо,
Чтоб свет любви познать, страдать в темнице надо,
И если ты султан, а хочешь видеть Бога,
С престолом и венцом тебе проститься надо.

Насими уходит.
Янус начинает срывать с куклы одеяние Правителя. В это время сильный порыв ветра врывается в шатёр, и свет гаснет…

СЦЕНА ШЕСТАЯ
XXI век

Квартира Адель. За столом Адель и Юсиф что-то печатают на компьютере. Янус сидит в другом конце стола и в такт льющему за окном дождю постукивает каким-то предметом по столу. Адель вздыхает и с недовольным видом смотрит на Януса. Янус прекращает стучать и жестом показывает, что он больше стучать не будет. Через пару секунд Янус начинает громко смеяться.
Юсиф и Адель удивленно переглядываются.

АДЕЛЬ *(на чешском).* Цо? *(Что?)*
ЯНУС. Ха-ха-ха... Ниц... *(Ничего.)*

Юсиф и Адель продолжают работать. Через пару секунд Янус опять начинает монотонно стучать по столу. Юсиф резко встаёт и стремительно направляется к Янусу, садится рядом, хватает его за руку, пытаясь отнять предмет, которым тот стучит. Между ними завязывается борьба. Сцепившись ладонями, каждый пытается повалить руку другого.

ЯНУС *(в борьбе, сквозь зубы).* Тебе проститься надо с идеей о посланье.
ЮСИФ. А может, ты советы оставишь при себе?

Юсиф побеждает и отнимает предмет, которым Янус стучал.

ЯНУС *(с иронией).* Мне за тебя досадно. За время твоё...
ЮСИФ. Знаешь, ты о своем подумай – бесценном бытие!
АДЕЛЬ. Не спорьте!

В комнату входит отец Адель.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. О чем спор ваш?
ЮСИФ. Извините...
АДЕЛЬ. Да о Юсифа теме дипломной...

ЯНУС *(усмехается).* Об идее объединить Яна Гуса с поэтом Насими.
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Отсюда поподробней…
АДЕЛЬ. Пока в стихах он ищет послание о том...
ЯНУС. Да ерунда все это!
ЮСИФ. А может, ты отчалишь?!
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Как ни звучит печально – похоже на абсурд.
АДЕЛЬ. Но, папа! Ты не знаешь!..
ОТЕЦ АДЕЛЬ. А ты, Адель, все знаешь?
Так расшифруй, пожалуй, о чем толкует друг.
АДЕЛЬ. Ты не настроен, папа. Давай попозже, ладно?
ЮСИФ. Мне уходить уже пора.
ОТЕЦ АДЕЛЬ. Конечно, не вопрос. Пока.

Кивнув, Юсиф уходит. Адель бежит за ним.

АДЕЛЬ. Юсиф!

Юсиф останавливается. Адель обнимает его.

АДЕЛЬ *(тихо).* Ну, хватит. Прости...Ты любишь меня? Любишь?..

Юсиф молчит.

АДЕЛЬ. Ну? Скажи... Скажи, ты любишь меня?
ЮСИФ. Очень... Твои глаза – чернее ночи,
И губ полуоткрытых контур, заносчивость твою и гонор...
АДЕЛЬ. Ах вот ты как! *(Она шутливо треплет его волосы, затем убирает руки.)* Когда пойдем в часовню?
ЮСИФ. Я не знаю.
АДЕЛЬ. А может, завтра?

Юсиф пожимает плечами.

АДЕЛЬ. После занятий?

Юсиф молчит. К ним подходит Янус.

ЯНУС. В какую из часовен?
ЮСИФ. Тебя не звали, кстати...
ЯНУС. Ты помолчи, писатель!
ЮСИФ. Замолкнешь ты сейчас!
АДЕЛЬ. Прошу тебя! Не надо!

Подходит отец.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Вы здесь?
ЮСИФ *(резко).* Ну что ж, пойду писать! Спасибо, до свиданья!
ЯНУС: Чао!
АДЕЛЬ: Юсиф!…

Бежит за ним, возвращается и слышит разговор отца с Янусом.

ЯНУС: Ворона садится рядом с вороной.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Пословица наша точна, бесспорно… И если б Адель поняла это…

АДЕЛЬ. Что? О чем вы? Вороны тут, Янус, при чем?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Союз ваш с Юсифом не может быть прочен.

АДЕЛЬ. А может, не будете вы мне пророчить?

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Мы разные, дочка! Культура, язык, традиции…

АДЕЛЬ. Хватит! Не вешай ярлык! Вот так нетерпимость к другому народу приводит к раздорам.

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Адель!

АДЕЛЬ. Все! Довольно! Ты мне все испортил! Он вряд ли вернется…

ОТЕЦ АДЕЛЬ. Одним словом обидели парня? Прости, но это выглядит странно.

АДЕЛЬ. Ну, все, тороплюсь я!

Янус встает, чтоб пойти с ней.

АДЕЛЬ. Не надо за мной идти, Янус. *(Отцу.)* Пока!..

ЯНУС *(С усмешкой.)* Совет хоть прими напоследок тогда, Усмири свой бакинский хазри!

Адель останавливается, на мгновение задумывается.

АДЕЛЬ *(декламирует).* Он – ветер! От природы вольный и не подвластный никому!..

Адель уходит.

Внезапный порыв ветра меняет декорацию, и мы переносимся в XV век.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

В правой части комната с небольшим окном – это комната Насими. За окном видна дорога, ведущая к городским воротам. Видны устремлённые в ночное небо минареты мечетей. Слышны далекие голоса базарных торговцев. В левой части – комната Гуса, за окном которой дорога, деревья, силуэты далеких хижин и церкви. Обе части сцены освещены мягким лунным светом. Авторы хотят отметить, что диалоги должны ненавязчиво и плавно переходить из одной комнаты в другую. В правой части комнаты находятся Насими и Лейли. Он стоит у окна. Лейли с улыбкой смотрит на него, подходит, кладет ему на плечо руку.

ЛЕЙЛИ. Ты – Ветер! От природы вольный и не подвластный никому!

НАСИМИ. Подвластен! Сердцу своему!
Едва коснется кос твоих дыханье утреннего ветра
Их мускус обратит весь мир в благоуханную долину…

ЛЕЙЛИ. Я у него в плену давно… С тех пор я пью любви вино…
В том, что пьяна я – кто виной? И что в неволе – кто виной?

В комнате Гуса Лаура играет на клавесине.

ГУС. Лаура!
ЛАУРА. Ян! Ну, наконец! Я так ждала! Я так скучала!
ГУС. Я тоже, милая! Я смерть как будто пережил…
ЛАУРА. Отчаянье и мною овладело. Я…
ГУС. Ты – Ангел! Я люблю тебя…
ЛАУРА. И я тебя!

Целуются.

НАСИМИ. Когда б взошел я над тобой весенним солнцем,
То ты бы знала, как прибой о берег бьется,
И как горячие лучи пронзают землю,
И как влюбленный Насими слагает песню!
Кто автор этих дивных строк? Тебе они знакомы?
ЛЕЙЛИ. В них псевдоним твой, да и слог твои стихи напомнил…
НАСИМИ. Их мастер создал! Но не я…
ЛЕЙЛИ *(покраснев)*. А кто тогда?

ЛАУРА. Ян! Посмотри! *(Открывает холст.)*
ГУС. Какой портрет! Мадонна?!
ЛАУРА. Право, я рисовала столько лет его… Но от тебя скрывала.
ГУС. Я узнаю ее черты! Овал лица, и взгляд, и губы. Младенец?! Сын наш!..
ЛАУРА. Да! Чтоб ты мог любоваться нами…
ГУС. Любо мне все, что создано тобой. Но это так опасно… Перепиши его, молю!
ЛАУРА *(с улыбкой и нежностью гладит его по лицу)*.
Разгневаю тогда я Аполлона!
В его божественных глазах, как в самых чистых зеркалах,
Такой Мадонну увидала! С нее портрет я рисовала…

НАСИМИ *(восклицает).* Душа моя!
Твой голос звал меня с пустынь Востока…
Я шел вдоль Млечного пути, считая звезды,
чтоб среди них свою найти, но где те звезды?
Как солнце надо мной взошло, они померкли!
Я слился с солнечной душой твоей – навеки!
ЛЕЙЛИ. Мой Насими!
НАСИМИ. Моя Лейли! Я так люблю глаза твои!
ЛЕЙЛИ. А я тебя!
НАСИМИ. Лейли!

Обнимаются.

ГУС. Лаура!
ЛАУРА. Ян!
ГУС. Моя Богиня! О, Боже! Грешника помилуй! Люблю!
ЛАУРА. Люблю!

Целуются.

НАСИМИ. Я тебя полюбил – и страшнее мученья нет.
Я по миру бродил, но нигде утешенья нет.
Всем теперь расскажу: кроме губ незримых твоих,
Для души Насими иного лечения нет!

ЛЕЙЛИ. Любимый, в Халеб не ходи!

НАСИМИ. Лейли!

ЛЕЙЛИ. Прошу, Имадеддин!

НАСИМИ. Светилом счастья озарён над нами небосвод!
Венера благостных времён сияет нам с высот.

ЛЕЙЛИ. Когда в разлуке мы с тобой, что мне сиянье звезд?
Когда в разлуке мы с тобой, безлик и небосвод…

НАСИМИ. Но за разлукой встреча есть, и встрече есть конец.
Ведь вся Вселенная – мечеть для любящих сердец!

Слышен тревожный звон колоколов.

ЛАУРА. Ян! Любимый! Я так волнуюсь за тебя!
Твои все речи очень смелы!
Доходят слухи и сюда, что ждет тебя Собор Вселенский.
Они осудят тебя, Ян! Прошу тебя, останься, Ян!

ГУС. Лаура, солнце, перестань… Я не могу с тобой остаться…
Необходимо быть в Констанце.
Мне есть, что донести до света!..

(Гладит ее округлый живот.)

А волноваться тебе вредно…

ЛЕЙЛИ. Имадеддин! Моя душа! Я буду вечно тебя ждать…

НАСИМИ. Пора идти.

Обнимаются.

ГУС. Прошу я, перестань страдать!..Пора мне...

ЛАУРА. Ян! Прошу я, не езжай в Констанц!

Обнимаются.

ЛЕЙЛИ. Мой Насими!

НАСИМИ. Моя Лейли!

ЛАУРА. О, Господи!..

Насими и Ян Гус одновременно уходят.

ЛАУРА *(вслед).* Ян!...

ЛЕЙЛИ *(вслед).* Имадеддин!

Свет гаснет.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

На скамейке сидит элегантно одетая Ая и читает книгу.
Появляется Юсиф. Он взволнован. Звонит кому-то. Ему не отвечают.

ЮСИФ. Господи!..
АЯ. Привет, Юсиф!
ЮСИФ*(нервно).* Привет. Якуба не видела?
АЯ. Он должен подойти. Сейчас звякну *(Звонит по мобильному телефону)* Странно… Не отвечает.
ЮСИФ. Он мне так нужен! Так нужен!.. *(Звонит еще раз)* Черт!

Уходит. Ая с удивлением смотрит ему вслед. Появляется Адель.

АДЕЛЬ. Привет! Как выглядишь красиво!
АЯ. Привет, Адель! И ты!
АДЕЛЬ. Спасибо! Юсиф не приходил сюда?
АЯ. Да, приходил. Якуба искал и был взволнован чем-то…
АДЕЛЬ. Черт! *(Звонит по мобильному, но никто не отвечает)* И телефон все время занят… Пойду! Вернётся, пусть ждёт меня!

Адель быстро уходит. Появляется Янус. Смотрит вслед Адель.

ЯНУС. Куда она так?
АЯ *(не удостаивает его даже взглядом).* Я не знаю.
ЯНУС. А ты сегодня ничего...
АЯ. Иди своей дорогой, Янус!
ЯНУС. Остановлюсь пока я здесь! (*Садится рядом с Аей.)*
АЯ *(резко поднимается).* Ну, что ж! Тогда, пожалуй, уйду я.
ЯНУС *(иронично).* Не возражаю! Пожалуйста…

Подходит Якуб. Ая идет ему навстречу.

АЯ. Ну, наконец! Привет!
ЯКУБ. Привет!
АЯ. С Юсифом встретился?
ЯКУБ. Я? Нет.

Янус продолжает сидеть на скамейке. Делает вид, что спит.

АЯ. Искал тебя он, мы звонили.
ЯКУБ. Хандрит сегодня мой мобильный… Перезвоню. *(Звонит.)* Алло? Юсиф? Привет. Тогда меня там жди. Давай, пока! *(Ае.)* Идем со мной?
АЯ. Идем!
ЯНУС. Я с вами!
ЯКУБ. А мы тебя с собою звали?
ЯНУС. Ну что ж, и вы мне не нужны! (*Уходит.)*
АЯ. Терпеть его я не могу.

ЯКУБ. Я понимаю. Но не злись. Идём!
АЯ. Идем! Но что стряслось?

Уходят в противоположную сторону.
Появляется группа кришнаитов. Они шествуют под звуки бубнов и пения «Харе Кришна». С другой стороны появляется человек в чёрных очках, с тростью – Слепой Ангел. Поравнявшись, и кришнаиты, и Слепой Ангел останавливаются.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Шорох крадущейся ночи,
Шелест листвы за окном,
Шарканье памятных строчек,
Шаг ускоряющих днем.

Шрифт моросящего утра,
Шум еще сонных машин,
«Шшшш» – так и слышится всюду...
Шепчет не осень, а жизнь.

Появляются наши молодые герои.

ЯКУБ *(Юсифу).* Когда ты создал файл?
ЮСИФ. Весной. В начале марта.
АДЕЛЬ. Юс, родной! Мы восстановим все!
ЮСИФ. Когда? Через неделю – сдача…
АЯ. Да?
ЯКУБ. Не паникуйте. Время есть.
ЮСИФ. Переписать? Нет, не успеть…
ЯКУБ. Придумаем…

Слепой Ангел слышит разговор наших героев.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Течет столетьями вода...Веками ветер пыль разносит...
Летят священные слова из уст в уста и вьются в гроздья…
Но гроздь одну сорвать посмел коварный многоликий змей…

Ребята удивленно переглядываются.

ЮСИФ. Какое тонкое перо… Вы – Поэт?
СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Перо, сравнимое с иглой, сшивает свежие все раны.
Его владелец – пылкий странник, пренебрегающий хулой.
Он ищет новые пути, от сердца к сердцу пробираясь...
АДЕЛЬ. Тот день настанет: вечный старец ему укажет, как идти!
СЛЕПОЙ АНГЕЛ *(оборачивается к Юсифу и Адель).*
Ваш день настал – нашли друг друга!
Вам вместе суждено быть. Но…
Подкралась ревность. За спиной у вас коварный змей!

Юсиф поворачивается и сталкивается с Янусом, который слышал весь разговор.

ЮСИФ. Ты? Янус?
ЯНУС. Я?!.. Что я? А что случилось?
ЮСИФ *(слепому).* Вы о нём?!.
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Прислушайся к себе...

Слепой Ангел собирается уходить.

ЮСИФ. Да! Он!..
ЯНУС. Да что клевещешь ты, свинья!
СЛЕПОЙ АНГЕЛ *(останавливается, говорит Юсифу на азербайджанском).*
Hamam-hamam içində,
Xəlbir saman içində.
Dəvə dəlləklik elər
Köhnə hamam içində.
Hamamçının tası yox
Baltaçının baltası.
Burda bir tazı gördük,
Onun da xaltası yox[1].
ЯНУС. Ты псом назвал меня?! Ты, крот!.. Да я тебя убью!

Янус кидается на Слепого Ангела и, схватив за горло, пытается задушить его.

СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Тебе меня не победить,
Хоть обрываешь ты, как нить,
Мои послания веками...
ЮСИФ *(Янусу).* Ты удалил мой файл! Мерзавец!!
ЯНУС. Сейчас получишь и ты!

Между Юсифом и Янусом завязывается драка.

АДЕЛЬ. О, Господи!
АЯ. Спаси, Всевышний!

Янус и Юсиф наносят друг другу удары. Янусу удается оттолкнуть Юсифа. Юсиф, неловко подвернув ногу, падает. Адель испуганно вскрикивает.

АЯ. Подлец!..

Тем временем Янус достает нож, бросается к Слепому Ангелу.
Ая истошно кричит. Адель в ужасе закрывает лицо руками.
Якуб и двое кришнаитов бросаются на Януса и ловко перехватывают его руку.
К ним на помощь бросается и Юсиф. Янус пытается вырваться.

ЯНУС. Убью! Всех убью!..

Его с трудом удерживают.

---

[1] старинная прибаутка-дразнилка в азербайджанском фольклоре;
tazı – охотничья собака;
xalta – ошейник

ЯКУБ. Мерзавец! Убери нож!..

СЛЕПОЙ АНГЕЛ: Года летят, трепещут, гнутся, стонут,
роняя то улыбку, то слезу,
меняя все, лишь многоликий боров
незыблем, и века его несут...

Юсифу вместе с кришнаитами удается скрутить Януса и поставить его на колени. Он корчится от боли.

ЯНУС *(стонет).* Больно! Мне больно!..

Слышен далекий звук сирены. Свет медленно гаснет…

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Слабый свет, идущий от дальних костров, едва освещает темницу. Она разделена на две равные половины тугой канатной сетью. В глубине по-прежнему идёт строительство. Порывы ветра играют языками пламени, отчего свет то гаснет, то возникает вновь, и с ним – силуэт Мечети в восточной части сцены. Насими на своей половине темницы. Облокотившись на разбитую лежанку, что-то пишет. Возникает и исчезает силуэт католического храма – Костёла – это на Западе. Ян Гус находится на своей половине темницы. Из глубины сцены к середине, разделяющей темницу на две части, идёт Слепой Ангел. Насими и Гус, заметив появление Слепого Ангела, подходят к нему. Их взгляды на мгновение встречаются. Они садятся. Слепой тоже садится рядом с ними, вопросительно смотрит на них. Насими поворачивается и смотрит на стройку. Гус смотрит на горящую свечу, протягивает руку к ней, обжигается и резко одергивает руку.

ГУС. Больно!.. Нет... Не будет этого, нет! Ведь там же за стеной собор!

НАСИМИ *(смотрит на стройку).* И там же купол за стеной!.. *(Продолжает писать.)*
От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд!
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!

ГУС.
Как мне помочь народу жить? Как передать мне им всю суть?
Как свить из букв спасенья щит и в мир вдохнуть живое: «Будь!»

Слепой Ангел поднимается, отходит в сторонку, продолжает смотреть на Насими и Гуса.

НАСИМИ. Благого лика естество, ты – свиток истины самой:
Весь сущий мир из букв его – в покровы их одет – явлен.

Гус смотрит в сторону стройки.

ГУС. Все строят...
НАСИМИ. Строят ...
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. И давно...
ГУС. Не мне ль, «еретику»? Что ложь?! Когда на правду точат нож...
СЛЕПОЙ АНГЕЛ. Лик истины всегда в крови...
ГУС. И солнце видит все, увы...
НАСИМИ. О, человек! Как ты наивен!
ГУС. О, Господи! Ведь я невинен...
НАСИМИ. Как ты не слышишь суть писанья?
ГУС. Доказывать им суть устал я!..
НАСИМИ. Я напоследок передам все!
ГУС. Мир рабский: разделяй и властвуй!
НАСИМИ. Не отрекусь от слов своих!

И Насими, и Гус тоже поднимаются и смотрят в ночное небо.
Обращают свои голоса к Небесам.

НАСИМИ. В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь!
ГУС. И я над словом своим властен, Боже! Как продавать прощенье можно?!
НАСИМИ. Не спрашивай! Иди за мною! Я в объясненья не вмещусь!
ГУС. Ты образумь людей, прошу! Реши неграмотность, сомненья...
НАСИМИ. Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто!
ГУС. Реши все праведным судом!
НАСИМИ. Хоть я велик и необъятен, но я – Адам, я – Человек!
ГУС. В темнице доживу свой век, но ведь не я, они в темнице!
Пускай прольется свет на лица всех тех, кто грязен и порочен!
Готов тогда я сгинуть молча!
НАСИМИ. Держи язык свой за зубами! Я и в язык твой не вмещусь!
ГУС. Где власть твоя? У них богатство! Народу помоги, прошу...
НАСИМИ. Я власть! Я вечное богатство, но и в века я не вмещусь!..

Слепой Ангел поднимает руки.
Насими и Гус отрываются от земли, взмывают вверх и исчезают в ночном небе.
Слепой Ангел, освещённый лунным светом, уходит вглубь сцены.
Слышатся голоса.

ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Ты слышишь меня?
НАСИМИ. Тебя слышу...
ГУС. Слышу...
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Не бойся!
ГУС. Я боюсь...
НАСИМИ. Мне страшно!
ГУС. Это кто?
НАСИМИ. Кто это?
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Твой стражник. Он защитит тебя! Ты видишь путь?
ГУС. Я вижу!
НАСИМИ. Вижу! Знаю!

ГУС. Знаю!
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Он приведёт тебя к Синаю.
ГУС. Через Констанц?
НАСИМИ. Через Халеб?
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Да! Ты видишь ту звезду?
ГУС. Мне светит!
НАСИМИ. Светит мне!
ГУС. Един!
НАСИМИ. Един!
ГУС. Путь наш!..
НАСИМИ. Наш путь!
ГУС и НАСИМИ *(вместе).* В Любви! В Насущном Хлебе! В Слове!
ГУС. Суть Слова!
НАСИМИ. Слова Суть!
ВСЕ ВМЕСТЕ. В Любви!
ГОЛОС СЛЕПОГО АНГЕЛА. Иди! Иди! Иди!..

Свет гаснет.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Вифлеемская часовня. XXI век. Сумеречный свет предвечерней Праги мягко вливается в сводчатые, конусообразные окна Вифлеемской часовни. Длинные, чуть надломленные тени, хрустальная тишина под сводами часовни и уникальные фрески, молчаливо хранящие в себе тайну столетий, создают ту благоговейную атмосферу, когда слова кажутся лишними, и любой сторонний звук невольно нарушает сосредоточенность души. Эхом слышится «Иди, иди, иди»...
Тёмная часть сцены, где расположена Хижина Ангелов, едва освещается лунным светом. Дымятся чаны с варевом, и светятся в темноте чётки, всё так же лежат на столе странные предметы.
Появляется Хромой Ангел. Поглядев по сторонам, он, неслышно ступая, переходит в часовню, оставляет на маленьком круглом столе свиток и удаляется.
В часовню входит Юсиф. Он сразу направляется к настенным фрескам. В это время Адель подходит к одной из сводчатых стен часовни, останавливается в задумчивости, словно хочет вдохнуть дыхание того времени.
Появляется Янус. Почувствовав присутствие чужого человека, Адель оборачивается.

ЯНУС. Поверь, я, правда, не хотел...
АДЕЛЬ. Довольно! Я сыта...
ЯНУС. Адель! Ты видела...
АДЕЛЬ. Все! Уходи!..
ЯНУС. Адель, пожалуйста! Прости...
АДЕЛЬ. Прошу, оставь меня…

Янус подходит к ней, пытается взять ее за руку.

ЯНУС. Адель!
АДЕЛЬ *(резко одергивает руку).* Тогда уйду я!
ЯНУС. Нет! Адель! Нет!.. Прости. Я ухожу. Пока. Прощай!..

Янус уходит...
Адель проходит в глубь часовни, видит Юсифа и идет к нему.

ЮСИФ. Я ждал тебя!
АДЕЛЬ. Любимый! *(Обнимаются.)* Юс... *(Она смотрит ему в глаза.)*
Знаешь, не боюсь разлуки я... Поедем вместе!
ЮСИФ. Со мной? В Баку? Адель, ты честно?
АДЕЛЬ. Да! Я решила.
ЮСИФ. Я так счастлив! Тем более... Адель! Смотри... *(Показывает на надпись.)*
АДЕЛЬ *(читает).* «Не хлеб мой насущный, а хлеб наш насущный». Ян Гус?
Юсиф. Да! Ты видишь связь? Стихи не помнишь? Насими?
«От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд!
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!»
АДЕЛЬ. Так вот послание!..
ЮСИФ. Да...

В это время темную часть часовни заливает мягкий свет, и становится виден силуэт Слепого Ангела, идущего к входу Хижины Ангелов.
В часовню входят Якуб и Ая. Они останавливаются у столика.
Якуб берет в руки свиток.

ЮСИФ. Привет, ребята!
ЯКУБ. Привет. Ты видел свиток?
ЮСИФ. Что? Откуда?
ЯКУБ. Он здесь лежал…

Юсиф буквально выхватывает свиток из его рук, раскрывает его.

ЮСИФ *(взволнованно).*
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!
В единой книге от...

В это время сильный порыв ветра врывается в часовню. Свиток вылетает из рук Юсифа и, покружив, опускается на горящие на алтаре свечи. Юсиф и Якуб бросаются и пытаются спасти свиток, но не успевают – свиток сгорает.

АДЕЛЬ. Господи!..

Неожиданно и резко меняются очертания теней – они словно оживают. Лунный свет освещает всё пространство. Тихо звучит одинокая свирель. Свет медленно гаснет в часовне и на заднем плане, куда ушли Насими и Гус. Остается освещенной только Хижина Ангелов. Слепой Ангел смотрит вдаль.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Ты проводил их?

Слепой Ангел кивает.

ХРОМОЙ АНГЕЛ. Как там люди?
СЛЕПОЙ АНГЕЛ.
Мир стар и неизменен!
Правят всё те же! И рабы – всё те!
Не изменились даже нравы!
В разгуле вечный беспредел.
Где справедливость? Где свобода?
В ком верность, правда и любовь?!..
ХРОМОЙ АНГЕЛ *(ухмыляясь).*
Слепому старцу так угодно –
Под скипетром держать добро!
СЛЕПОЙ АНГЕЛ *(прислушивается к отдалённым звукам).*
Пока народ поет и пляшет...
ХРОМОЙ АНГЕЛ:
Отчаянье в весёлой маске!
Всему есть срок – и этим пляскам...

В эту минуту сцену заполняет толпа – современная, представляющая XXI век.
Люди прохаживаются, общаются, сидят на скамейках, отдыхают.
Появляется и знакомая нам группа кришнаитов. Их шествие сопровождается звуками бубнов и пением «Харе Кришны». З
десь и наши главные молодые герои. Якуб и Ая о чем-то говорят. Мимо проходит Янус с какой-то девушкой. Якуб и Ая смотрят ему вслед.
Адель и Юсиф листают книгу. Юсиф говорит что-то на ухо Адель – она смеется.
Слышны далекие раскаты грома.
Люди посматривают на небо. Некоторые открывают зонты. Начинается дождь.
Люди расходятся, прячутся от дождя, и сцена постепенно пустеет.
Остается только едва освещенная хижина Ангелов.
Медленно опускается занавес…

К О Н Е Ц

ЛЯМАН БАГИРОВА

Голоса поэтов

Бывают странными пророками
Поэты иногда...
...Самим неведомо, что сказано,
Какой иероглиф.
Вдруг то, что цепью крепкой связано,
То разлетается,
То разражается,
Сердца испепелив...

М.Кузмин

Может создаться впечатление, что человек я мрачный. Отнюдь! Женщине вообще нельзя быть мрачной, она должна быть веселой, на ее оптимизме весь мир держится! Потому что – бойся не бойся, печалься не печалься – а жить надо, и силы брать для оптимизма, а значит, для самой жизни (своей и окружающих!) тоже необходимо. Как говорится: дорогу осилит идущий. Но только жизнь моя, подобно маятнику, между двух полюсов. На первом начертан девиз Сервантеса: *«Давайте смеяться, чтобы не плакать»*, на втором слова Карамзина: *«Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...»*. Вот между этих полюсов, как видно, и существую. Нечто среднее между Пьеро и Арлекином.

Но в одном убеждена точно: вектор культуры определяется вектором памяти. Будем помнить и пестовать только тяжкое, мрачное, плохое, болезненное – получим и соответственную культуру. Скажете – не бывает такого? Что в самой природе культуры заложена устремленность только на высокое, светлое, доброе? Увы…

Безмерно чтимый мною Фазиль Искандер писал, что как-то ему довелось увидеть пучок стрел, найденных в высокогорной пещере. Стрелам было около тысячи лет. *«Я долго рассматривал этот бесценный дар нашего далекого предка, этот хорошо сохранившийся, но слегка ссохшийся букет смерти. Особенно хорошо сохранились наконечники стрел, так сказать самая идейная часть: сердцевидные, ромбовидные, серповидные, клешневидные, зубчатые… Какое изобретательное многообразие форм при строгом единстве содержания – мечта пропагандиста. Глядя на эти стрелы, я почувствовал неудержимый позыв выблевать на историю человечества».*

Я позволила себе привести этот отрывок, чтобы пояснить свою мысль: увы, не всякая культура нацелена на добро. Ведь кто-то трудился, изобретал, делал и даже украшал эти самые наконечники, направил все силы своего таланта на производство орудий смерти. Человек должен был выжить, постоянно спасаясь от опасности – следовательно, в основе его изобретения лежала тревога за будущее и память о плохом. Хорошо бы, если б адская изобретательность ограничивалась только целями безопасности и защиты. А как же тогда объяснить изуверские орудия пыток и истязаний? Да не просто нагромождения железа, дерева и кожи, а изукрашенные плетки, стулья

с раскаленными шипами, на которые усаживали жертву, а при этом деревянные части стульев были покрыты искусным узором? А пекторали, выполненные по типу одноименного женского украшения? Это жуткий перечень можно перечислять долго, но факт остается фактом: люди на протяжении веков ТВОРЧЕСКИ трудились, совершенствовали свое мастерство, чтобы украсить орудия Боли и Смерти. Вектор памяти, направленный на негатив, порождает культуру зла.

Но совсем иное дело память печали. Печаль подразумевает умиротворенность, спокойное раздумье и в конце концов нацелена к свету. *«Печаль моя светла»* – поистине гениальный эпитет гениального поэта к этому слову. Но задолго до него другой поэт воскликнул не менее провидчески: «*Не говори с тоской/Их нет. Но с благодарностию – Были»*. Благодарность – вот скрытый подтекст печали. Да, БЫЛО, да, горько, что ПРОШЛО, но сердце благодарно за то, что было. И пока помним с благодарностью тех, кто ушел, печаль наша будет светла, а значит, не очерствеют сердца наши, не заледенеют души, и вектор культуры будет направлен на добро.

Жаль, что замечательные передачи Л.Филатова «Чтобы помнили», «Серебряный шар» В.Вульфа, «В поисках утраченного» Глеба Скороходова прекратили свое существование после смерти ведущих. Это была еще одна возможность вспомнить прекрасных артистов. И еще одна возможность быть благодарными. А значит, стать в чем-то выше, лучше, благороднее.

Жаль, что таких регулярных передач нет о поэтах и писателях. Конечно же, о некоторых из них вспоминают к юбилеям или памятным датам. Но, во-первых, вспоминают как-то отрывочно. По типу: ах, вот, на носу юбилей такого-то, надо срочно о нем что-нибудь забабахать – пусть кто-то поделится воспоминаниями, кто-то стихи почитает и отрывки из прозы, фотографии представим, и все это пустим на фоне лиричного пейзажа или трогательной музыки. И все. Пока не грядет следующая памятная дата, когда очередного юбиляра вытащат из пыльного сундука забвения, отряхнут, сделают о нем передачу и вновь упрячут в сундук.

А, во-вторых, вспоминают не всех. В основном, лишь тех, чье имя было на слуху, ярких, хорошо известных в свое время. Да и то, спасибо, что хоть так вспоминают… А ведь имена многих других поэтов забываются, а то и вовсе неизвестны. О них знали в очень узких кругах, поскольку они писали для себя, и ушли в иной мир тихо и незаметно.

Я хотела бы вспомнить хоть немного о тех, кто достоин благодарной памяти потомков, чтобы, насколько это возможно, помешать забвению стереть их имена, и каждый мог помянуть их в сердце своём добрым словом.

Герои моего нынешнего эссе два поэта – Ирина Снегова и Николай Панченко. Увы, их имена мало что скажут нынешнему читателю. Мы «ленивы и нелюбопытны» по образному определению А.Пушкина. Между тем, нежную и хрустальную лирику **Ирины Снеговой** называли «голосом любви».

Сведений о ее жизни удалось собрать крайне мало. Родилась 12 апреля 1922 года в Курске в семье профессиональных революционеров и научных работников. Юность пришлась на войну, но ей не довелось воевать, трудилась, как и тысячи других людей, в тылу. Окончила Литинститут им. А.М. Горького, переводчик со многих языков народов СССР. Скоропостижно скончалась в 1975 году, и только совсем недавно стало известно, когда – 14 июля. Хоронили ее без панихиды, без речей и литераторских поминок, по её просьбе. Доподлинно неизвестно даже, где похоронена. Кто-то пишет, что на Ваганьковском, кто-то – на Хованском, Введенском...

Узнав о своем неизлечимом диагнозе, практически не выходила на люди, проводила все дни на маленькой даче в Малеевке. Может быть, хотела, чтобы запомнили ее нестарой, красивой женщиной?... Ведь всю жизнь писала она тихую женскую лирику, нежную, проникновенную, бессмертную.

О женском писать трудно. Слишком хрупкая, тонкая сфера. А где тонко – там и рвется. Нужна предельная искренность, чтобы твое слово поражало в самое сердце, и тут же целебным бальзамом врачевало его. Ведь сердце и душа – а это точно! – «ежели обожжена – справедливей, милосерднее и праведней она».

Любовь

У нас говорят, что, мол, любит, и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет.
А помню, старуха соседка – короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.
И часто, платок затянувши потуже,
И вечером в кухне усевшись погреться,
Она вспоминала сапожника-мужа,
Как век он не мог на неё насмотреться.
– Поедет он смолоду, помнится, в город,
Глядишь, уж летит, да с каким полушалком!
А спросишь, чего, мол, управился скоро?
Не скажет… Но знаю: меня ему жалко.
Зимой мой хозяин тачает, бывало.
А я уже лягу, я спать мастерица.
Он встанет, поправит на мне одеяло,
Да так, что не скрипнет под ним половица,
И сядет к огню в уголке своём тесном,
Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек.
Дай Бог ему отдыха в царстве небесном!
И тихо вздыхала: жалел меня очень.
В ту пору смешным мне всё это казалось.
Казалось, любовь чем сильнее, тем злее.
Трагедии, бури… Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?
Недавно, больная, бессонницей зябкой
Я встретила взгляд твой – тревога в нём стыла.
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка –
Как верно она про любовь говорила!

Не было в 60-е годы тех, кто не знал бы ее стихов. Ими зачитывались, переписывали в тетради, заучивали наизусть, над ними плакали. Она, подобно Веронике Тушновой, умела просто и мягко говорить о самом сокровенном. Не о преходящем, а о том, что было, есть и будет всегда. О любви, разлуке, радости, страдании, нежности. Евгений Евтушенко, включавший в свою «Антологию русской поэзии» далеко не всех поэтов, даже именитых и известных, не обошел стороной Ирину Снегову и включил в свой сборник ее стихи.

Ее любили. Ее помнили...

Она достойна того, чтобы о ней не забывали.

Мне снился сон: под звездной рябью,
Как в поле крест, стою одна я
И проклинаю долю бабью,
За всех живущих проклинаю.
За тех, кто плачет ночь в обиде,
За тех, кто в крик кричит, рожая,
За тех, кто слез своих не видит,
Весь век в дорогу провожая.
За стервенеющих на кухне,
За увядающих до срока,
За тех, чей праздник рано рухнет,
Чья удаль облетит без прока.
За беззаветных и кричливых,
Земных забот хлебнувших вволю,
За несчастливых и счастливых
Я проклинаю бабью долю.
За всех, рожденных с искрой божьей,
Чтоб век тянуть упряжку рабью,
За всех, кто мог бы – да не сможет,
Я проклинаю долю бабью!
Проснулась я от плача дочки,
Вставало солнце в чистом небе,
Благословляя мой бессрочный,
Мой трудный, мой прекрасный жребий.

Николай Васильевич Панченко… Поэт, переводчик, журналист, редактор. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР (1961). После войны работал журналистом, возглавлял в Калуге областную комсомольскую газету «Молодой ленинец». Позже – редактор Калужского книжного издательства. Инициатор альманаха «Тарусские страницы» и член его редколлегии. Родился в 1924, ушел из жизни в 2005 году. Похоронен в Переделкино рядом с поэтессой Ниной Бялосинской. При жизни его было издано несколько книг его стихов. Это был автор великолепных, чеканных стихов, впечатывающихся в сердце, и необыкновенно образной, поэтической, красивой в самом лучшем смысле этого слова, прозы. Да он и сам был красивым, запоминающимся. Высоким, золотоволосым, золотобородым. В самом облике его было что-то герцогское. Родись он в прошлые века, золото и бархат смотрелись бы на нем органично. Но ему выпал на долю двадцатый век.

Я жил без страха,
как ребенок…
…Я знал, что женщины –
как мама –
добры и ласковы. И ласков
был сам,
и в мир входил для мира.

…Но черный день сыграли трубы –
двадцатый век, железный ирод,
в моей крови полощет зубы.

Николай Панченко из породы великанов и точно подходил под китайское определение героя: «Он сидит, как гора. Он двигается, как муравей, он останавливается, как вбитый гвоздь».

Его стихи очень крепко вбиты в историю России со Второй мировой до «глубокого разочарования Перестройкой». Эту историю Николай Панченко прошагал с готовностью погибнуть и ничего не искать для себя лично.

Не заслуга быть белым,
не достоинство – русым.
Очень трудно быть смелым.
Очень просто быть трусом.
… Люди смелого роста –
улыбаемся грустно:
нам, конечно, непросто,
нелегко...
Но негнусно!

Одно из самых известных – и сильных! – стихотворений Николая Панченко: «Баллада о расстрелянном сердце»

Я сотни верст войной протопал.
С винтовкой пил.
С винтовкой спал.
Спущу курок – и пуля в штопор,
и кто-то замертво упал.
…
– Убей его! –
И убиваю,
хожу, подковками звеня.
Я знаю: сердцем убываю.
Нет вовсе сердца у меня.
…
А сердца нет,
приказ – во мне:
не надо сердца на войне.
Ах, где найду его потом я,
исполнив воинский обет?
…
Я долго-долго буду чуждым
ходить и сердце собирать.
– Подайте сердца инвалиду!
– Подайте сердца! – стукну в сенцы.
– Подайте сердца! – крикну в дверь,

– Поймите! Человек без сердца –
куда страшней, чем с сердцем зверь.
…
И где-нибудь в чужой квартире
мне скажут:
– Милый, нет чудес:
в скупом послевоенном мире
всем сердца выдано в обрез.

Поэт и переводчик Александр Ревич называл это стихотворение гимном послевоенного потерянного поколения, правдой об очень суровом, невероятно скупым на проявление ласки и нежности времени. Это была оборотная сторона Великой Победы. Отгремели праздничные залпы, и страну надо было поднимать из руин. Сразу же, без передышки, без времени на зализывания ран. Было не до ласки, не до «неженья». Сердца действительно «было выдано в обрез», да и много ли осталось от того окровавленного войной сердца?..

Сразу после смерти поэта кто-то из его друзей написал взволнованные искренние строки: «*Когда умирают поэты, нам остаются слезы, стихи и память из самого нутра, до озноба…Известный спор: поэтами рождаются или становятся – жизнь разрешает однажды: поэтами умирают*».

Я, наверно, уйду, не достроив своих кораблей.
Проплыву над толпою в сколоченной наскоро лодке.
Мне всегда не хватало ни черных, ни белых морей –
Мне мешали дышать эти мерные пальцы на глотке.

Оттого, как с гвоздя, я, срываясь, лечу в пустоту.
И покуда лечу это полное смысла мгновенье –
будто дело в руках,
будто первое слово во рту,
будто девственных губ ощущаю щекой дуновенье.

В интернете крайне мало удалось найти информации о Николае Панченко. Мало мне удалось найти ее и в библиотеке. Этот замечательный поэт, удостоенный премии «за честь и достоинство в литературе», еще ждет своего достойного и честного историка и мемуариста. А мне остается только благодарно склонить голову перед его памятью и верить в то, что «*он не проплывет над толпой в сколоченной наскоро лодке*», а останется в сердцах своих читателях. И вектор нашей культуры будет направлен на высокую духовность, и, что еще более важно – на глубокую душевность.

АРЗУ НЕХРАМЛИ

Словом в сердце вас сражу

Слово, что в груди хранила,
Я сегодня всем скажу.
Сердце от камней избавлю
И свободной окажусь.

В глубине живёт то слово,
Слово есть всего основа,
Я скажу всем эту новость
И забуду свою грусть.

Я кажусь порой ранимой,
Но не думаю, что мнимой,
Так как чувства все незримы,
Я их словом покажу.

Если ж смелости не хватит
Мне сломать клеймо печати,
Выпью я вина и – нате! –
Словом в сердце вас сражу.

Обучаюсь забывать

Вдаль гляжу – одни там тени,
Я плыву против течений,
Обнимаю я колени,
Обучаюсь забывать.

Мысли вдаль меня уносят,
Сердце мое на износе,
Вот стою я на откосе,
Обучаюсь забывать.

Нет, не жалуюсь на долю,
Посыпаю раны солью,
Я хочу к себе – на волю,
Обучаюсь забывать.

Даже смерть меня забыла.
Всё! Иссякли мои силы!
Умерло во мне, что жило,
Обучаюсь забывать.

Ты ушел, а я жива

Ты ушел, а я жива,
Жду когда свершится Суд.
Одиночество своё
Тяжким грузом я несу.

Долго ожидала смерти,
Но она ко мне нейдёт.
Я схватить ее пыталась,
Но у смерти есть свой счёт.

Разве я живу? Не знаю…
Жизни круг мой заколдован:
Каждой ночью умираю,
Чтоб воскреснуть утром снова.

Раздают тоску

Стоит пир горой,
Начинается веселье.
Жаль, меня нет
В этой артели.
Накрывают на стол,
Где даже яд –
Изысканное яство,
И каждый тому рад.
Раздают тоску.
Спасибо, я по горло сыта, не хочу!

Мне с собой живется легче

Мое горе словно горы,
Сбросить бы его в Куру,
У Куры мутна вода.
Но, о Боже,
И река с собою в споре,
Давит груз, видать, на плечи…
Мне с собой живется легче!

Перевод с азербайджанского

ЛАЛА УМУД

Цветок айвы

Рассказ

Весеннее солнышко припекало. Старая айва, которая росла в маленьком дворике, покрылась нежными цветками. Цветки ее были белоснежными, но при малейшем дуновении ветра в них проявлялся какой-то розовый, удивительный оттенок, и облачко желтой пальцы поднималось в воздухе. Молодые пушистые листики изумрудного цвета нежно шевелил тёплый ветерок. Тонкий аромат чувствовался повсюду. Он залетал в ветхий домишко, вырывался за пределы дворика на улицу, и прохожие, уловив этот запах весны, замедляли шаги, вдыхали полной грудью, улыбались и, умиротворенные, продолжали свой путь. Старая бабушка Захра грелась на солнышке под айвой, колченогий стул под ней шатался, и она, подложив под его ножку сложенную в несколько раз газету, неподвижно сидела под теплыми лучами солнца. Это было удивительное дерево. Его посадил еще отец Захры халы Мамедхан в тот день, когда она родилась. Отец был родом из очень бедной семьи, и поэтому имя ему дали звучное, чтобы ребёнку всегда сопутствовала удача. Рано полюбив соседскую девчонку Марьям, он добился ее руки. Детей у них долго не было. Марьям была болезненной женщиной, и врачи говорили, что у неё слабое сердце и рожать ей будет тяжело. Но она родила девочку. И тогда-то на радостях муж и посадил это дерево. Оно росло вместе с ребенком, распуская ветки. Говорили, айва растёт около 60 лет. Но Захра хала разменяла уже седьмой десяток, а дерево как цвело и плодоносило, так и по сей день приносило плоды.

В год, когда началась война, с айвы облетели почти все цветки. А в год Победы стояла она цветущая, словно невеста, одетая в свадебное платье кипенно-белого цвета. Будто понимала людское горе и радость, потерю и болезни. Чувствовало дерево всё! Захра хала привыкла разговаривать со своей ровесницей айвой. Она будто успокаивалась, глядя на дерево, такое мощное и величественное. Однажды, когда она упала и сломала шейку бедра и все кругом охали и причитали, Захра хала попросила, чтобы из больницы ее привезли домой. Как увидела свое дерево, сильное, здоровое – только слева толстая ветка от ветра ураганного была сломана – так и пошла на поправку. Уже через 3 месяца тихонько передвигалась по дому. Чудеса, да и только.

У айвы даже имя было – Агча. Так ее про себя с детства называла старушка. Почему? Не знала. Говорили, что ребёнком она не могла выговаривать трудное слово «агач» и лепетала «агча». Так и обращалась она к дереву – моя «агча».

Со временем дерево выросло, его крона закрывала почти весь двор. Ни у кого из соседей во дворе не росли деревья, всё-таки центр города, не пригород. И только во дворе у отца цвело это благодарное дерево. «Ат башы» – так назывался этот сорт айвы. И впрямь, его плоды напоминали лошадиную голову.

Дом бабушки Захры был одним из последних, которые подлежали сносу на центральной улице. Здесь жили три поколения семьи. Бабушка родилась в этом доме,

прожила здесь до замужества, а затем, похоронив мужа и оставив квартиру сыну, вновь вернулась в отчий дом. Здесь ей было всё знакомо. Стены будто разговаривали с ней, напоминая о давно минувших днях. Вот ещё совсем девчонкой она собирается в гости к подруге. Ей сшили платье из нежного крепдешина. Оборочки на рукавах Захра смазывала яичным белком, и они, как накрахмаленные, торчали в разные стороны. А сколько гостей собиралось в тесном дворике, когда отец справлял ее дни рождения и по этому случаю резали барана. Папа любил заниматься хозяйством. Будто сейчас она видит отца во дворе в белой майке, где под маленьким рукомойником отец мыл в тазу черешню – огромную, почти черную, и обязательно парные надевал ей на уши как серёжки.

– Захра хала, я за хлебом иду, вам купить? – каждое утро соседская девчушка Айтач забегала на кухню, чтобы узнать, не нужно ли чего. Бабушка мягко улыбнулась и покачала головой. Айтач весело кивнула и, что-то напевая, тут же убежала. Жирный рыжий соседский кот, гроза всех окрестных котов, бесшумно спрыгнул с ограды, отделявшей двор от соседского. Он подкрался к старой женщине, потерся о ее ноги и с урчанием улегся рядом погреться на солнышке. Бабушка постоянно подкармливала этого жирного, вечно голодного кота.

Майское солнышко греет, но не обжигает. Май был любимым месяцем в году у старушки. С ним было связано много приятных воспоминаний. В мае она встречала мужа, вернувшегося с той проклятой войны, унесшей столько невинных жизней, в мае месяце у нее родилась дочь. Очень, очень любила бабушка месяц цветения айвы.

…Полуприкрыв глаза, она вспоминает, как ее, молодую шестнадцатилетнюю девчонку, пришли сватать. Сидя дома, она боялась подойти к окну и, тихонько отдернув занавеску, поглядеть на сватов. Первый раз она увидела будущего мужа, когда тот топтался как раз у этого дерева. Он мял в руках кепку и не решался заговорить с ней, хотя обручены они были уже давно. Тогда Аскер пришёл сообщить ей, что они придут на праздник Новруз байрам, который отмечался в день весеннего солнцестояния, 21 марта. По обычаю в этот день обрученным девушкам семья жениха приносит поздравления и байрамлыг – традиционные подносы с подарками, хонча – испеченные шекербура, пахлаву, сладости, благоухающие кардамоном, орехами и ванилью. Каждого вида по 51 штуке. Так принято. Кем принято, когда – неизвестно! Но традиции соблюдаются. Много было тогда подносов, которые принесли Захре хале. Тут были жареная пшеница – символ богатства и плодородия, орехи, миндаль и фисташки. Семья жениха старалась не ударить лицом в грязь. Проросшая пшеница «семени» на фарфоровой тарелке радовала глаз и была перевязана алыми лентами.

А после того, как «семени» высохло, Захра собственноручно выбросила засохшую пшеницу в проточную воду канала. А тарелку, наполнив ногулом – крупными сахарными конфетами с вкраплениями зерен тмина – отправила свекрови. Ныне уже покойная Биргя-ханым очень обрадовалась, хотя и знала, что по обычаю тарелку обязательно вернут. Но, жадная по своей натуре, переживала: тарелка-то была тончайшего кузнецовского фарфора, с голубой каемочкой и с нежно розовыми букетиками. Послать «семени» в такой тарелке считалось особым шиком. Но и Захра была невестой завидной, в приданое принесла целых 12 тарелок кузнецовских и 3 «кясы». А самовар! Знаменитый самовар, который достался ей от прабабки. Тульский самовар завода братьев Баташевых. Он был ее особой гордостью.

Как было приятно после обильных застолий растопить на угольках самовар, добавив чабреца в чай для запаха. А Аскер-киши еще растапливал самовар шишками.

И тогда смолистый аромат поднимался над улицей Первомайской и уходил вверх по улице до Советской. И соседи знали, что всегда можно заглянуть к ним на чай. К чаю у Захры всегда было припасено варенье из розовых лепестков. Это было ее коронное блюдо. Каждый год ее золовка, которая вышла замуж и уехала в Агдаш, посылала ей корзину ароматных лепестков чайной розы. И Захра начинала священнодействовать. Во двор выносился таган, медный таз. И на открытом огне варилось изумительное по запаху и вкусу варенье. Ах, какой аромат витал по всей округе!

Захра хала открыла глаза.

– Ох, что-то я задремала посреди дня, – сгорбленная старушка тихо встала и, опираясь на трость, потихоньку зашла в дом. Напольные часы, стоявшие в темной передней, пробили двенадцать. Хлопнула калитка.

– Нене, ай нене, – ты где? Ненешка, – звонкий голосок молодой девушки заполнил, казалось, весь дом.

– Ай бала, я здесь. Фидан, ты одна пришла?

Фидан – старшая внучка Захры. Она почти каждый день навещала бабушку. На этот раз она привела и дочку – правнучку Захры, Джамилю.

– Ай мяним шякяр балам, – бабушка обняла трехлетнюю девчушку.

– Здравствуй, нене. Э-э, нене, почему ты не переедешь к маме или ко мне? Дядя Бахрам тоже тебя умоляет. Почему не оставляешь этот старый скворечник? Мама, знаешь, как нервничает, что ты здесь одна живешь! Завтра опять собирается к тебе на неделю. А через месяц мы переезжаем на дачу, и Рауф сказал, что нене тоже поедет с нами. Это не обсуждается.

Весело щебеча, Фидан порхала по всему дому. Убрала бабушкину постель, вытряхнула покрывало, разогрела чайник. Вынула из пакета принесенные покупки – мягкий хлеб, лаваш, свежий творог, сметану, кастрюлю с куриным бульоном и в отдельном судке отварную гречку.

– Я тебе на сегодня, бабушка, всё принесла. Фрукты у тебя есть. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, гурбан сене. Зря мама приезжает. Я же обхожусь сама. Что со мной будет?

– Нет, мама переживает, почему ты не переезжаешь. Этот дом скоро на голову рухнет.

– Этот дом еще сто лет простоит, – бабушка, улыбаясь, приколола внучке на кофточку булавку с висящей на ней маленькой палочкой. – Это «айва-чёпи», от сглаза.

– А-а, бабуля, твоя айва уже распустила цветы. – И Фидан вспомнила, как бабушка всегда вырезала маленькие, чуть толще спички, айвовые прутики и надевала на них – от сглаза, от испуга. Вот и дочке ее черед пришел.

– Расцвела моя айва, куда же я ее брошу и уеду.

– Бабушка, айва тебе дороже нас? – звонко рассмеялась внучка.

– Вы же меня навещаете.

– И ты ее будешь навещать.

– Привыкла я к своему дому. Мне здесь спокойней, внучка.

– Бабушка! – Фидан обняла сухонькое тело старушки, и жалость накрыла ее с головой. – Давай мы с Джамкой останемся сегодня у тебя.

– Да не выдумывай ты, иди по своим делам. Мужа встречай с работы, приготовь ему повкусней обед. За меня не беспокойся. И Мина завтра придёт.

Маленькая правнучка Джамиля, весело смеясь, сидела у Захры на руках. Внучка Фидан накормила бабушку, помыла посуду, забрала бельё в стирку и, крепко обняв ее на прощание, ушла.

Захра хала, накинув шерстяной платок на плечи, тихонько вышла во двор. Солнышко уже садилось за горизонт. Старая женщина удобно устроилась в плетеном кресле и накрыла больные ноги платком. Она не могла отвести взгляда от цветущей айвы, цветки которой были словно вытканы из тумана.

Вновь подступают воспоминания. Вот они с мужем ведут маленького сына, Бахрама, в кружок в Дом пионеров. Зима, идет снег. На обратном пути заходят к родителям на чай. Отец разжигает самовар, на столе торт «Сказка». Бахрам съедает все мармеладинки с торта. Вместо того, чтобы отругать сына, Аскер-киши счастливо хохочет. Захра хала словно находилась и в реальном мире, и в мире грёз. Иногда грань между мирами стиралась, и она еще долго сидела молча, не понимая, где она сейчас.

Громко постучали в калитку.

– Есть кто?

– Кто там, входите.

– Это я, Мирза.

– Nə var, nə lazımdır? – Захра хала приняла строгий вид.

Во двор вошел сухонький проворный старичок.

– Ай, Захра, мой Мыш-мыш опять к вам забрел?

– Yekə kişisən, mış-mış nədir? – Захра недолюбливала соседа, который когда-то, в пору их молодости, заглядывался на неё. Но он был непутевым парнем, и отец даже близко не подпускал его к своему дому.

Мирза, как тогда говорили, был авара. Не учился и не работал. Так и прожил всю свою жизнь, не работая толком нигде. Зато пенсию получал. Однажды он устроился на завод, но на следующий день его угораздило получить производственную травму. Вот за счёт этой травмы он и выхлопотал себе приличную пенсию. Жил он вместе со своим рыжим и наглым котом, которого звал Мыш-мыш. Сосед был старше Захры, ему, наверное, уже стукнуло лет 80. А шустрым он был, как и 20 лет назад. Перехоронил, можно сказать, весь квартал.

– Да, Захра, что, внучка приходила?

– А тебе какое дело?

– Язык у тебя как змеиное жало, я так, по-соседски зашел, справиться о твоем здоровье.

– Нечего спрашивать, иди своей дорогой.

Мирза, недовольно кряхтя, легко нагнулся, взял своего рыжего кота на руки и, не попрощавшись, хлопнул калиткой.

– Вот принесла нелегкая, – подумала Захра хала.

Солнце совсем село за горизонт.

– Эй, Захра, нас сносят, уже приходили из ЖЭКа. Квартиру дают. В Ясамале. В новостройке. – Голова Мирзы торчала над забором и тараторила без остановки. – А ты тут останешься дерево караулить? – от смеха морщинистое лицо старика превратилось в сушеный инжир.

– Rədd ol! – Захра хала плюнула в его сторону.

На следующее утро, когда бабушка ещё спала, её разбудил вкусный запах яичницы с помидором.

– Мина, дочка, – догадалась Захра хала.

– Мама, доброе утро. Ты заспалась.

– Гызым, ты так рано, ни свет ни заря.

– Ай, мама, уже 12 часов.

– В-а-а-й, как поздно, – старушка засуетилась и, наспех одевшись, направилась в ванную комнату.

Мине, учительнице музыки, старшей дочери Захры халы, было под 60. Переворачивая яичницу, она думала о том, как бы сообщить матери, что ее дом, старый отчий дом, будут сносить. Вчера вечером им позвонили и сообщили, что Захру халу надо забирать, потому как все бумаги, подтверждающие снос здания, уже подписаны. Всю ночь Мина не спала, с мужем Али обсуждала создавшееся положение. И с братом Бахрамом говорила… Но как об этом сообщить матери – не знал и он.

«Это ее убьет», – думала Мина.

Всю свою жизнь Захра хала посвятила семье. Всегда кроткая и спокойная, она никогда не повышала голос на детей. И даже тогда, когда застала на заднем дворе своего любимого сына, десятиклассника Бахрама с сигаретой, которую он не успел спрятать, она ничего не сказала и только грустно посмотрела на него. Взгляд матери навсегда отбил у него охоту курить.

– О чём думаешь, гызым? – мягко обняла Захра хала дочь за плечи.

– Да, ничего, ай, мама. Как спала?

– Как младенец. Дома меня стены укачивает, дочка.

– Мам, ты садись, покушай. – Мина не решалась начать разговор. – А сегодня Бахрам с моря возвращается. Сказал, зайдёт. Где твоя кружка, я тебе чай налью.

– Там, под айвой, на столике.

– Ты на улице сидела?

– Да, я не пропускаю ни дня, когда цветет моя красавица. Ведь ее посадил мой отец.

– Ой, мама, разве айвовое дерево столько лет живет?

– Живёт, дочка, живёт.

– Удивительно! – Мина налила матери чаю и села напротив неё.

Захра хала пила чай с сахаром вприкуску.

– Зачем, гызым, Бахрам только с моря приедет, 15 дней дома не был, и сразу ко мне. Пусть отдохнет, завтра придёт.

– Не знаю, мама, сказал, что соскучился.

– Всё ты знаешь, Мина, но не хочешь без него говорить. Что случилось у вас, что произошло?

– Ой, мама, ничего не случилось, беспокойная ты стала и подозрительная.

Вздохнув, старушка ничего не сказала.

День прошёл, как обычно. Захра хала сидела во дворе на солнышке, а дочка хлопотала по дому. Около 4 часов Мина вышла во двор, мать дремала в плетеном кресле. Дочка заботливо укрыла ее пледом. Захра хала открыла глаза.

– Что-то ноги стали ныть, не к дождю ли?

– Да нет, на небе ни облачка. Скоро наступит жара. Мама, переедем на дачу, ты же любишь свежий воздух, по утрам петухи кричат, а вечером дымок от костра, собаки лают. Мама, там дышится по-другому, а тут всё загазовано, кругом стройка.

– Твой отец…

– Мам, мой отец, кстати, нам нашу дачу строить помогал и всегда с удовольствием там оставался.

– Да, любил Аскер свежий воздух.

– Ну, вот видишь.

– Перееду, через месяц, может.

– Мама, ну какой месяц, ты же видишь, повсюду цемент, пыль. Город растёт. Вокруг много новых домов с центральным отоплением и со всеми удобствами. Старые дома сносят. Они портят облик города.

Поджав губы, Захра хала молчала.

Вечером у Захры халы было шумно и весело. Приехал сын с женой и сыновьями-студентами. К вечеру пришел зять, муж Мины, Али. Они поужинали, а затем дружно пили чай во дворе под айвой. Правда, было немного прохладно. Но все знали, как любит старушка вот такие посиделки у старого дерева.

– Мама, я хотел сказать тебе, что пора съезжать отсюда. Нам звонили, нужно освобождать территорию. Дом будут сносить.

– А знаешь, Бахрам, лет двадцать назад, здесь, на Нижней Нагорной улице, был старый дом, где жила очень бедная семья. Детей было шесть человек, еле концы с концами сводили. Дети в школу ходили по одному. Обуви не было. И вот решили они съехать оттуда, а дом свой продали одному богатому торгашу. Заплатил он им мизерную сумму. Они купили в Масазыре клочок земли и построили там дом. А художник начал рушить старый дом, чтобы построить на его месте новый. И вот, когда стали разрушать стенку, где у них стоял диван и спали вповалку дети, там обнаружили чугунок, полный золотых царских десятирублевок. Вот так. Нищая семья жила рядом с богатством и охраняла это богатство для какого-то прощелыги.

Воцарилось молчание.

– Мам, а при чём здесь наш дом, дед вряд ли замуровал что-либо в стену. А? Или что-то?.. – захохотал Бахрам.

– Нет, – Захра хала покачала головой. – Не было у нас больших денег. У маминой стороны деньги, правда, были. Прадед был ахундом, в то время важным человеком. А отец был честным и бессребреником. Просто вспомнилась та история, вот я и рассказала, несправедливо жизнь обошлась с теми людьми. Обидно.

– Мам, мы вещи собирать будем,

– Какие у меня вещи, – старушка пожала плечами. – Несколько фотографий да кое-какие пожитки. Мне не жалко уезжать, я же понимаю, вокруг всё новое. Новые дома строятся. Просто дерево жалко. Ведь погибнет.

– У нас на даче три айвовых дерева, а сколько других плодовых… Там и качалку твою поставим. Знаешь, как любит Полкан, когда ты на качалке сидишь, а он рядом с тобой лежит, охраняет.

Старая женщина тихо улыбалась, слушая речи сына и дочери и обнимая внуков. Ночью она спала плохо, ей снилась буря. Сильный ветер раскачивал ее домик, и ураган с треском вырывал из земли айвовое дерево прямо с корнями. А вдалеке стоял ее покойный муж, Аскер киши, и грозил ей пальцем. Утром рано, когда Мина еще спала, Захра хала встала у плиты, чтобы приготовить халву на помин мужа.

– Мама, ты что в такую рань встала?

– Сон плохой видела, дочка. Собирай уже вещи. Чего зря время терять, я не хочу чужих людей видеть. Попрощаюсь с домом без посторонних.

– Хорошо, мама, как скажешь.

Вдвоем они быстро управились. За несколько дней всё было собрано, упаковано и отправлено на дачу. Стоял июнь. Начиналось лето.

И вот в один из ясных дней Захра хала вышла из своего дома в садик, к старой айве. Она обняла ее, прошептала про себя какие-то слова и затем, даже не обернувшись, вышла за калитку. Села в машину Бахрама и тихо сидела в ней до самой дачи. Сын весело болтал, стараясь развеселить старушку, обещал приезжать каждый день после работы, ведь отпуск у него целых 40 дней.

Первое время Захра хала не разговаривала с детьми, все время молчала. Дочка, сын, внуки старались не оставлять ее одну. Казалось, ее ничто не радует. Но потихоньку она оттаивала, подолгу сидела в саду, глядя на верного пса Топлана, всегда ходившего за ней по пятам. Засыпала, сидя в шезлонге. Но не уносилась уже мыслями в далекое прошлое, где был жив еще ее муж Аскер, всегда приносивший ей первые распустившиеся нарциссы, в те воспоминания, тёплые и берущие за душу, которые проносятся как единый миг, даря спокойствие и уверенность в том, что есть тот мир, где всё, как раньше, и те, кто покинул ее, живут и здравствуют там.

И стала Захра хала плохо себя чувствовать. Будто что-то тяжёлое давило на грудь и не давало до конца вздохнуть. Лето пролетело быстро. Сын часто возил мать на берег моря. Они сидели у моря, пили чай, слушали крики чаёк, морской прибой. Топлан бегал по берегу, лаял на волны, пытаясь схватить прибрежную волну. Каждую субботу приезжали внуки: Фидан с мужем, невестка Лейла, работающая в больнице, и муж Мины. Дети окружали старую женщину такой заботой и любовью, что ей хотелось опять, как и раньше, помогать им делать работу по дому, нянчить их малышей. Всю жизнь она помогала дочери и сыну. Всегда добрая и отзывчивая, она могла вечером прийти к дочке, зная, как ей тяжело было одновременно учиться и смотреть за ребенком, – и остаться там на месяц. Женщина удивительным образом успевала всё: и убраться в квартире, и приготовить вкусный обед, и внуков укачать. Ее одинаково любили и невестка, и зять. Говорят, что прожитые годы накладывают свой отпечаток на лицо, и душа проявляется на лицах старых людей. Так вот, душа Захры халы была нежной, со стариковским румянцем, голубыми васильковыми глазами и сеточкой морщинок, которые делали лицо ее добрым и ласковым.

Наступил октябрь. Деревья в саду оголились. Зарядили дожди. Здоровье Захры халы ухудшилось. Она слегла в постель, ноги не держали старую женщину. Как-то утром она хотела было встать, но повалилась на бок, хорошо, что зять был рядом, вовремя подхватил. На семейном совете было решено переехать в город, к дочери Мине. Так, все время лежа на одном боку, Захра хала не вставала и ни на что не жаловалась. У детей разрывалось сердце от жалости. Приглашенный доктор не нашел ничего серьезного, прописал Захре хале мази для ног да успокоительные лекарства от нервов для Мины. В один из осенних дней, вечером, Мине позвонил брат и попросил зайти. По голосу чувствовалось, что он сильно взволнован, и поэтому Мина, не откладывая, поехала на встречу с братом.

– Знаешь, Мина, я сегодня проезжал мимо маминого дома, там все перегородили, идет стройка. Дом уже начали сносить, а дерево мамино, айву, выкорчевали – видно, бульдозером. Ты знаешь, мне так плохо стало. Как и мама, дерево завалилось набок. Умирает... Мина, может, найдем биолога или кого там еще, как-то дерево заберём, может, приживется.

Лейла, до этого тихо стоявшая в стороне, подала голос.

– У нас в больнице есть садовник. Так вот, у нашего садовода руки, говорят, золотые, палочку в землю сажает, и она цветёт. Может, с ним поговорить?

– Это идея! – возбужденно воскликнул Бахрам, видно было, как подействовал

на него вид погибающего дерева. На том и договорились. Бахрам отвёз больничного садовника к месту, где стоял бывший дом матери. Тот посмотрел на дерево, начал отговаривать от этой затеи. Но дети настаивали на своем. Мина всё время твердила, что все эти дни шли дожди и корни не сухие. Арендовали грузовик и вывезли дерево ближе к вечеру на дачу. Там уже находились специалист по плодовым деревьям, а также двое рабочих. Общими усилиями дерево посадили в землю, утрамбовали, полили нужными удобрениями, обрезали поломанные ветки. И тут начался ливень. Он заливал все вокруг, омывая ветки айвы.

– Это хороший знак, – сказал сын Бахрама. – Значит, дерево приживется.

– Дай-то Бог, – со вздохом прошептала насквозь промокшая Мина.

Время шло, наступила зима. Дерево стояло все черное, мертвое, нижние ветви обломились и упали. Видно было, что они высохли. От некогда могучего кряжистого дерева остались только ствол да две боковые ветки, тянущиеся вверх.

Почти всю зиму Захра хала не вставала с постели. Она лежала тихо, ни о чём не просила, будто дожидалась своего конца. Пролетел март. Наступил апрель. Бабушке не становилось ни лучше, ни хуже. Бахрам уже пожалел, что затеял всю эту кутерьму с пересаживанием дерева. Оно как стояло, так и стоит, не подавая признаков жизни. А везти мать на дачу, чтобы она увидела мертвое дерево, было ни к чему. Значит, надо опять нанимать рабочих, чтобы они выкопали его и унесли куда-нибудь подальше.

Как-то в конце апреля, когда Мина убирала зимние вещи – ведь весна выдалась по-летнему жаркой – Захра хала вдруг попросила отвезти ее на дачу.

– Гызым, позвони Бахраму, хочу на воздух.

– Мама, скоро все вместе поедем, уже жарко.

– Нет, я хотела бы сегодня поехать. Я отца вашего видела во сне. Он звал меня на дачу. Видимо, срок мой пришёл, доченька.

– Мама, что ты такое говоришь, – Мина обняла мать.

– Я всё думаю, дом-то, наверное, уже разрушили. Дерево моё погубили. Погубили осенью, когда я слегла.

– Мама, но ведь сейчас ты себя хорошо чувствуешь.

– Да, сейчас вроде бы хорошо, – тихо согласилась старушка. – Позвони Бахраму.

Для Бахрама желание матери было законом, и он повёз их на дачу, ругая себя за то, что поддался сиюминутной слабости, и не зная, как объяснить матери появление на даче айвового дерева. Благополучно добравшись до места, Бахрам хотел было подъехать со стороны других ворот, позади дома, чтобы не было видно посаженного прямо посередине дачи исполина, но Захра хала покачала головой и велела ехать к центральным воротам. Мина закусила губу, сидела тихо, не проронив ни слова. Открыв ворота и заехав во двор, Бахрам открыл дверь и, поддерживая мать, помог ей выбраться из машины. Завидев силуэт дерева, она проворно засеменила к нему. И вдруг до детей донеслись её всхлипы. Захра хала стояла, обнимая ствол дерева морщинистыми руками, и по лицу ее, порозовевшему от свежего воздуха, текли слёзы. А счастливые глаза смотрели наверх, где на тонкой ветке распустился бело-розовый цветок айвы.

АЙСЕЛЬ БАГИРОВА

ЖАНР СОНЕТА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ (1920 – 1950)

В 1920-х – 1950-х годах к жанру сонета обратился целый ряд поэтов Азербайджана. При этом важно иметь в виду особенность государственного строя, установившегося в пределах бывшей Российской империи и определившего культурные реалии и тенденции в данном геополитическом пространстве. Именно вследствие этого созданные в указанное время азербайджанские сонеты тематически имели преимущественно выраженный социальный характер. Причём если в пору генезиса названного жанра в отечественной поэзии – дореволюционный период – сонеты формально были выдержаны главным образом в итальянской традиции (Г.Джавид, А.Сабир и др.), то позднее преобладающей стала традиция именно английская.

В 1920-х годах к названному жанру обращается титан азербайджанской литературы новейшего времени **Самед Вургун** (1906 – 1956). Написанное им в 1928 году стихотворение «Işçi» («Рабочий») как раз имеет форму английского сонета (три катрена + одно двустишие с системой рифмовки: abab cdcd efef gg). В соответствии с тематическим мейнстримом той эпохи в данном произведении в оппозиции предстают настоящее и прошлое:

Əyilsin səcdənə yıldızlar, aylar,
Sənsən dünyaların fəxri, şöhrəti.
Qarşında diz çökdü «Şanlı saraylar»,
Çünki qollarının vardır qüvvəti!

Mən səni çox zaman gördüm əzilən,
Ummadın kimsədən imdad, mərhəmət,
Sən ey dost bağçası, sən ey dərd bilən!
Sən öz qüdrətinə sığındın əvət!

O günkü keçmişin məşəli söndü,
Bir yeni kainat çıxdı qarşına.
O qara qüvvələr xəyala döndü,
Beş guşəli yıldız taxdın başına.

Uzaqdan çınladı əmək səsləri,
Sən də dayanmadan dedin: – İrəli!

Однако наиболее значимые образчики азербайджанского сонета отмеченной эпохи принадлежат перу другого нашего классика – **Микаила Мушвига** (1908 – 1939). Произведения эти отличают как разнообразие тематики, так и поэтико-структурное новаторство. Как поэт сугубо лирический, Мушвик по большей части разрабатывал в них темы любви, высоких человеческих чувств, красоты и эмансипации женщины.

В книгу «Ədəbiyyat nəğməsi» («Литературная песня»; составитель Г.Гусейноглу), изданную уже после смерти поэта – в 1978 году, вошли 12 сонетов М.Мушвига, написан-

ных им в промежутке между 1928-м и роковым для него 1937-м годами. Собственно, автор не определял эти стихи сугубо как сонеты, но формально они таковыми являются, поскольку составлены соответственно из двух катренов и двух же терцетов (итальянская традиция). Следует также указать, что сам составитель издания и автор предисловия никак не отметил в своем предисловии к книге принадлежность данных произведений именно к сонетной форме.

Первые сонеты М.Мушвига написаны были в метрической системе аруз и отличались некоторой выспренностью языка. Лишь впоследствии поэт стал использовать широкие возможности традиционной для азербайджанского стихосложения силлабики, стилистически применяясь к вкусам широкой читательской аудитории.

Сонеты М.Мушвига весьма разнообразны идейно и тематически. Среди них – произведения как любовно-философского, так и общественно-публицистического содержания. Как справедливо указывает знаток творчества поэта С.Гулиева: «Сонеты Мушвига разнообразны по тематике (любовь, общество, политика), форме и рифмовке. Именно эти аспекты стиха позволяют, несмотря на схожие окончания, воспроизводить разнообразные созвучия».

В сонете «Bir günəş, bir baxış» («Одно солнце, один взгляд») поэт, провожая зиму и встречая весну, просит у своей возлюбленной подарить ему всего лишь один взгляд, горячий как солнце.

В другом же – «Ulduzlar» («Звезды») автор отождествляет себя и предмет своей любви с находящимися в баснословной отдаленности друг от друга небесными светилами, заключая это сентенцией: несмотря на разделяющее пару расстояние, «в наших сердцах трепещут одинаковые чувства» («eyni duyğularla vurur qəlbimiz»).

Сонет «Qadın» («Женщина») – гимн женской свободе. В последнем терцете стихотворения мы читаем:

Harda, ey xalqımın böyuk yarısı,
Anası, bacısı, qızı, qarası,
Bizdə olan kimi ixtiyarın var?!

Где ещё, о великая половина народа моего –
Матери, сестры, дочери, жёны –
У вас есть такие права, как здесь?!

В сонете «Torpaq» («Земля) воспеты земля и созидательный труд:

Hər şeyin anası, qaynağı sənsən!
Sənin varlığına ölüm-itim yox.
Sən bütün-bütünə ruhsan, bədənsən,
Gözəl torpaq, sənə çox borcluyam, çox!

Bu qardaşım ağac, budaq, bu yarpaq,
Hamsını canladan sənin şirəndir.
Insan da, ey qoca, ey köhnə torpaq,
Səni hər addımda dəyişdirəndir!

Ты мать всего, всего источник!
Ты бессмертна, ты вечна.
Ты – дух и сущность всего,
Земля-краса, очень я обязан тебе, очень!

Собрат мой дерево, его ветка, его лист –
Всех твои соки животворят.
А человек, о, древняя земля,
Каждую пядь твою преображает!

Сонеты М.Мушвига, в значительном их числе, «вненормативны». В этом смысле особо примечательна практика использования в них метафор, эпитетов и повторов. Так, например, в сонете «Sevgililər» («Влюбленные»), слово «sevgi» (любовь) повторяется целых одиннадцать раз, что категорически запрещает канон. Заметим, что рифмовка катренов данного сонета также внеканонична: abab cdcd – классическая: abab abab:

А, скажем, в первом катрене сонета «Bir də baxsan mənə» («Если еще раз посмотришь на меня») строка «bu baxışdan, bu duruşdan əl çək» («оставь в покое этот взгляд, эту позу») повторяется и в первом терцете, что, согласно канону, также недопустимо.

Сонеты М.Мушвига выдержаны в итальянской традиции и характеризуются разнообразием рифмовки. К примеру, такие из них, как «Sevgililər», «Əllər» («Руки»), «Əmək» («Труд») имеют следующую схему рифм: abab cdcd eff egg, тогда как «Ulduzlar», «Torpaq», «Bir günəş, bir baxış», «Gözəllik» («Красота»), «Qadın» – abab cdcd eef ggf. В сонете же «Mənim eşqim» («Моя любовь») мы видим и другой вид рифмовки – abba cddc eef ggf.

Количество написанных М.Мушвигом сонетов невелико, тем не менее, именно они признаны как наиболее совершенные образцы этой формы в азербайджанской поэзии.

В 1920-х – 1950-х годах некоторое количество сонетов создано было поэтом-эмигрантом **Алмасом Илдырымом** (1907 – 1952). Так, опубликованный им в 1935 году сонет «Qafqaz» («Кавказ») явпяет собой трогательное признание любви поэта к Кавказу:

Mən nə bir Lermontovam, nə bir qadir Puşkinəm
Ki, bir rus qələmiylə mədn eləyəm ədanı.
Mən yalnız yaranmışam almaq üçün qadam.

Qəlbimdə «vəhşi» deyə çeçenlərə yox kinim,
Azəri, gürcü, dağlı birruh deyə anmışam,
Mən yalnız sənin üçün ölməyə yaranmışam.

Я не Лермонтов и не могучий Пушкин,
Чтобы русским пером прелесть твою восславить.
Я создан лишь затем, чтобы невзгоды твои в себя вбирать.

В душе моей нет злобы на «диких» чеченцев,
Азербайджанец, грузин, горец – всех их ровней почитаю.
Я создан лишь затем, чтобы за тебя умереть.

Время написания сонета «Nə olurdu» («Что происходило») неизвестно, но всего вероятней, что создан он был именно в период эмиграции.

Mən nə bilim, bu qürbətin çəkilməyən nazı var?
Qəmlərini yaza-yaza ömür keçdi, gün bitdi.
Mən dərdi yox edəm derkən, dərdim məni əritdi.

Vurma könül, vurma, əvət, bu qışın bir yazı var,
Bu qara gün keçicidir, bu gün bitər, inləmə,
Baxçamızda sarı bülbül yenə ötər, inləmə.

Откуда было знать мне, что у этого мытарства нега есть?
В изъяснении печалей жизнь избыта, день свершён.
Желал печаль истребить – она ж меня извела.

Не сокрушайся, душа, не сокрушайся, вслед за этой зимой придет весна,
Преходящи чёрные эти дни, пройдёт и сей день, не стенай,
В саду нашем соловей вновь трелью зальётся, не стенай!

Говоря о сонетах А.Илдырыма, нельзя не упомянуть стихотворение «Buludlar» («Тучи»), имеющее схему рифмовки: abcb dede ffg jgg. В подзаголовке этого произведения, написанного в 1930 году, обозначено: «Lermontovdan iqtibas» («Заимствование из Лермонтова»). Данный сонет написан в подражание лермонтовским «Тучам», созданным в 1840 году, и в сугубо традиционной строфической форме, состоит из трёх катренов:

Ey lacivərd göylərin əbədi yolçuları,
Mirvarid zəncir kimi üfüqlər aşarsınız.
Sizdəmi mənim kimi doğma, əziz vətəndən
Qovuldunuz, onunçun cənuba qoşarsınız?

В последних двух строках приведённого отрывка имеет место перенос, т.е. в очередной раз формально нарушен утвердившийся сонетный канон.

О вечные странники лазурных небес,
Подобные цепочке жемчужин, уходите вы за горизонт.
Как и я, из родного милого отечества
Изгнанные, оттого-то и держите вы путь свой на юг?

Лермонтовский текст:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

В 1950-х годах к форме сонета обращается ещё один азербайджанский поэт – **Алиага Кюрчайлы** (1928 – 1980). В стихах этих воспроизведена различная метрика и применены оригинальные художественно-выразительные средства. Уникальная их особенность в том, что автор буквально в нескольких словах умеет создать яркий образ и выразить суть своего замысла. Сонеты эти выдержаны в итальянской формальной традиции, частью имеющей рифмовку abab cdcd eeg ffg, частью – abba cdcd eeg ffg.

В этих произведениях воспеваются высокие благородные чувства, духовная и физическая красота, нравственное совершенство, показываются деликатнейшие движения человеческой души. В этом смысле привлекает внимание написанный в 1954-м году сонет, в котором описываются чувства людей, очарованных красотой проходящей по улице девушки. Особо примечателен в стихотворении образ старика, восхищение которого проникнуто известной толикой печали:

Bir qız keçir kücədən – bir gözəllik timsalı;
Necə təsvir edim məm surətini, boyunu?
Hamını heyran etmiş ala gözü, camalı,
Hamı ayaq saxlayır, dönüb seyr edir onu.

Saç-saqqalı ağarmış, dünya görmüş bir qoca
Dayanır bir anlığa, çeşməyini düzəldir.
O da cavanlar kimi, gözəl qıza baxınca
Köks ötürür dərindən, deyir: «Bəli, gözəldir!»

Девушка по улице идет – воплощенная красота;
Как описать мне её облик, ее стать?
Очаровали всех её серые глаза, пригожесть,
Замедлившие шаг, обернувшись, все любуются ею.

Поседевший, повидавший мир старик,
Вмиг замирает, очки поправляя.
И так же, как молодые парни, глядя на девушку,
Глубоко вздыхает: «Да уж, красавица!»

Своим идейно-художественным содержанием привлекает внимание сонет «İnsan yalnız bir dəfə gəlir dünya üzünə» («Человек только раз посещает мир»), написанный в 1954 году. В произведении этом утверждается мысль, что людям даётся жизнь именно затем, чтобы творить новое и бороться с трудностями бытия:

Sevgilim istərəm ki, bağ salam, evlər tikəm,
İsti, soyuq bilmədən ellərə keşik çəkəm –
Sən ömür kitabımı yalnız belə varaqla.

Yaylı çarpayılarda yataraq axşam, səhər,
Ömrü nəşə içində mən başa vursam əgər,
Sevgilim and verirəm: nə yas tut, nə də ağla!

Любимая, хочу я сад насадить и построить дома,
Невзирая на холод и зной, людей оберегать.
Только так книгу жизни мою ты перелистывай.

Если, и днем и ночью на мягкой кровати почивая,
В неге и радости жизнь проживу,
Любимая, я тебя заклинаю – не плачь по мне, не голоси!

Сонетное творчество А.Кюрчайлы продолжилось и в последующие десятилетия. Перу поэта принадлежат такие произведения этой формы, как «Bilmirəm, işin nə, sənətin nədir?» («Не знаю, что у тебя за работа, какова у тебя профессия?»), «Torpaq quruyurdu, yağdı yağışlar» («Земля иссыхала, пошли дожди»), «Məhəbbət yolunda yorulmur ürək» («Сердце не устает на стезе любви») и др. При этом, что показательно, сонеты свои Кюрчайлы писал, главным образом, одиннадцати- и четырнадцатисложником.

Несомненные достижения азербайджанских поэтов-классиков в воспроизведении сонетной формы дали мощный толчок к дальнейшему развитию этого жанра в отечественной поэзии. Пиковым в этом смысле является период 1960-х. Именно тогда к сонетному жанру обращается целая плеяда талантливых наших стихотворцев «новой волны» – А.Бабаев, Ш.Аслан, Аббасага и др., продолжая заложенную их предшественниками традицию.

НАТАЛЬЯ ВОРОНИНА

Грезы

Как сладостно грезить тобой поутру,
В реальность свою превращая мечту.

Черты и повадки твои вспоминать,
Из воздуха счастье себе создавать.

Родную улыбку, движения, взгляд
Из ларчика снов достаю наугад.

И каждый твой жест, и скупые слова
В фантазий моих я вплету кружева.

Я вижу тебя, прижимаюсь к тебе,
В мечтах или въяве – нет разницы мне!

Ладони вбирают – разлуке назло –
И сердца биенье, и кожи тепло.

А губы, сперва прикасаясь слегка,
Как солнечный зайчик, как взлёт мотылька,

Как ключик от рая, начало начал
Ведут за собою эмоций накал!

Творю я реальность, подобную снам.
Вот губы опять приникают к губам –

Всё крепче, сильнее, совсем горячо!
На миг отрываясь, чтоб крикнуть «ещё!»

Накроет волной огневая метель,
И в спазмах забьёшься, сминая постель!

Здравствуй, любовь!

Вот наконец она пришла –
Моя любовь. Ну, здравствуй, здравствуй!
Совсем не ожидала я –
Такой смешной, такой ушастый...

Не про тебя мне снились сны,
Когда я о судьбе гадала.
Цветенье будущей весны
В тех снах я не с тобой встречала.

И образ милый, роковой
В мечтах, как пушкинской Татьяне,
Неузнаваемый, не твой
Заманивал в хмельном дурмане.

А всё же я ждала Тебя,
Кем ты мне явишься, не зная,
Далёкого уже любя,
От предвкушенья изнывая.

Болело сердце, как нарыв,
Грозя излиться бурной лаской,
Созревшей юности порыв
Обманывал волшебной сказкой!

Но, неуклюжий и смешной,
Ты вдруг и в сны, и в жизнь ворвался.
И гость непрошеный, чужой,
Хозяином навек остался.

Пусть не такого я ждала,
Пускай смешной, пускай ушастый!
Ведь наконец она пришла –
Моя любовь! Ну, здравствуй, здравствуй!

ЦИКЛ «ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ»

Начало. Вопрос

Сперва была улыбка…
Кому? Зачем? Не мне?
Наверное, ошибка –
Знакомым в стороне?

И взгляды, как загадки,–
Неужто мне опять?
То прямо, то украдкой,
Гадать – не угадать.

Себе самой не верю,
То вверх, то вниз лечу,
Но радости потерю
Принять я не хочу!

Горячие вопросы
В бреду ли? Наяву?
А снова взгляд ты бросишь –
И снова я живу!

Продолжение. Запятая

Запятая, запятая,
Я, как облачко, летаю!
Не к печали расставанье –
Ты назначил мне свиданье!
Счастья головокруженье –
Значит, будет продолженье!
Будут встречи, будут ночи,
Всё, чего душа захочет!
И такую запятую
С благодарностью рисую!

Диалог. Познание. Раскрытие. Двоеточие

Наконец мы вдвоём.
Долгожданное время!
Я тону и спасаюсь во взгляде твоём
Я тебя узнаю, и доверия семя
Прорастает внутри благодатным огнём.

Две раздельные жизни, два мира,
Две звёздных Вселенных
Заповедной чертой открываются нам.
И заветным путём узнавания благословенным
Моё сердце на крыльях летит к небесам!

Наши души чисты
И друг другу открыты.
Погруженье в себя, постиженье твоей красоты.
Я бросаюсь в любовь, все печали земные забыты,
Чтоб в полёте достичь неземной высоты.

Туман. Неопределенность. Многоточие

Вы видели, как невзначай наступает туман?
Так вкрадчиво, нежно меняет вещей очертанья.
Вначале коварный ещё незаметен обман...
Подмена привычных картин, отвлеченье вниманья...

Приходит туман, и в судьбу заползает беда....
А в этом невинном пушистом и белом тумане
То бьются машины, летят под откос поезда,
Беспомощным плачем ревут корабли в океане[1]

Всё воздух и зыбь... Невозможно уже удержать!
Прижми и держи! – Но держать, но прижать – невозможно!
И, вроде со мной... и уже не со мной.... Обмануть и предать...
И сердце туманом разбито и предано ложью!

Прощай. Точка

А может, сначала?
А может, подаришь
Хотя б ещё ночку?
Но в сердце ты ставишь,
Как жалом кинжала,
Холодную точку!
Последнюю точку!

---

[1] Примечание автора: находясь в открытом море, корабль, будучи застигнут густым туманом, обязан включить специальное звуковое устройство, называемое «ревуном», которое извещает другие суда, возможно находящиеся в акватории поблизости, о присутствии данного судна.

Предлагаемый вниманию читателей роман Тогрула Мехти «Гость из подсознания» – это, по сути, первая публикация автора, но не первый его литературный опыт. Как сообщил автор, до «Гостя из Подсознания» (редакционное название, к печати готовится книжный вариант романа «Кара Некрофила») им написано также произведение, основанное на религиозных учениях, то есть с экзотерической тематикой. Публикуемый же нами роман, напротив, с явной эзотерической направленностью, где рассказывается о скрытом, тайном в человеке. Герой, окунаясь в подсознание, в свой внутренний мир, встречается с темной стороной души, которая по мере развития сюжетной линии романа постепенно начинает оказывать влияние на события внешней жизни.

В подсознании герой встречается с главным персонажем Малышом – будущим криминальным авторитетом, с другими героями: Серым, Абдуллой, Лейлой, оборотнями в погонах. Между героями подсознания и героем романа устанавливается такая тонкая связь, что они оказывают влияние друг на друга. Этим читатель может объяснить рассудительность, ум, необычный для малообразованных людей лексикон, аналитические способности, проявленные Малышом и его напарниками.

Роман не лишен и флера воровской романтики, где есть и магическое кольцо – своеобразный паспорт в воровской мир, выданный Малышу криминальным авторитетом, и воровские разборки с дележом сфер влияния, и роскошь, и любовная страсть, способствующая супружеской измене, и убийства. Словом, все привычное, что хлынуло на нас с экранов телевизоров. Но вместе с тем в криминальной части романа Тогрула Мехти – своя подоплека, своя особенность, в которую читатель не без интереса окунется.

Н. Агасиев.

ТОГРУЛ МЕХТИ

ГОСТЬ ИЗ ПОДСОЗНАНИЯ

Роман

«…Сижу в кафе. Столик на четверых. Я один. Играет музыка. Это – саундтрек к фильму «Список Шиндлера». Как прекрасно эта мелодия отражает хмурое настроение сегодняшнего пасмурного дня. Наводит на что-то... Но не знаешь – на что? Это такое теплое и родное, это то, чего ты не помнишь. Словно прожил еще одну жизнь, где все это имело свое значение. Разные вопросы в голове. Возникают они как-то неожиданно, а потом так же быстро исчезают. Что это? Хочу ответить. Но на какой вопрос, не знаю.

Выпил глоток Red Bull-а. Ответ пришел тогда, когда мое внимание было почему-то сосредоточено на кубиках льда, вращающихся в бокале из-под виски.

Для чего? Вот вопрос, который требует ответа. Требует того, чего у меня пока нет. Но он мне так необходим. Хочу закрыть глаза. Музыка прекратилась. Слышно только тиканье настенных часов. Я закрываю глаза. Чувствую, что-то есть… Но не могу ухватиться и понять, что это. Нужно создать свою визуализацию. Вот я создаю комнату. Там много дверей. Открытых и закрытых. Открытые мне неинтересны, потому что я знаю, что за ними, а за закрытыми, возможно, и кроется ответ на мой вопрос: для чего? Этот вопрос стоит перед каждой мыслью в моей голове. Я хочу найти смысл. Передо мной дверь. Я толкнул ее. Она открылась и – новая картина…

Я в машине. Остановился перед светофором. Толпа справа и слева, дождавшись зеленого света, двинулась вперед, чтобы перейти дорогу. Все люди настолько разные, что непроизвольно начинают разбегаться глаза, выделяя из толпы то одного, то другого. Вот идет женщина с потухшим взглядом. Несет в руках пакет с продуктами. Я заглядываю ей в глаза и начинаю видеть ее историю. Время от времени она смотрит на тот самый пакет. И ее потухший взгляд вдруг озаряется светом, как будто содержимое в пакете очень ценно. И я понимаю, почему. Возможность порадовать ребенка делает ее счастливой. Она зависима от любви к нему. И иногда взгляд выдает униженное достоинство, ведь деньги приходится зарабатывать любой ценой, даже ценой собственной чести. Но эта история мне неинтересна.

Вот идет обычный неприметный мужчина, одетый в велюровый костюм в стиле 60-х годов. Но это не единственное, что в нем привлекает, в глаза бросаются его большие квадратные очки. Он скрипач? Или учитель? А еще лучше – учитель музыки по скрипке. Торопливо идет домой, где его ждет вечно недовольная жена. Она голодна мирскими желаниями, а он со своим скудным заработком никак не может удовлетворить ее. Его двухкомнатная квартира, где все еще веет Советским Союзом, включает в себя своеобразный романтизм и ностальгию, но ему не до этого. Он этого не видит, так как уже неживой. Весь его день, все его время посвящены тому, чтобы зарабатывать, а вечера он проводит с женой, которая его пилит и унижает. Мне его история также неинтересна.

Моя власть позволяет мне большее. Я создаю истории. Но они слишком обычны и слабы для того, чтобы принять на себя тот груз событий, который я могу им навязать. Взгляд остановился на одном из толпы. Не знаю причину. Возможно, что-то в нем привлекло. Это человек среднего возраста. На нем дорогой костюм не первой свежести. Эта одежда говорит о том, что его обладатель был когда-то самодостаточным и материально обеспеченным человеком. Но позже удача покинула его. Тусклые, погасшие глаза, неопределенные, суетливые движения, хаотичность походки даже после того, как он уже перешел дорогу, говорили о сильных переживаниях. Он оглядывался вокруг так, будто что-то или кого-то искал. Смотрю на него, и мои мысли вселяют меня в этот персонаж, созданный воображением. Я начинаю мысленно принимать его прошлое как свое и ухожу в его детство.

Раннее утро. Только начинает светать. Но эта улица перед Зеленым базаром уже слишком оживлена. Грузовые машины с продовольствием, привезенным на продажу, разгружаются. Гул моторов и крики торговцев кажутся неуместными, так как противоречат столь раннему утру. Слева от входа на базар выстроены в ряд тележки с номерками, и грузчики, собравшиеся у тележек, проводят время в громких и шумных разговорах, ожидая своего часа работы.

Издали приближается еще одна тележка. Скрип колес и музыка, доносящаяся из маленького, красного, старого радиоприемника, прикрепленного к рукоятке тележки, привлекают всеобщее внимание. Эта относительно маленькая тележка с номерным знаком «001», аккуратно нарисованным на ней, принадлежит мальчику, а ее оформление свидетельствует о бурной фантазии ее владельца.

Это – Малыш. Одной ногой стоя на тележке, а другой отталкиваясь от земли, он ртом издавал звук, напоминавший рев мотора спортивной машины, и приближался к месту, где собрались грузчики.

Несмотря на то, что он чувствовал себя частью этой общины, грузчики обычно не хотели подпускать его к себе и прогоняли со словами: «Малыш, уйди отсюда, здесь

твоих ровесников нет». В глубине души они его недолюбливали, так как, вызывая жалость своим возрастом, мальчик порою отбирал у них клиентов, может быть, сам того не понимая. Но они и не предполагали, что среди них есть тот, кто каждый раз в конце рабочего дня, наводя страх на Малыша, отбирал весь его заработок, оставляя жалкие гроши, которых едва хватало только на то, чтобы купить хлеба. Малыш так сильно боялся этого человека, по прозвищу Баклан, что не мог никого попросить о помощи. Как и Малыш, Баклан был сиротой. В отличие от Малыша, он провел свое детство в доме для сирот, в очень суровых условиях. Возможно, это и повлияло на то, что он стал таким бессердечным и жестоким. Это был худощавый, слегка сутулый молодой человек лет двадцати. На лице его торчал большой нос с горбинкой. Видимо, поэтому у него было такое прозвище.

Малышу же было 12 лет. Это самый ранимый и чувствительный подростковый возраст, когда так сильно нуждаешься в поддержке, понимании, любви и заботе семьи и взрослых. Матери у него не было. Он даже не помнил ее. Отец же часто напивался и избивал его. И в один день Малыш просто сбежал из дома. Воспоминания о доме были настолько ужасны, что его сознание заблокировало их, он просто стер из памяти это прошлое, так, словно его вовсе не было.

В то время на улице Бюль-Бюля велось строительство театрального зала, который предназначался для Хореографического училища. Но из-за нехватки средств это помещение так и осталось недостроенным и пребывало в заброшенном состоянии. Для Малыша же оно было домом. Часто туда забирались уличные собаки, и ему приходилось отбиваться от них.

Когда наступал вечер, Малышу на оставшиеся ему после встречи с Бакланом копейки обычно удавалось купить только буханку хлеба и несколько зубчиков чеснока. Он натирал чесноком горбушку хлеба и ел. Но чеснок был не единственным способом, которым он разнообразил свою скудную пищу. Например, кусая горбушку, он закрывал глаза и представлял себе разные вкусности, которые видел на улице у других. Фантазии были настолько реальны, что он верил в то, что представлял.

У него не было ни друзей, ни родных. Но была очень сильная связь с тележкой, которую он воспринимал как самое родное и близкое существо. Каждый раз, оставаясь наедине с ней, он делился с тележкой своими мыслями. Иногда, забираясь на недостроенную сцену, он разыгрывал разные спектакли, а зрителем была его ветхая тележка. Этот неодушевленный предмет стал для мальчика и семьей, и другом, к которому он испытывал необычайно нежные чувства. Эти чувства усилились еще и из-за одного случая, глубоко ранившего психику Малыша. Как-то раз вечером, купив горячий хлеб, он возвращался из пекарни. Напротив недостроенного здания, где он проживал, был трехэтажный архитектурный дом. Перед подъездом дома на корточках сидела девочка. Она что-то рисовала мелом на асфальте. Увидев ее, Малыш не пошел к себе, а вошел в блок так, словно он тоже житель этого дома. Завернув за лестницу, которая вела на второй этаж, в укромном уголке он спрятал хлеб. И сразу выйдя из блока, сел на крыльцо. Девочка обернулась, и Малыш поздоровался с ней. Девочка ответила на приветствие. Малыш заметил, что ее взгляд остановился на его порванных тапочках и черных от грязи ногах. Ему захотелось спрятать ноги, но было некуда.

– А ты здесь живешь? – спросила девочка.

– Да, – ответил он.

– Я тоже! А почему я раньше тебя не видела? На каком этаже ты живешь?

– На втором, – ответил Малыш и почувствовал на себе ее недоверчивый взгляд.

– Интересно. И я живу на втором этаже. А у твоего папы какая машина?

Малыш оглянулся на машины, припаркованные перед домом, и, выбрав самую лучшую, указал на нее пальцем.

Девочка, посмотрев на него с улыбкой, опустила голову.

– Что? – спросил он.

– Эта машина наша. Она не может быть твоего папы.

Возможно, она хотела бы дружить с ним. Для девочки не имело значения социальное положение мальчика, и она не хотела его обидеть, однако Малыш, осознав, в какой нелепой ситуации оказался, убежал.

Он шел, опустив голову и испытывая стыд и боль. Этот эпизод раскрыл ему глаза на жестокую правду: он всегда будет обречен на одиночество, так как стоит вне общества нормальных людей. Зайдя к себе и увидев тележку, он заговорил с ней:

– Ты – все, что у меня есть! Я никогда тебя не предам. Мама!

Он не совсем понимал смысл этого слова, так как не знал, что стоит за ним, ему не были знакомы материнская забота и ласка. Но Малыш понимал, что это – самое нежное слово в человеческом понимании. И он, именно так обращаясь к тележке, как будто чувствовал значение этого слова.

– Вам что-нибудь принести? – спросил официант, и я вернулся в действительность, оторвавшись от воспоминаний из детства этого странного человека.

Но мысли об этого детстве не покидали меня до вечера. Я все время думал о внутренней боли Малыша так, будто это не мои фантазии, придуманные для несуществующего героя. Я решил написать эту историю по-своему. А вдруг она приведет к чему-нибудь интересному. Несмотря на то, что день был обычным, мысли в моей голове отличались от тех, что были в предыдущие дни. Ближе к вечеру я захотел вернуться к этой истории. Мне было интересно, что же будет дальше с Малышом? Задаваясь этим вопросом, я закрыл глаза и опять проник в дверь, созданную моим воображением.

…Это был жаркий летний день. На базаре было безлюдно. Торговцы и грузчики, утомленные жарой, словно впали в спячку. Малыш, сев под деревом на свою тележку и раскачивая ее то вправо, то влево, наблюдал за машинами, в ожидании клиента. Внезапно перед базаром остановился черный лимузин экстра-класса с тонированными стеклами. Шофер, быстро подбежав, открыл заднюю дверь, откуда вышел мужчина. Он медленно направился к базару. При виде его базар, словно по цепной реакции, начал оживать.

– Король пришел, – передавали все друг другу.

Грузчики начали вести себя не так, как обычно. Они словно боялись подойти и предложить свои услуги, но стояли, готовые услужить в любой момент. Мужчина, разглядывая фрукты, разложенные на прилавках, шел по рядам. Весь базар наблюдал за ним, затаив дыхание. Небольшого роста и очень худощавый, он одет был в черный костюм, галстука не было, но верхние пуговицы рубашки застегнуты. Пиджак просто был накинут на плечи. Шофер, держась на небольшом расстоянии, шел за ним. Мужчина остановился у прилавка с апельсинами. Взяв один апельсин, он поднес его к носу и, понюхав, сказал продавцу тихим, но приказным тоном:

– Собери мне в пакет два килограмма.

Продавец, отбирая самые лучшие апельсины, сложил их в пакет.

– Сколько это будет стоить? – спросил мужчина.

– Нет, что вы! Вы ничего не должны, – испуганно сказал продавец.

– Я не спросил, сколько я должен. Я спросил: «Сколько это будет стоить?» Я не бываю должен! – сказав это, он посмотрел пронзительным взглядом на продавца.

– Нет! Что вы! Я не это хотел сказать, – дрожащим голосом продолжал оправдываться продавец: – Я хотел сказать, что это бесплатно.

Мужчина посмотрел на шофера и взглядом указал на продавца. Шофер, протянув деньги, взял пакет. Увидев это, Малыш, невзирая на страх, сковавший всех вокруг, подкатил свою тележку и спросил у шофера:

– Вам тележка нужна?

Шофер не успел ответить, как мужчина остановился. Внимание всех было сосредоточено на нем. А он медленно повернулся и посмотрел на Малыша. Потом обратился к шоферу:

– Пусть поможет!

Шофер положил пакет на тележку, и они продолжили медленно идти дальше, осматривая ряды с выставленными на них овощами и фруктами. Время от времени Король, оборачиваясь на Малыша, смотрел на него оценивающим взглядом.

– Дай свою тележку моему шоферу, а сам подойди сюда. Ты мне поможешь с выбором, – сказал Король.

Малыш никогда не давал свою тележку никому, и поэтому он подошел к Королю, делая вид, что не понял его.

– Ты что? Не расстаешься с ней? – улыбаясь, спросил Король.

– Нет! – не сразу ответил Малыш.

– Не слишком ли ты мал, чтобы работать на базаре? А где твои родители?

– Я сирота, у меня нет родителей! – опять не сразу ответил Малыш и вдруг, набравшись смелости, спросил: – Вы кто? Почему вас все знают?

Король посмотрел на Малыша укоризненным взглядом: ему никто не осмеливался задавать такой вопрос, но вспомнив, что перед ним стоит 12-летний мальчик-сирота, улыбнулся. Он вспомнил свое детство, раннее сиротство, трудную жизнь.

– Я – Вор! Ворую у несправедливости и распределяю украденное по справедливости, – сказав это, Король пристально посмотрел ему в глаза, словно хотел запугать Малыша. Но любопытство Малыша разыгралось, и он продолжил:

– А почему вас все знают и не ловят?

– Они меня боятся! Я необычный вор! Не будь слишком любопытен. Чем меньше будешь знать, тем больше будешь жить, мальчик.

– Я тоже боюсь одного. Наверное, он тоже вор! Он отбирает каждый раз мои заработки, – сказал Малыш.

Услышав это, Король остановился, словно хотел что-то сказать, но, немного подумав, пошел дальше. Купив все, что нужно, они направились к машине.

Малыш переложил все в багажник, после чего Король подозвал его к себе.

Сняв большой золотой перстень с пальца, он протянул его Малышу:

– Это тебе, мальчик, за работу! – достав складной нож из левого кармана, он и это протянул Малышу, и продолжил: – Тот, кого ты боишься, не Вор! Возьми этот нож и не позволяй никому отбирать то, что по праву принадлежит тебе.

Дверь машины захлопнулась в то время, когда Малыш с интересом разглядывал нож, который ему дал Король. Машина отъехала. Почувствовав внимание всего базара на себе, Малыш быстро спрятал нож.

Когда он вернулся на свое обычное место, вокруг него собрались все грузчики

и базарные торговцы. Все наперебой расспрашивали Малыша о Короле так, словно он был их кумиром. Малыш, немного приукрасив свое общение с Королем, наблюдал за тем, с каким восторгом слушали его те самые люди, которые обычно отгоняли его от себя. Среди них был и Баклан. Время от времени Малыш замечал его голодный взгляд на своих карманах.

Наступил вечер, базар уже закрывался. Малыш едва успел спрятать нож в буханку хлеба, как к нему сразу же подошел Баклан.

– Ну, давай, показывай все то, что заработал, – твердым и спокойным голосом сказал он.

Малыш немедленно достал все заработанные деньги и протянул ему.

Баклан, взяв деньги, стал пересчитывать их.

– И это все, что ты заработал? – спросил он.

– Да. Сегодня на базаре была слабая торговля, – испуганно ответил Малыш.

Баклан медленно приблизился к Малышу. Резко схватив его рукою за горло, приподнял так, что ноги мальчика оторвались от земли. Малыш захрипел, задыхаясь.

– Ты, щенок! Хочешь от меня спрятать то, что тебе дал этот Воришка! Я сверну тебе шею! – сказал Баклан. Заметив, что лицо Малыша уже посинело, и начали закатываться глаза, он опустил его, немного ослабив руку.

Малыш, сильно перепугавшись и откашливаясь от боли в горле, засунул руку в карман и достал оттуда перстень.

– Это золото. А ты говоришь, что торговли нет! – пробормотал Баклан с довольной улыбкой на лице и взял перстень.

– Сегодня ты не получишь ни гроша, потому что хотел обмануть меня.

Он отпустил Малыша и, любуясь перстнем, быстро ушел.

Малыш пошел к себе. У него сильно болело горло, настроение было отвратительное. Сжавшись в углу помещения, где он устроил себе жилище, сел на тележку и, разломив хлеб, достал оттуда нож.

– Я убью его! – произнес он, посмотрев на сверкающий клинок и вспоминая все те унижения и побои, которые ему все время приходилось терпеть. Малыш пытался успокоиться, но ком в горле и воспоминания терзали его, и он расплакался. Немного поплакав, он уснул.

Утром он опять на своей тележке направился на базар, словно ничего не произошло. Он пытался не думать о вчерашнем дне.

Этот день был необычен тем, что на базаре было очень много покупателей. Малыш весь день без отдыха работал. Рабочий день закончился. Баклан, как обычно, отобрав весь заработок, оставил Малышу только на пропитание. Малыш уже собирался домой, но вдруг увидел пожилую женщину с тяжелыми сумками. Он сразу же подкатил к ней свою тележку и предложил помочь. Женщина отказалась от помощи, сославшись на то, что у нее закончились деньги. Но Малыш сказал, что это будет бесплатно. Она с благодарностью согласилась, и Малыш помог ей. Увидев это, Баклан пошел за ними. Освободившись, Малыш решил коротким путем добраться до места, которое он называл своим домом. Уже было темно, и в одном из переулков навстречу ему вышел Баклан.

– Ты что, подрабатываешь за моей спиной?

– Нет. Я просто шел к себе.

– Откуда? Да еще и с тележкой, – спросил Баклан и приблизился к Малышу.

– Я просто помог женщине. Я помог даром, – испуганно ответил Малыш.

В глазах Баклана была такая ярость, какой Малыш не видел никогда раньше. Он толкнул Малыша так сильно, что тот, упав на землю, ударился головой и потерял сознание. Прошло немного времени, и он медленно начал приходить в себя. Раскрыв глаза, он сначала не понял, что происходит, но увидев открывшуюся перед ним картину, изменился в лице, и в голове его словно что-то отключилось. Баклан большим камнем бил по тележке, пытаясь разбить ее. Этого Малыш никому не мог позволить. Схватив тот самый нож, он бросился на Баклана. Тот не сразу понял, что происходит. Он только почувствовал, как Малыш бьет его в живот, и что-то теплое стекает по нему. Только увидев сверкающий клинок ножа в руках Малыша, он понял, в чем дело. Ослабевшим голосом прошептал:

– Все, хватит! Все, не бей больше, – скорчившись, он упал на землю, и изо рта у него пошла кровь.

Малыш стоял перед уже безжизненным телом Баклана. С клинка ножа, который он все еще крепко сжимал в руке, капля за каплей на землю стекала кровь. Сделав шаг в сторону распростертого на земле тела, Малыш произнес:

– Баклан, ты слышишь меня? – не получив ответа, Малыш почувствовал сильное удовлетворение. У него появилось странное чувство к мертвому телу. То же самое он чувствовал, когда разговаривал со своей тележкой, которую очень любил и за то, что она есть, и за то, что она всегда молча его выслушивала.

Малыш присел рядом и начал разговор с Баклаком, будто тот живой. Он изливал перед ним свою душу. Рассказывал, как боится его, что готов сам отдавать ему весь свой заработок, если Баклан будет дружить с ним. Потом он снял с пальца умершего перстень, который дал ему Король, и надел его на свой палец.

Постепенно к месту происшествия начали собираться люди. Издали были слышны сирены приближающихся полицейских машин. Но Малыш ничего этого не замечал, он был увлечен своей беседой с трупом. Только когда яркий свет мигалки полицейской машины отразился на стенах домов, он поднял голову и увидел собравшихся людей. Он очень испугался, но несмотря на это продолжал сидеть. Вскоре к нему подошли полицейские. К этому времени он уже начал осознавать действительность. Полицейские скрутили ему руки, а он плакал, кричал, пытался отбиться от них и одновременно смотрел на свою тележку, надеясь на ее помощь. Он перестал сопротивляться только тогда, когда за ним закрылась дверь полицейской машины. Но он не переставал смотреть через зарешеченное окно на свою одиноко стоящую тележку. Машина мягко тронулась с места. Она все дальше отъезжала, оставляя позади единственное родное, что было у Малыша – тележку. А Малыш все продолжал провожать взглядом ее удаляющиеся очертания.

Опять утренний свет из окна разбудил меня. Я лежу, пытаясь разобраться, что это было? Мои фантазии перед сном? Или я уснул, и это всего лишь был сон? Но не успев еще полностью разобраться во всем, я решил быстро записать все то, что запомнилось мне о происходившем с Малышом.

Не позавтракав, я вышел прогуляться по бульвару. Больше всего мне нравится смотреть на лица прохожих. Каждый из них пытается скрыть в себе самое прекрасное, чем обладает – свои пороки. Это то, что нас отличает друг от друга. Их, эти пороки, иногда можно увидеть в глазах, почувствовать во взгляде. Ведь глаза обладают определенной магией. Мой отец раскрыл мне один интересный факт. Он говорил о том, как животные понимают и чувствуют, где находятся наши глаза. Если они не обладают человеческим разумом, то как определяют, где находятся человеческие глаза? Ведь они

всегда смотрят нам именно в глаза. Не на нос, не в рот или куда-либо еще, а именно в глаза. Интересный вопрос, который подтверждает, что глаза – это не просто часть нашего физического тела. Что-то в них есть. Я думаю о том, какие у Малыша глаза? Мне сложно их представить. Его зарождающийся и еще неопределенный порок – это плод моего воображения. Наверное, поэтому я не могу представить эти глаза, их выражение, их глубину. Но гуляя по бульвару и обращая внимание на взгляды прохожих, я пытался найти тот взгляд, который мог бы передать то, что я вижу в Малыше. Было очень много интересного, но точного соответствия я так и не нашел.

Уже ближе к вечеру я отправился с близким другом, Динаром, в клуб, куда мы обычно ходим по пятницам. Там собираются молодые люди, чтобы поиграть в игру «Мафия». Эта игра мне нравится тем, что я, играя в нее, одновременно имею возможность поиграть еще и в другую игру. В ту игру, которую я играю сам без партнеров и про которую никто не знает. Я наблюдаю за людьми в процессе игры. Они, сами того не подозревая, раскрывают свои пороки и мне не приходится уже додумывать. Слабость перед тщеславием, желание быть услышанным, жажда власти, порой жестокость в жестах… это все может быть характерным и тогда, когда принимается решение об убийстве. Все это может быть не столь значительным на первый взгляд, но все это вкупе может составить образ того зверя, который находится внутри человека. Зверя, которого он, конечно, пытается скрыть всеми возможными способами.

Я сел за игру и в уже привычной мне манере начал следить за игроками, так как мне было просто наплевать на саму игру. Через определенное время я поймал себя на мысли, что у меня почему-то ничего не получается. Меня очень сильно отвлекала мысль о Малыше. Было жалко его. Был момент, когда я хотел встать и уйти, чтобы переписать его историю иначе. Поменять концовку. Сделать так, чтобы его не поймали и чтобы он остался на свободе. Я бы поменял только это. А все остальное мне было по душе, и Баклан заслужил свою участь. И то, что Малыш смог постоять за себя, тоже удовлетворяло меня. Вот только почему он говорил с трупом? Что его подтолкнуло к этой беседе? Я не знаю. Возможно, это было результатом его долгого общения с неодушевленным предметом. Возможно, это уже привычка, и она проявила себя. Не знаю! Не буду ничего переписывать! Пусть будет, как есть! Но я хочу узнать продолжение и как можно скорее. Играть дальше мне неинтересно. Я покидаю игровой стол. Сажусь в машину перед клубом и закрываю глаза.

Нет, ничего не вижу. Немного побаливает голова, возможно, это и мешает мне открыть дверь в мир моих фантазий. Непонятный ступор. Посидев еще немного в машине, я вернулся обратно в клуб к Динару.

Он мне рассказывал что-то с большим воодушевлением, а я кивал ему головой так, словно слушал его. Но в этот момент я был настолько погружен в свои собственные мысли, что улавливал только отдельные фрагменты из того, что он говорил.

Мои мысли были заняты вопросом, почему я не смог нарисовать в голове продолжение истории Малыша? Разве это не то, что создает мой мозг? Многие говорят о вдохновении. А что это такое? Оно приходит извне? Может, иллюзия о том, что творчество – это продукт, созданный творцом, ложная? Может, это не я создаю истории, а всего лишь принимаю информацию и передаю ее. И являюсь всего лишь посредником? Не знаю, хотя уверен в одном: ее продолжение сейчас зависит не от меня.

Позже, приехав домой, я открыл компьютер и прочитал то, что написал до этого. Потом я пытался «выжать» из себя новые мысли, облекая их в предложения и надеясь, что все это выльется во что-то.

…Малыш, держась руками за решетчатое окошечко в двери камеры, куда его поместили, смотрел в сторону темного коридора. Там из открытой двери в самом конце лился тусклый свет, скользивший по бетонным стенам коридора, и доносился чей-то храп, время от времени то усиливаясь, то ослабевая.

Он пытался разобраться в том, что произошло, и верил, что весь этот кошмар скоро закончится, и он опять вернется в свой театральный зал к своей тележке. Ведь она будет ждать его. Но в какой-то миг он допустил мысль, что всего этого может и не произойти. Ужаснувшись, уже в слезах, он, оторвав руки от решетки, не оглядываясь, сделал несколько шагов назад. Прислонившись спиной к холодной бетонной стене, он медленно опустился вниз и закрыл ладонями лицо и глаза. Так он просидел некоторое время. Он очень устал. Представив себе, что лежит в своем любимом уголке, он, наконец, уснул. Проснулся только утром на голоса, доносившиеся из конца коридора, который не был виден из оконца его камеры. Малыш ждал, но не знал – чего. Ему надоело находиться в этом помещении, усталость только увеличилась.

Вскоре к его двери подошли двое. Более худой был одет в обычную черную полицейскую форму. Было видно, что форма ему немного велика. Второй, с большим круглым животом, был одет в светло-голубую форму. Его звали Гафур. Он был работником прокуратуры. В руках он держал журнал. Они, глядя на Малыша, что-то обсуждали между собою. Гафур время от времени что-то записывал в журнал.

– Приведи его в кабинет, – поговорив немного с полицейским, он дал указание и ушел.

Полицейский открыл дверь камеры и проводил Малыша в комнату в конце коридора. Это была маленькая комната, посередине которой стоял стол, и за ним сидел Гафур, втиснув свой большой живот между креслом и столом. Малыша посадили на стул перед ним.

– Почему вы обращаетесь с ребенком, как с последним преступником? Ну, оступился, с кем не бывает? Налейте ему воды! – сказал Гафур полицейскому.

Эти слова зародили в душе Малыша надежду, он почувствовал поддержку, в которой очень нуждался.

– Не переживай, мальчик! Скоро все закончится! – Гафур поставил на стол включенный диктофон и продолжил: – Расскажи все, как было, и я тебе помогу выйти отсюда. Не бойся, тебе никто ничего не сделает, ведь ты же еще маленький.

Малыш с детской наивностью начал подробно рассказывать про то, что произошло. Закончив свой рассказ, он спросил:

– А теперь можно мне уйти?

– Нет, мальчик! Не так быстро. Но скоро. Должны быть еще некоторые процедуры, – ответив, Гафур обратился к полицейскому: – Принесите орудие убийства и предметы, изъятые с места преступления.

Полицейский положил на стол два прозрачных пакета. В одном был нож, а в другом сверкал золотой перстень.

Взяв в руки пакет с ножом, он спросил:

– Это твой нож, мальчик? Этим ножом ты убил Баклана?

Малыш подтвердил кивком головы.

Допрашивающий, положив пакет с ножом на стол, обратил внимание на пакет с перстнем. Выражение его лица изменилось. Посмотрев на перстень, он велел полицейскому увести Малыша обратно в камеру.

Полицейский тоже заметил озадаченное лицо прокурора. После того, как он

проводил Малыша, вернулся в комнату и спросил:

– Что-то не так? У вас изменилось лицо, когда вы увидели этот перстень.

Расслабив синий галстук, Гафур расстегнул пуговицу воротника и вытер рукой капли пота на лбу. Полицейский подумал, что он, наверное, не услышал вопроса, но тот вскоре произнес:

– Этот мальчик не такой простой. Будь вежлив и осторожен с ним. У стен тоже есть глаза и уши, которые служат тому, кто оставил ему свой перстень. Я не хочу найти твое тело в канаве.

Малыш же, поверив этому прокурору с животом, сам того не подозревая, сделал чистосердечное признание и тем самым подписал себе приговор. В следующий раз они увиделись на суде. Малыша представлял адвокат, назначенный государством. Этот адвокат был очень старым и почти ничего не слышал. Было понятно, что особо бурной защиты Малыша не предвидится.

Суд вынес приговор по статье 120.1. – умышленное убийство. Лишение свободы на 15 лет. Первые четыре года Малыш должен был провести в детской колонии, а к 16-ти годам перевестись во взрослую тюрьму.

Малыш, слушая свой приговор, с болью и ненавистью смотрел на Гафура, который ловко обманул его. Он не то что не помог, а выступал в роли прокурора, представляя сторону обвинения. В своей работе он не раз так поступал, но впервые боялся смотреть в глаза обвиняемому.

Ненависть, которая родилась в душе этого мальчика, была уже не только к прокурору, но и ко всему человечеству. Это была последняя капля, переполнившая чашу его детского терпения.

Суд закончился. Вскоре Малыша отправили в детскую колонию, которая находилась на окраине города.

Несмотря на то, что колония для молодых преступников была ужасным местом, Малыш этого особо не почувствовал, так как место, которое он считал домом, было не лучше, а может быть, и хуже. Единственное, что он должен был усвоить, это научиться жить по правилам, которые диктовал социум молодых преступников. Детская колония или же «малолетка», как называли ее сами преступники, копировала законы взрослой зоны. И как любая копия, она была хуже оригинала – более сурова и беспощадна. Малейшая ошибка могла привести к наказанию или смерти. Понятия, то есть правила, выработанные преступниками, уважали и работники колонии, так как за счет этих понятий царила определенная дисциплина, облегчающая их работу. Поэтому они не вмешивались во внутренние разборки осужденных и в их потасовки.

Малышу выдали синюю форму заключенного, вернули золотой перстень и провели в камеру, где отныне ему предстояло провести два года вместе с другими заключенными, его сокамерниками.

Помещение было небольшое, внутри было около тридцати подростков и детей. По всему помещению были расположены двух- или трехъярусные койки. Когда он вошел, все повернулись к нему и молча смотрели, как будто чего-то ждали, может быть, того, как он себя поведет…

…Написав это предложение, я захлопнул ноутбук. Обычно предпочитал смотреть фильмы или научные передачи перед сном, но с того времени, как я начал писать про Малыша, я словно потерял интерес ко всему остальному. Просто лег и попытался уснуть, испытывая чувство неудовлетворенности, словно меня мучила совесть из-за того, что недостаточно поработал. Как будто у меня был план работы над

новым романом, и я его не выполнил. Желание писать у меня появилось относительно недавно. Я начал задаваться вопросами, которые пугали. Как, например, этот вопрос:

– Для чего? Для чего я живу? Что это за жизнь, где нет того, что может быть только у меня. Сколько людей и сколько жизней видели этот мир. Можно ли всем задать этот вопрос, или же только избранным? Время – это то, чего нельзя терять, или, возможно, это именно тот миг, воспользовавшись которым, можно будет найти ответ на свой вопрос.

Ночью я долго не мог уснуть. Наступил новый день. Мысль о том, что нужно идти на работу, сильно напрягала. Так хотелось плюнуть на все и остаться дома, чтобы продолжать писать. Но, к сожалению, отсутствие достаточного количества финансов вынуждало меня заниматься тем, чем мне не хотелось. К середине дня я взял свой компьютер и пришел в кафе. Динар часто говорит мне:

– Ты всегда будешь голодранцем, так как думаешь обо всем, кроме заработка.

Его критика меня больше забавляет, чем обижает. Ведь только друг и скажет правду. Его образ, как пример много зарабатывающего человека, постоянно маячит передо мной. Но почему-то от этих заработков его глаза как будто потускнели. Возможно, я не прав, когда по-своему отношусь к стремлению людей быть богатыми. Но дело в том, что и богатых, и бедных – много, и всегда так было. Я же хочу претендовать на то, что могло бы сделать меня именно ДРУГИМ. Тем, кем я себя на самом деле чувствую. Одним единственным. В ощущении себя я не чувствую, что являюсь частью мира. Как бы это странно ни звучало, но я чувствую, что этот мир есть маленькая часть меня. И несмотря на эти ощущения мир все равно пока вынуждает меня играть по его правилам: идти работать и быть заложником различных нужд.

Когда я сидел в кафе, что-то удерживало меня от письменной деятельности. Сам физический процесс – «писать» – словно разрушал «девственность» моих мыслей. Но писать было необходимо, так как я нуждался в продолжении этой истории. И так хотелось поделиться ею с тобой, дорогой мой читатель! Я открываю ноутбук и начинаю вновь писать.

…Малыш поздоровался с находящимися в помещении заключенными и стал взглядом искать себе место, где можно было бы расположиться.

– Вот там свободно! – указав на двухъярусную койку в дальнем углу помещения, сказал подросток, сидящий на нижней койке перед входом. На подростке не было майки, и все его тело было в татуировках. Их было очень много, этих непонятных композиций, расположенных без всякой симметрии, и поэтому было очень сложно понять, где что нарисовано. Из-за узких глаз его прозвали Азиатом. Он был самым уважаемым преступником «малолетки» по многим причинам. Одна из причин – та, что он чтил воровские законы. Воровать у него было семейным делом. А отсидка за решеткой была в семье наследственной. Вторая из причин заключалась в том, что его старший брат по имени Бек был авторитетом во взрослой зоне, и в «малолетке» об этом знали. Многие из «малолетки» переходили во взрослую зону, и поэтому хорошие отношения с Азиатом давали немаловажную гарантию безболезненного перехода во взрослую зону.

– Меня зовут Азиат. А тебя как? За что сел? – засыпал он Малыша вопросами, заранее зная на них ответы.

У преступников были свои доносчики среди работников колонии. Заданный вопрос больше носил другой характер. От ответа новичка могла зависеть его дальнейшая судьба. Если даже совершенное преступление заслуживало уважения среди

преступников, немаловажную роль играл и тот факт, как сам преступник говорит о содеянном.

– Меня зовут Малыш! Сижу за убийство, – ответил он.

– И за что убил? – спросил Азиат, переглянувшись с рядом находившимися преступниками.

– Он заслужил смерть! Взял у меня то, что принадлежало мне по праву, – ответил Малыш, вспоминая слова Короля.

– Добро пожаловать в «хату»! Располагайся. – Малыш впервые слышал слово «хата», но он понял, что это означает.

Малыш направился к койке, на которую ему указали. Он только хотел расположиться, как голос за его спиной резко произнес:

– Нет! Ты будешь спать наверху. Нижняя койка занята.

Он обернулся. За ним стоял подросток лет пятнадцати. Выражение его лица говорило о недоброжелательности. Малышу было знакомо это. Во времена работы на базаре он видел такое выражение на лицах каждый день. Ничего не ответив, Малыш забрался наверх и лег. Закрыв глаза, он внимательно слушал разговоры вокруг и пытался вникнуть в них, но это было очень сложно; вся беседа шла на незнакомом ему жаргоне. Улавливая отдельные знакомые фразы, он додумывал предложение. Двое на койках рядом говорили о крысе. Было очевидно, что речь идет о человеке, который как-то провинился. Только после того, как наступила гробовая тишина, он позволил себе поспать.

Утро настало тогда, когда со скрежетом повернулся ключ в двери и кто-то крикнул: «Подъем!»

Все быстро начали заправлять койки и становиться в строй. Было странно, что указания давал Азиат, а не надзиратели колонии. Азиат вышел из камеры и все, как один, последовали за ним. Пройдя со всеми в помещение напротив, где стояли столы и стулья, Малыш понял, что это столовая.

Не зная, как надо себя вести, он решил повторять за всеми то, что они будут делать. Каждый, дожидаясь своей очереди, брал оловянные тарелку и ложку, подходил к большой чугунной кастрюле, перед которой стоял заключенный, наливающий в тарелки непонятную на вид и неприятно пахнущую массу, похожую на кашу. Малыш, взяв свой паек, сел за стол в центре.

Едва он поднес ложку ко рту, чтобы попробовать незнакомую пищу, как почувствовал, что кто-то сел рядом и поздоровался непривычным для подростка хрипловатым голосом:

– Я – Серый! – сказал он Малышу.

Это был русский мальчик с голубыми глазами, на лице которого была большая родинка, или родимое пятно, похожее на карту.

– Я – Малыш!

– Да, я в курсе. Ну как тебе тут?

– Пока не знаю, – ответил Малыш.

– Привыкнешь, независимо от того, будет хорошо или плохо!

Малыш, опустив глаза, поднес ложку ко рту. Хотя он никогда нормально не питался, но и более невкусной пищи никогда не ел.

– Самое главное, живи по понятиям, – продолжил Серый загадочным голосом.

– А как? – спросил Малыш. Ему было очень интересно, что значит жить «по понятиям».

Серый, немного помолчав, словно намеренно создавая интригу, продолжил:

– Так вот, слушай внимательно. Азиат и те, кто рядом с ним, это – «бугры». Они смотрят за положением в «хате». Все проблемы и все дела решают они. Против них идти нельзя. Помимо «бугров» есть «мужики». «Мужики» – это те, за кем нет грешка. Есть «суки». Они же «крысы». Это те, кто доносит на своих работникам колонии. Есть «опущенные». Это те, кто не сдержали слова и их опустили.

– И как же узнать, кто есть кто? – спросил Малыш.

– Ну, это легко! По наколкам. У Крыс бывает точка на носу. И спят они у параши! – увидев удивленное лицо Малыша, Серый спросил:

– Что ты на меня смотришь, как баран на новые ворота?

– Параша? – переспросил Малыш.

– Да, Малыш, параша! Это там, где ты будешь справлять свою нужду.

Серый продолжал рассказывать про правила и жизнь в «малолетке» так, будто давал урок жизни. Малыш внимательно слушал его и примерял на себя новый образ человека, которым он должен стать.

– Здесь сила руки не играет никакой роли. Главное, это – сила характера и правота. Вот видишь того быка за тем столом?

Малыш посмотрел в ту сторону, куда показал Серый. И действительно, там сидел тот самый подросток, который грозно указал Малышу на верхний ярус койки.

– Да. Он спит на нижнем ярусе моей койки, – сказал Малыш.

– Физически он самый сильный. Но это ему не помогло. Его посадили на колени перед всеми за то, что он не вернул карточный долг в нужное время. Ты играешь в карты?

– Нет, я не умею!

– Ну вот и хорошо! Если тебе предложат играть, так и ответь. Здесь выиграть в карты невозможно. Азиат – лучший шулер в картах. Если проиграешь, то придется платить или же опустят.

– А что, если он предложит сыграть на просто так? – спросил Малыш.

– Тем более не играй! Если кто-то предлагает тебе поиграть на просто так, значит, он играет на твою жопу. И если ты проиграешь, то будешь удовлетворять всю хату! – сказав, Серый похлопал мальчика по плечу и ушел.

Малыш, размышляя над словами Серого, проводил его глазами. Когда он увидел, что Серый, подойдя к Азиату, что-то шепнул ему на ухо, то догадался, что тот не просто так подсел к нему. Он выполнял приказ Азиата.

Азиат, увидев, что взгляд Малыша направен на них, кивнул ему, улыбнувшись. Малыш быстро отвел взгляд.

После завтрака была прогулка. После прогулки все вернулись в хату.

И действительно, хата была пропитана своими «законами и понятиями». Лишь по ночам многие из тех, кто пытался показать себя сильным, превращались в детей, тоскующих по дому. Малыш часто по ночам с закрытыми глазами прислушивался к плачу тоскующих.

Но этот плач не вызывал у него никаких чувств, а тем более жалости, так как он не был знаком ни с этими чувствами, ни с тоской по дому и родным. То, к чему он прислушивался, скорее играло для него роль своеобразной колыбельной перед сном.

…Я перестаю писать. Зазвонил мой телефон. Поймал себя на мысли, что в последнее время у меня появилось сильное отвращение к рингтону моего телефона. Я

часто начал откладывать свои дела на потом. Звонки на мой телефон поступают от людей, которым я что-то обязался сделать. Несмотря на то, что я часто веду себя безответственно по отношению к людям, трубку поднимаю всегда. Этот звонок был от Юсифа, близкого человека. Мы давно планировали увидеться, но каждый раз эта встреча откладывалась. На этот раз я очень хотел с ним встретиться, так как он был творческим человеком, и к тому же известным. Он написал очень много хитов. Правда, из всего написанного мне больше всего понравилась песня, которая не стала хитом. Она называется «Viçdan» (совесть). Возможно, эта песня заставляла меня задумываться о чем-то…

Но суть сейчас не в этом. На этот раз я стремился с ним увидеться, чтобы понять, что происходит? Какова структура связи между ним и его творчеством? Возможно, он как-то сможет помочь мне познакомиться поближе с моим героем.

Я предложил ему встретиться и выпить вместе кофе. Он был где-то рядом и поэтому долго ждать не пришлось. Вскоре мы уже беседовали.

Я хотел спросить, что происходит с ним тогда, когда он сочиняет. Хотел рассказать ему про Малыша и про то, как я создаю свои истории, но порою что-то выходит из-под моего контроля, так как я начинаю знакомиться с придуманной мною самим историей после того, как написал ее. Но потом решил немного подождать с этими вопросами, так как понял, что вопросы есть не только у меня, мой собеседник тоже пришел за ответами.

Он был немного подавлен, но и сам не мог понять причину этого состояния. Удивительно то, что он, вроде бы, успешен во всем, но несмотря на это может временами испытывать то же чувство, что и обычный бомж. И я в этом вижу великую справедливость Аллаха. Ведь какими бы мы не были разными, и в каком бы положении мы не находились, все мы можем испытывать одни и те же чувства. Будь то президент или грузчик. А все остальное – визуальный обман. Нам кажется, что кому-то лучше, чем другому. Но в эмоциональном состоянии мы все находимся в одинаковом положении и, если можно так сказать, «стоим на одной линии». То есть, перед Творцом – все мы равны.

Вот и вспоминаются мне слова Динара, который всегда говорил, что я никогда не буду богатым. Понимаю, что ничто не изменится. То есть, это – борьба за то, что в итоге является НИЧЕМ, ровным счетом НУЛЕМ. Да, все равно возвращаешься обратно, в ту же ТОЧКУ, которая и делает тебя ЧЕЛОВЕКОМ!

Мы постепенно начали разбирать то, что в его голове и что в моей. Причина беседы всегда бывает одна, но часто она приводит еще к другому, чему-то новому. Говоря с ним, кажется, я понял, чего хочу. Хочу быть, как он. Нет, не то, чтобы петь и быть популярным. Просто, говоря с ним, я понял, что он победил чувство страха перед смертью, победил само понятие СМЕРТЬ тем, что творит и оставляет после себя след. Да, я тоже хочу победить СМЕРТЬ. Хочу, чтобы история Малыша дописалась, как часть меня, и прожила вечно. Но это всего лишь мои желания. Смогу ли я? Вот в чем вопрос!

Пока я решил познакомить его с Малышом в более подходящий момент, а если честно, то немного испугался того, что мой герой еще недостаточно «вырос», чтобы быть интересным. Мы посидели еще немного, болтая о том, о сем, и разошлись по домам. И дома вновь мои мысли остались наедине с открытым файлом об истории Малыша. Пальцы начали описывать картины, вырисовывающиеся в моей голове.

…Малыш освоил и примерил на себя новый образ, который ему очень подходил. Он, не делая ошибок, постепенно начал завоевывать всеобщее уважение. Азиат в свою очередь скрыто покровительствовал ему. Причиной же этого внимания стал перстень на пальце у Малыша. Возможно, многим он не был знаком. Но Азиат видел этот перстень на пальце Короля преступного мира. И он принимал это так, что сам Король отметил этого юношу.

Вскоре Малыш и Азиат стали самыми близкими друзьями. Но даже в этих дружеских взаимоотношениях приходилось следить за любыми своими действиями, чтобы не совершить грешка.

Вся «малолетка» стремилась достичь таких же успехов, которых сумел достичь Малыш, кроме одного мальчика, которого звали Дыха. Правила и понятия словно обошли его стороной. Он был очень услужливым, вместе с тем ему сходили с рук те ляпсусы, которые могли испортить многим жизнь в зоне. Его никто не воспринимал всерьез и не ждал с его стороны никакой угрозы. Дыха имел репутацию добродушного безумца, этому соответствовала его неординарная внешность. Он был небольшого роста, очень худой и с большой головой. Светлая шевелюра еще больше увеличивала объем головы относительно туловища. Но его неординарная внешность заключалась не только в этом. У Дыхи для его возраста был очень большой кадык. Все над ним подшучивали и одновременно старались не обижать его. Так, будто обижать такого грех перед самим Аллахом.

Дыха часто проводил время рядом с Азиатом и Малышом и своим присутствием разряжал тяжесть тюремной атмосферы.

Малыш с течением времени уже начал вместе с Азиатом разруливать порядок в хате. Но несмотря на это ему не позволялось принимать какие-либо серьезные решения. Их принимал только Азиат. И это очень сильно настораживало Малыша. Всю свою короткую жизнь до «малолетки», Малыш был уязвимым, незащищенным мальчиком, которого все унижали. И только сейчас он получил определенную власть. Только вот Азиат время от времени своим сильным авторитетом давал понять, что всегда есть возможность получить обратный билет.

А в один обычный день произошло необратимое…

Азиат играл в карты с одним из новичков. Выиграв сумму на словах, он поставил проигравшему срок выплаты. И Малыш, и все преступники следили за этой игрой. Было очевидно, что новичок не сможет выплатить такую большую сумму в нужный срок, и его ждет участь «опущенного».

Все уже стали расходиться, как вдруг услышали, что кто-то произнес:

– Поиграем?

Это было адресовано Азиату, и произнес это его самый близкий друг Малыш. Азиат, как и все, восприняв это как шутку, ухмыляясь, ответил:

– Поиграем, – и спросил:

– А на что будем играть?

– На просто так! – ровным голосом ответил Малыш.

Лицо Азиата изменилось. Он не мог поверить услышанному. И был уверен, что выиграет, как всегда. Но не мог понять: почему его вызывает самый близкий друг?

– Ты что говоришь? Ты что-то попутал! Это шутка? Я ее тебе прощаю. Но больше никогда ее не повторяй! – повысив голос на Малыша, Азиат встал и пошел к двери.

– Это не шутка! Так ты играешь? Или решишь отказаться от своих слов? – по-

вторил Малыш ему вслед.

Азиат, услышав это, остановился. Осознав, что уже нельзя отступать, тихо произнес:

– Я тебя уничтожу!

Он достал карты из кармана, пододвинул ногой табуретку к койке, на которой сидел Малыш, и расположился напротив.

– Во что играем? – спросил он у Малыша.

– В «очко»! По три партии!

– Играя в «очко», готовь свое! – стиснув зубы, произнес Азиат.

Малыш промолчал и начал наблюдать за тем, как Азиат мешает колоду. Тот же был уверен в том, что выиграет. Так все и началось. Он, конечно, выиграл первые две партии, но атмосфера накалилась, когда Малыш сравнял счет. Азиат не мог знать, что изо дня в день все это время, пока он играл с сокамерниками, Малыш, тихо наблюдая за ним, научился всем его ходам и знал, на какой блеф он способен.

Была последняя партия. Все затаили дыхание в тот момент, когда должны были раскрыться карты. Азиат раскрыл первым, у него было двадцать очков. Все внимание теперь уже было на лице Малыша. Многие с сожалением смотрели на него, как на проигравшего. Малыш раскрыл свои карты. У него было двадцать одно очко. Азиат проиграл.

– Давайте поиграем в дурака, – посмеиваясь, произнес Дыха.

Он хотел разрядить напряженную обстановку. Но атмосфера была настолько накалена, что на него никто не обратил внимания.

Малыш, положив свои карты перед Азиатом, встал и молча пошел к своей койке. Никто не мог проронить ни слова. Было настолько тихо, что слышно было даже жужжание мухи в другом конце камеры. Азиат не мог пошевелиться. Он просто смотрел на карты и пытался осознать то, что для него все кончено. Это осознание пришло и к остальным – ко всем постояльцам «хаты». Каждый думал о том, как ему быть дальше, ведь все изменилось в один миг.

Более авторитетные задумались о своем положении. Кто-то уже видел себя на месте Азиата, а кто-то понимал, что лучше быть рядом с Малышом, поддержать его абсолютную власть и избежать хаоса и кровопролития в «хате».

Ни один из заключенных не проронил ни слова. Все разошлись по своим местам. Малыш, осознав, что ему уже ничего не грозит, что он главный и никто не может этого изменить, с удовлетворением закрыл глаза. Когда утром он проснулся, то увидел, что все собрались у койки Азиата. Он встал и подошел.

Азиат лежал без признаков жизни, весь в крови. Он сам заточенной ложкой вскрыл себе артерию на шее. Малыш подошел и сел рядом.

– Теперь все будет хорошо, друг мой! Теперь нашей дружбе уже ничего не угрожает. Поверь, ты всегда будешь со мной! – поглаживая лицо Азиата, тихо говорил Малыш.

Новость о произошедшем быстро разнеслась по всем тюрьмам. Уголовники на воле тоже были в курсе всего.

Главные лица преступного мира должны были обсудить эту ситуацию и решить дальнейшую судьбу Малыша. Этого решения ждали и те, кто хотел занять его место. Но пока не было принято решение, власть в хате была в руках Малыша. Он, не дожидаясь приговора, находил любую возможность, чтобы опускать авторитетных сокамерников, от которых могла исходить угроза.

Уже достаточно хорошо зная правила преступного мира, Малыш понимал, что каким бы ни было принятое решение относительно него, оно будет справедливым. Он заранее просчитывал свои шаги и делал все по понятиям. Понимал, что ему уже ничего не грозит, но легкий страх все же испытывал.

А в это время на взрослой зоне Бек оплакивал своего брата. Помимо боли утраты он больше чувствовал себя униженным. Одна мысль о том, что Азиат был обречен на унижения, если бы не покончил с собой, приводила его в бешенство. Бек обдумывал план мести. Он не мог позволить, чтобы это сошло с рук Малышу, но нельзя было открыто, напрямую идти на конфликт. Это было не по понятиям. Единственным способом мести было заказать убийце (Палачу) Малыша. Но исполняющий заказ должен был действовать так, чтобы никто не узнал о заказчике. Хотя многие понимали, что ответ Бека не заставит себя ждать.

Как-то вечером, после очередной прогулки, Малыш, сидя на койке Азиата и тасуя его же колоду, обдумывал дальнейшие свои действия. К нему подсел Серый.

– Брат, нам надо поговорить! – сказал он своим хриплым голосом.

– И о чем же? – спросил Малыш.

– Я серьезно. Тебе нужно быть очень внимательным! Мне не по себе. В последнее время часто об этом думаю и уверен, что тебя заказали Палачу.

– Кто заказал? И кто Палач? – спросил Малыш, не проявляя внешне никаких эмоций. Несмотря на то, что страх был, он всеми силами пытался скрыть это. Понимал, что проявление страха нанесет удар по его авторитету.

– Никто не знает! Но я, кажется, догадываюсь, какие у него приметы, – зажмурив глаза и немного призадумавшись, произнес Серый.

– И какие? – спросил Малыш, не отводя взгляда от колоды карт, которую держал в руках.

– Сначала он должен попасть сюда за мелкое преступление, на небольшой срок. Но он уже однажды отсидел долгий срок, – довольно покачивая головой, произнес Серый так, будто разгадал тайну.

– А вдруг он уже среди нас? – спросил Малыш.

– Не думаю. Я бы его узнал.

– Но никто еще точно ничего не знает! Будь внимателен, проследи за всеми. Если кто-то будет вести себя подозрительно, дай мне знать. А если Бек хочет крови, я ему дам ее. А потом мы с тобой создадим уже свою династию там, на свободе, друг мой! И никто нас не остановит, – произнес Малыш спокойным и уверенным голосом, похлопывая Серого по плечу.

…Прошло два дня с тех пор, как я написал это. У меня была депрессия! Это очень смешно звучит для меня. Я сам не очень люблю людей, у которых тяжелая энергетика и которые всегда хотят казаться страдающими жертвами. Это очень раздражает. Как будто они где-то прочитали, что так интереснее смотрятся. Себя я считаю позитивно настроенным человеком с трезвым взглядом на жизнь. Так уж я устроен, что во мне работает не теория, а система относительности. Когда в жизни что-то идет не так, то я обязательно смотрю на себя с той позиции, где кому-то относительно меня хуже. А еще хуже – всегда есть кому! Так же, как есть те, кому еще лучше. Как говорит моя супруга, лучше смотреть на все происходящее с позиции того, что могло бы быть и хуже.

Депрессия – это то, что связано с настроением, а само слово «настроение» происходит от слова «настрой, настраивать». Настрой же – процесс зависящий то от

кого-то, то от чего-то.

В таком случае почему бы не взять этот процесс в свои собственные руки? Тем более, что по моему мнению депрессия – это бессмысленность, которую при сильном желании можно обойти.

Но в эти дни депрессия все-таки была. Вот я и задумался: «А может, эта история меняет мое состояние? Возможно, что-то происходит в жизни Малыша, и это придает моему настроению серые тона?»

Но ведь вся эта история является моей фантазией. И за эти два дня, прочитав все заново, я не захотел и не пытался изменить ход событий. Не почувствовал, что нужно что-либо менять. А потом все же решил сделать иначе.

Я опять задумался. Если эта история есть продукт моего сознания или же подсознания, то почему бы мне не дать возможность всему просто вылиться на бумагу как есть? А затем, прочитав это, найти самое главное. Свой порок! Порок, который отличает меня от других.

Этот роман сыграет для меня роль психолога и позволит мне увидеть в себе то, о чем я не знаю. Но для того, чтобы понять и познать себя, мне необходимо «увидеть» Малыша. Что же двигало им, когда он решил поступить так с Азиатом, с другими? И это должно быть довольно сильным чувством, ведь он пошел на серьезный риск. Он мог бы проиграть! И тогда все, к чему он стремился, могло бы разрушиться. Только чувство сильного страха могло толкнуть его на это: не уйти от страха, а наоборот, пойти ему навстречу, столкнуться с собственным страхом. Чувство страха перед властью Азиата над ним и над всеми подсказывало ему вероятность возвращения туда, откуда он пришел, в то самое начало, где был Баклан. Малыш находил сходство между ними. И тот, и другой внушали ему чувство собственной слабости и уязвимости. Единственное, что мне неясно до конца, это вопрос: что все же заставляет его говорить с умершими?

Для того, чтобы понять это, мне нужно было продолжение истории.

…Был необычно жаркий день, заключенные вышли на ежедневную прогулку. Несколько заключенных во главе с Малышом сидели в тени и что-то обсуждали. Дыха в привычной для него манере прервал обсуждение своим звонким голосом:

– Ребята, к нам сегодня придет новенький.

Никто из сидящих не обратил на него внимания, так как информация была не столь значительной по сравнению с той, что обсуждалась. А обсуждали они свой «общак», говорили о его состоянии и размерах. «Общаком» назывались финансовые и любые иные материальные средства, которые собирались со всех заключенных. Эти средства были общими, но право на принятие решения об их распределении было за Малышом.

– Ну, иди отсюда, Дыха! Мы заняты! – произнес Серый.

Но лицо Малыша изменилось от услышанной новости.

– Братва, извините. Мне нужно немного потолковать с Серым, – уже почти родным жаргоном произнес Малыш.

Все отошли в сторону.

– Что случилось? – спросил Серый.

– Узнай все про новичка. Кто он? За что получил срок? Выясни все! Не упускай ни малейшей детали!

– Будет сделано! – сказав это, Серый направился к надзирателю.

Малыш наблюдал со стороны за разговором и за тем, как Серый получал информацию у надзирателя. Он пытался уловить мельчайшие мимические изменения на их лицах с тем, чтобы предугадать серьезность информации.

Малыш очень сильно нервничал. Вскоре Серый вернулся обратно. Выражение лица у него было угрюмым.

– Что случилось? Что он тебе рассказал? – спросил Малыш.

– Ничего! Он ничего мне не сказал. Нет никакой информации! Что-то здесь не так! – озабоченно произнес Серый.

– Как ничего не сказал, как нет информации?

– Ну, просто нет информации, и все.

За все время пребывания Малыша в тюрьме такого еще не было. Надзиратели всегда сотрудничали с главарями и делились нужной информацией. И эта ситуация вызывала еще больше подозрения.

– Это точно он! Посланец Бека, – произнес Серый, стиснув зубы.

– Это еще не точно. Мы не можем что-либо сделать, не зная наверняка. Присмотри за ним, узнай все, что можно, и если это Палач, то ты его завалишь раньше, чем он успеет что-либо сделать.

– Его приведут вечером! Я не спущу с него глаз. Будь спокоен! Если он осмелится приблизиться к тебе, то захлебнется собственной кровью.

Малыш, улыбнувшись, поблагодарил Серого. Но в этот момент он думал о том, что не до конца доверяет даже ему. Просто у него не было выбора. Одному в этом суровом мире выжить было невозможно.

Был вечер. В «хате» каждый чем-то занимался. Кто играл в карты, а кто-то искусно мастерил четки из черного хлеба. В тюрьме часто что-то мастерили. Было очень много свободного времени. Из-за отсутствия материала заключенные пользовались всем, чем можно, и хлеб при определенных условиях твердел как глина. Он был самым доступным и поэтому самым излюбленным материалом искусных мастеров преступного мира.

Несколько авторитетных подростков во главе с Малышом по кругу пили чифирь, который сварил Дыха. Чифирь – это сильно переваренный очень крепкий чай, который имеет одурманивающее свойство. При отсутствии конопли он позволял неплохо скоротать время.

Малыш не употреблял ни спиртного, ни конопли, но чифирь пил. Для него этот процесс обрел статус своего рода традиции, когда можно в узком кругу, как говорят сами преступники, потолковать.

Малыш, улыбаясь, поддерживал беседу, тем самым пытаясь скрыть то, как он сильно нервничает. Единственным, кто это замечал, был Серый. Его мысли тоже были не здесь, со всеми. На любой звук он оглядывался к двери в ожидании новичка.

Вскоре послышался звук тяжелых ключей, открывающих железную дверь «хаты». На этот звук все оглянулись, прекратив заниматься своими делами. Внимание было приковано к двери.

Зашел подросток среднего роста и спортивного телосложения. Взгляд его темных глаз был холодным и пронзительным. Он начал медленно, словно сканируя, разглядывать окружающих, после чего произнес в ту сторону, где сидел Малыш:

– Здравствуйте! Желаю вам, чтобы двери ваши открылись на свободу!

Было видно, что он уже выяснил для себя, кто есть кто. Это говорило о его опыте, умении правильно вести себя в преступном мире и о том, что он знаком с «ма-

лолеткой».

– Сет, пообщайся с новичком! – еле слышным голосом произнес Малыш заключенному, сидящему справа от него.

– Здравствуй, уважаемый! Как зовут? – спросил Сет у новичка.

– Абдулла! А тебя, уважаемый? – спросил он в ответ.

Сет переглянулся с Малышом, чтобы понять, как вести беседу дальше, поскольку в вопросе новичка был легкий намек на дерзость. Ответным вопросом он продемонстрировал свое равноправие с тем, кто у него спрашивает. Малыш кивнул Сету, чтобы тот продолжал.

– И за что ты сел, Абдулла? – подумав немного, спросил Сет.

– За что не стыдно. За профессию! – неоднозначно ответил новичок.

Малыш пристально смотрел ему в глаза, пытаясь увидеть в них страх или хотя бы немного неуверенности. Но кроме холода и пустоты он не увидел ничего. Правая рука у новичка была обгоревшая, а на подбородке был глубокий шрам. Малыш, разглядывая его внешность, мысленно рисовал его психологический портрет. «Он – точно Палач», – подумал Малыш и произнес:

– Добро пожаловать, Абдулла! Располагайся, вот там свободно, – указал на верхнюю часть двухъярусной койки, где внизу спал Серый. Это позволяло Серому контролировать Абдуллу по ночам.

Абдулла, поблагодарив, расположился на месте, куда ему указал Малыш.

Как бы Малыш ни демонстрировал свое бесстрашие, страх поедал его изнутри. И несмотря на то, что ночь была спокойной, он, не сомкнув глаз, смотрел в сторону койки, где спал Абдулла.

На следующий день Малыш заметил, что Абдулла не стремится заводить друзей. И в буфете, и во время прогулки он сторонился общества и уединялся. Эта ситуация не устраивала Малыша, так как надежда на то, что он сможет получить хоть какую-то информацию, угасала.

Увидев это, Серый попытался сблизиться с Абдуллой, но эта попытка тоже не увенчалась успехом. Тот словно знал причину их желания сблизиться и вел себя предельно осторожно. Поняв, что ситуация непростая, Серый решил обсудить с Малышом кардинальное решение проблемы.

– Малыш, нужно обсудить! – сказал Серый, когда они оказались наедине во время прогулки.

– Что ты хочешь обсудить?

– Нужно валить его! Этой же ночью!

Малыш немного призадумался и ответил:

– Нет!

– Я решу все сам. По-тихому! – продолжил Серый.

– Мы не можем валить, кого хотим, и когда хотим. Это не по понятиям. Нужно подождать. Он обязательно совершит ошибку, вот тогда мы его и покараем, – ответил Малыш.

– Брат, я так его завалю, что никто и не узнает, что это мы!

– Это не имеет значения! Положение в зоне – это моя ответственность. И любое происшествие ударит по моему авторитету. Я сказал – нет! Дождемся и решим все в нужный момент. Все должно быть по понятиям, – твердым голосом сказал Малыш.

Поняв, что нет смысла переубеждать его дальше, Серый согласился и направился к остальным заключенным. Он тщательно следил за новичком, стараясь де-

лать это незаметно. Но ничего подозрительного Абдулла не совершал.

Дни сменяли недели, и напряженность понемногу спадала.

Но однажды Малыш, потеряв бдительность, пошел за игровыми картами в камеру в то время, когда все заключенные были на прогулке.

Серый же не переставал следить за Абдуллой. Он увидел, как Абдулла направляется в хату. Оглянувшись и не увидев Малыша, он осознал, что настал тот самый долгожданный момент. Он медленно и незаметно пошел за Абдуллой.

Малыш подошел к своей койке. Он нагнулся, чтобы взять карты, которые обычно держал под подушкой. Вдруг кто-то из-за спины внезапно накинул ему петлю на шею и начал душить. Все произошло в один миг. Малыш даже не успел что-либо сделать. Как он ни пытался освободиться из петли, ему это не удавалось. Сил уже не было. В висках бешено стучало, глаза налились кровью и казалось, что сейчас вылезут из орбит. Он почувствовал, что теряет сознание и упал на колени. Наступил тот самый миг...

Он даже не успел осознать что-либо. Раздался хрип и, стало быть, все кончено. Но вдруг он начал понимать, что этот хрип – не его, и петля вокруг шеи начинает постепенно ослабевать. Он, уже падая вниз лицом, успел увидеть лежащее рядом мертвое тело Дыхи с заточкой, торчащей из головы.

Серый зашел в хату. На полу лежал Малыш, рядом с ним Дыха. Увидев стоящего над ними Абдуллу, он достал отточенную ложку и рванулся к нему. Абдулла, мастерски увернувшись, толкнул Серого в сторону так, что тот, ударившись головой об стену, на некоторое время отключился.

Серый начал приходить в себя. У него раскалывалась голова от боли. Постепенно складывая отдельные картинки того, что произошло, он посмотрел в ту сторону, где предположительно должен был лежать Малыш. Но его там не было – лишь окровавленное тело Дыхи.

Серый, держась за стену, приподнялся. У него сильно кружилась голова. Медленными, неуверенными шагами он направился к выходу. Когда он дошел до выхода, где все были еще на прогулке, он негромко произнес:

– Убили! Малыша убили!

Серый озлобленно осмотрелся кругом в поисках Абдуллы. И тут его взляд наткнулся на Малыша, который, сидя на корточках, пил воду. Он был настолько уверен в смерти Малыша, что не поверил своим глазам. Серый в недоумении подошел.

– Что случилось? – спросил он у Малыша.

– Мы ошиблись!

– Что значит – ошиблись?

– Палач все это время был среди нас. Абдулла спас мне жизнь.

– Что значит – был среди нас? – переспросил Серый.

– Дыха пытался меня убить!

Раздался громкий звук сигнала, оповещающий о том, что произошло что-то очень серьезное. Надзиратели в полной боевой экипировке выбежали к заключенным. Объявление о том, что всем нужно лечь лицом вниз, говорило о том, что тело Дыхи обнаружено.

...Проснулся я с тяжелой головой. Так обычно бывает, когда я сплю меньше, чем нужно. Наверное, и сейчас так. Жена обеспокоена тем, что я плохо выгляжу. Причина этого в том, что не высыпаюсь. Она задернула шторы, чтобы утренний свет

не разбудил меня. Знаю лишь то, что уснул под утро. Я писал о Малыше, и мне приснился странный сон. Увидел, что иду по поляне, в изобилии покрытой разнообразной яркой, красивой растительностью. Я прикасаюсь к растениям, но все, чего касается моя рука, тут же вянет. Странно было то, что меня это забавляло и доставляло удовольствие. Даже сейчас ощущение от сна приятное. Лишь неприятно это чувство дискомфорта в голове.

Не хочу смотреть на время в телефоне. Уверен, что там немалое количество пропущенных звонков, связанных с работой. Человек обязательно должен заниматься любимым делом. Только в этом случае может быть стопроцентный успех. Но это избитая истина. Я все-таки решился ответить на звонок, вот только зарядки в мобильном телефоне не было. В последнее время я часто забываю заряжать телефон. Даже немного огорчился, поскольку стало интересно, кто же звонил, но не смог дозвониться. Чувство тяжести в голове прошло, как только я выпил крепкий чай. Это позволило мне рассудительно подумать о своем сне. Пытался немного заняться психоанализом своего сна, но ни к чему не пришел. Было лишь странное ощущение, что мой сон и история Малыша как-то связаны между собой.

День проходил как обычно. Слово «обычно» относительно ко времени – это самое ужасное, что может быть. Понимаешь это уже с возрастом, когда осознаешь, что у этого времени есть приближающийся конец. Действительно, время и осуществленное в нем действие играют весьма немаловажную роль в жизни человека. И очень важно любым образом ломать ровную линию действий во времени, тем самым создавая кривые углы, что делало бы дни в этой жизни неидентичными.

Но инструментов и сильного желания для того, чтобы сломать свой сегодняшний день, у меня не было. Единственное, чего бы мне сейчас хотелось, это обсудить некоторые моменты, связанные с моим сном и с историей Малыша. Беседа с нужным человеком может рассеять туман в голове. И я позвонил Юсифу, который, штампуя песни одну за другой, превращал их в хиты. Но он отказался от встречи, сославшись на занятость. И уже ничего не оставалось кроме, как взять свой ноутбук и пойти в кафе. Что я и сделал.

Время шло быстро. Я увлекся чтением статей про психоанализ снов. Меня немного напугало сходство моего сна с неким психологическим расстройством. Но я убежден, что это расстройство никак нельзя связать со мной.

В кафе было необычно спокойно.

Помимо моего был занят лишь один столик, и только один официант, пытаясь найти подходящую музыку, непрерывно менял треки.

Интересное совпадение: как только я подумал о Юсифе, официант сразу же поставил его песню. Я непроизвольно улыбнулся, но улыбка быстро сошла с лица, когда я увидел, что Юсиф звонит мне. Такое совпадение, должен признаться, немного озадачило меня. Он сообщил мне, что планы изменились, и можно встретиться ненадолго. Вскоре он уже сидел напротив.

Удивленные и радостные глаза официанта немного отвлекали. Он подошел и попросил Юсифа сфотографироваться с ним. Мой собеседник сделал это с радостью и все остались довольны: официант – удачной фотографией, Юсиф – тем, что смог порадовать своего поклонника, а я – лишним бонусом перед заведением.

Я уже подготовил свой вопрос, который меня беспокоил. Знал, что творческие люди верят в приметы и в то, что созданные ими творения когда-то могут отразиться в их жизни, как в зеркале. По этой причине многие стараются не сочинять истории с

плохим концом. Мне было интересно, что он думает об этом. Не хотелось бы в итоге, после истории Малыша, оказаться за решеткой. И еще этот сон озадачил.

Я задал ему этот вопрос. И, как ожидалось, беседа привела к интересным заключениям. Пересказывать беседу в подробностях не буду. Лишь скажу то, что понял. Итак, есть два варианта. Первый – история имеет свою энергетику, которую может притягивать тот, кто ее создает, и второй – на самом деле человек, подсознательно предсказывая свое будущее, сам того не понимая, вливает это в то, что создает. И когда это однажды сбывается в его жизни, он думает, что это, наверное, является мистическим знаком.

Надеюсь, в моем случае это ни то, ни другое, а всего лишь история, позволяющая мне познакомиться с той частью моей личности, которая затаилась в тени. Я хочу знать, на что эта личность способна, и предугадать ее появление.

После беседы мне захотелось остаться наедине с самим собою. Нужно было еще кое в чем разобраться. Домашний быт противоречил хаосу, который был у меня в голове, и я поехал к себе на дачу.

Запах сырости, пустой холодильник и мертвая тишина – вот куда я приехал. Когда отключили свет, я понял, что идея приехать на дачу была бредовой. Но уже было поздно сожалеть об этом. Мне ничего не оставалось, как лечь на диван и погрузиться в свои мысли. Первая мысль, которая пришла мне в голову, была та, что сыростью пахнет именно диван. Абстрагировавшись, я спросил себя, кто же он – мое другое «я», этот таинственный и затаившийся в тени? Зачем я так хочу увидеть его? Понимаю, что он грешен и порочен. Знакомство с ним – это возможность принятия его порока. И зачем мне это нужно? Возможно, одна из причин заключается в том, что в мире, в котором я живу, пороки людей являются основной силой, создающей динамику нынешней жизни. Да, так и есть! Только благодаря этим порокам инстаграм и фейсбук отнимают восемьдесят процентов жизни людей. Вы не задавались вопросом, почему люди так сильно желают запечатлеть хороший момент и выложить это потом на всеобщее обозрение? Или откуда у людей желание следить за жизнью постороннего человека? Я не знаю, с какой целью созданы эти приложения, но знаю одно: они своей популярностью обязаны благодарны порокам, таким, как чувство зависти и желание вызвать зависть.

Наш мир поглотила психология феминизма. Женщины строят свою личность в сравнении с личностью другой женщины. Это вполне объяснимо, так как их всегда выбирали, и они стремились быть лучше, чем та, что рядом. Но непонятно, как эта психология поглотила мужчин, и как они, потеряв свою силу и харизму, начали во многом воспринимать все так же, как и женщины. Все поглощены этими соцсетями из-за своих пороков, среди которых зависть занимает ведущее место. Но порок – это лишь маленькое проявление той личности, которая в тени. Это маленькое проявление меняет образ жизни. Я представляю, на что может быть способна сама эта личность во всей своей красе, и меня одолевает жажда знакомства с ней. Возможно, узнав свое другое, таинственное «я» и воссоединившись с ним, я смогу раскрыть весь потенциал собственного мозга.

Вот что движет мною. Воссоединившись, раскрыть все возможности своей личности. Возможно, это всего лишь моя теория, но я должен ее проверить.

Поразмыслив немного, решил ехать домой. Как только вышел за порог, дали свет. Не могу понять, это закон подлости или ... что-то еще? Это уже не имело значения. Пока я размышлял, я успел соскучиться по домашнему уюту. И мне захотелось

быстрее добраться домой.

Уже оказавшись дома, настроил себя на волну жены, после чего мой обычный день завершился, и я «перешел» в необычную историю Малыша…

…Прошла неделя с того дня, когда нашли тело Дыхи. Преступление так и не было раскрыто. Поэтому напряженность в «малолетке» держалась, не стихая. Надзиратели были бдительны и не спускали глаз с заключенных. Все это время тема о том, что произошло, не обсуждалась, хотя и чувствовалась необходимость найти логичные ответы на открытые вопросы, которыми были озадачены Серый и Малыш.

Они оба наблюдали за Абдуллой, который был таким, как всегда. Это еще больше создавало ощущение запутанности происходящего в действительности.

Терпение Серого было уже на пределе, он подошел к Малышу, который лежал на своей койке.

– Тебе не кажется, что нужно прояснить то, что произошло? – спросил он, сев на койку напротив.

– Что ты предлагаешь сделать?

– Нужно потолковать с Абдуллой. Он – единственный, кто может все прояснить.

– Серый, ситуация ясна! Дыха пытался убить меня. Он был палачом Бека.

– Мне и сейчас трудно в это поверить. Я думал, что он даже мухи не обидит...

– Да, здорово он обвел нас вокруг пальца, – сказал Малыш и посмотрел на Серого укоризненным взглядом.

– Это моя вина. Я так был увлечен Абдуллой, что не заметил Дыху.

– Не вини себя. Дыху не заметил никто! Это все уже неважно, – сказал Малыш и задумался. Он все еще не мог понять до конца всего, что произошло в тот злополучный день, и ему предстояло выяснить, было ли случайностью появление Абдуллы или это тоже было запланировано.

Была глубокая ночь. Вспышки молний и звуки проливного дождя, проникающие внутрь помещения через маленькие окна, многим не давали уснуть. Но на Абдуллу эти звуки наводили особый ужас, заставляя его уходить в воспоминания о прошлом. В то самое прошлое, где он умер человеком и переродился в монстра, в машину для убийства. Такой же дождь был и в ту самую ночь. Но грохочущие вспышки тогда были не от молний, а от артиллерийских залпов армянских вооруженных формирований.

В тот день армянская армия подготовила внезапное наступление на азербайджанские земли и устроила геноцид мирного населения Ходжалинского района. Переполненные ненавистью армянские солдаты с особой жестокостью начали убивать захваченных врасплох мирных жителей. Детей убивали на глазах у родителей, а родителей на глазах у детей.

Абдулле было шесть лет, когда несколько солдат на его глазах насиловали его мать. И вся эта картина сопровождалась ужасным ревом его отца. Абдулла не отрывал своего взгляда от матери. Рев прекратился после звука выстрела, и когда он обернулся, то увидел, как солдат ногой вытирает свой окровавленный ботинок об одежду уже мертвого отца. До того, как пристрелили его мать, она смотрела на него с любовью и спокойствием, словно это было единственным способом защиты своего ребенка от происходящего ужаса.

После всего произошедшего солдат, который держал Абдуллу, расслабил руки и произнес:

– Беги!

Это был молодой парень, который сжалился над ребенком и решил спасти ему жизнь, но спасать было уже некого. Тот, кого он отпустил, уже не был человеком.

Абдулла сбежал в лес. Он долго бежал по глубокому снегу, пока не потерял сознание. Когда он очнулся, то уже был в больнице, где ему ампутировали большой палец на левой ноге из-за обморожения. В течение двух лет после произошедшего Абдулла не проронил ни слова. Он лежал в психиатрической больнице, а потом был направлен в интернат. Спустя некоторое время его усыновили. Семья, в которую он попал, была необычной. Женщина, считавшаяся матерью, в первые же дни исчезла, а мужчина – отец приступил к обучению ребенка своему ремеслу. Он был профессиональным киллером. Только спустя некоторое время Абдулла понял, что человек, который его приютил, работал на криминальные авторитеты, выполняя их заказы на убийства. Он зарабатывал немалые деньги, но возраст уже был не тот, и ему нужен был преемник. И выбрал он Абдуллу неспроста. Ознакомившись с его историей, он понял, что этот мальчик может быть способен на любую жестокость из-за полученных им глубоких психических травм. И это было на самом деле так. Ненависть Абдуллы уже была направлена не только на армян или людей в военной форме. Он возненавидел все человечество. Когда усыновивший его мужчина поручил мальчику первое задание, он понял, что мальчик оказался очень способным учеником. Абдулла убивал безо всяких эмоций. Обычно у Абдуллы был очень жесткий распорядок дня. День и ночь он работал над собой. Занимаясь боевыми искусствами и прекрасно владея почти любым оружием, он очень быстро превратился в профессионала. Особое внимание в его обучении уделялось тому, чтобы быть невидимкой и не быть пойманным. Поэтому в свои 15 лет Абдулла, убив немало людей, ни разу не был пойман и осужден за это. Лишь один раз он был осужден за драку, где покалечил мальчика. Это он сделал намеренно, так как его отчим получил задание, которое Абдулла должен был выполнить в «малолетке». Он отсидел три года – его освободили досрочно за примерное поведение. Всю правду о нем знали только он сам и его отчим, а для всего остального мира, он был обычным подростком с непростым характером, родители которого находились в разводе. А он жил с отчимом, который зарабатывал на жизнь, продавая стиральные порошки...

Погода успокоилась лишь под утро, и только после этого Абдулла заснул крепким сном.

Днем, во время обеда, Абдулла, как обычно, сидел один за столом, который находился в самом дальнем углу. В столовой было очень оживленно, заключенные общались между собой за обедом. Гармонию царящей вокруг суеты нарушал этот стол с краю, где стояла тишина, не вписывающаяся в общую картину.

Малыш наблюдал за этим безмолвным человеком. Он не знал, что ему делать. С одной стороны, надо быть благодарным за то, что тот спас ему жизнь. Но то, что он не знал ничего про Абдуллу, очень напрягало. Абдулла являл собой закрытую книгу, которую надо было прочесть, иначе Малыш не смог бы обрести покой. Нужно было что-то с этим делать. Малыш, поразмыслив немного, подошел и сел за столик Абдуллы. Пожелав приятного аппетита, призадумался над тем, с чего начать разговор. Немного помолчав, сказал:

– Из-за напряженности в хате у меня не было возможности толком поблагодарить тебя. Ты спас мне жизнь!

– Не стоит! Я всего лишь случайно оказался в нужном месте в нужное время. А крыса, которая нападает исподтишка, заслуживает смерти. Что ты сделал ему? –

спросил Абдулла.

– Ему – ничего! Я уверен, что он выполнял заказ авторитета – Бека из взрослой зоны. Но я не могу его обвинить и устроить суд, так как доказать его причастность невозможно. В любом случае он ответит за это сполна. А что касается случайности, касательно тебя, то я в это не верю! Для тебя же будет лучше, если ты сам признаешься во всем и скажешь, кто тебя послал.

Абдулла медленно опустил полную ложку, которую уже поднес к губам. Посмотрев улыбающимися глазами на Малыша, произнес:

– Похоже, у тебя есть определенные догадки насчет меня. Может, поделишься?

– Я думаю, что тебя кто-то послал. Тот, кто хочет защитить меня! – указав взглядом на перстень у себя на пальце, он продолжил,

– Думаю, тебя послал бывший владелец этого перстня.

Посмотрев с удивлением на перстень, Абдулла сказал:

– Впервые вижу! Думаю, ты придаешь мистическое значение обычным делам, друг мой! Все намного проще! Я оказался там случайно. Но помочь тебе решил исходя из собственных целей. Я знаю, кто ты! И знаю твою власть! Это естественно, что я не прочь иметь таких друзей, как ты. И думаю, что эта дружба мне очень поможет. Любой, кто оказался бы на моем месте, поступил бы так же!

– Не знаю, говоришь ты правду или врешь, это покажет время. Если ты врешь, то должен понимать, к чему это приведет. А если это правда, то я с радостью предложу тебе свою дружбу. Мы построим империю. Эта империя нуждается в таких солдатах, как ты. Я хотел бы видеть тебя среди нас, так как кто будет не с нами, тот будет против нас.

– Я принимаю твое предложение! – произнес Абдулла.

– У меня остался последний вопрос, личного характера!

– Какой? – озадаченно спросил Абдулла.

– Что ты чувствовал? Что ты чувствовал, когда убивал его? – спросил Малыш. Дожидаясь ответа, он смотрел в глаза Абдуллы, словно хотел проникнуть в его душу.

В этот момент по столу бежал таракан. Абдулла, не отрывая глаз от Малыша, кулаком прибил его и сказал:

– То же самое, что испытываю сейчас! Пустоту! Ничего, кроме отвращения к мерзкому насекомому. А что испытывал ты, когда убил?

Абдулла, увидев, что Малыш ушел в себя, слегка ударил ложкой по тарелке. Этот звук вернул Малыша к действительности, и он ответил:

– Как и ты, ровным счетом ничего!

Почувствовав, какую неловкость создает эта тема, Абдулла вскоре сменил ее, и они продолжили разговор на обычные для заключенных темы.

Постепенно беседы между ними участились, в результате чего они сблизились. Несмотря на то, что Абдулла влился в компанию заключенных, сплотившихся вокруг Малыша, Серый еще долгое время не доверял ему и пытался любыми способами доказать Малышу, что Абдулла не является тем, за кого себя выдает. Но со временем Абдулла завоевал и его доверие. Каждый из них в свое время должен был перейти во взрослую зону. Первым должен был перейти Сет, который являлся преступником со стажем. Так как он был первым, Малыш поручил ему решить проблему с Беком. И Сет справился с поставленной задачей. Через два месяца после того, как он перешел во взрослую зону, пошла весть о том, что Бек покончил с собой. Его нашли в камере повешенным.

Пришло время разлуки и с Абдуллой. Отсидев свой маленький срок, он должен был выйти на свободу. Все те, кто оставались преданными общему делу, выходя на свободу, продолжали поддерживать связь с Малышом и служить ему. Главная цель этой службы состояла в пополнении общака.

Вот и Абдулле было поручено возглавить и контролировать преступную группировку из заключенных, которые были преданы Малышу. Основной поток денег поступал от мелких наркоторговцев, карманных воров и всякого рода жуликов.

Не прошло и недели после того, как Абдулла вышел на свободу, Малыша и Серого перевели во взрослую зону. Но несмотря на это, финансовый контроль в «малолетке» все еще осуществлялся Малышом. Этот контроль давал ему возможность пополнять свои ряды за счет заключенных из «малолетки».

Когда он прибыл в зону для взрослых, у него уже была определенная репутация авторитета. Авторитетные заключенные из «малолетки» имели особое уважение у взрослых. Поэтому Малышу не пришлось заново проходить тот сложный путь, который проходили все новенькие, он его уже прошел. Во взрослой зоне все было практически так же, как и в «малолетке». Единственное отличие было в том, что заключенные были разных возрастов, и еще в том, что в этой зоне отбывал свой срок Вор в Законе. Малыш, так же, как и все остальные, должен был подчиняться ему. Это был мужчина лет семидесяти, который половину своей жизни провел в местах заключения. Он так много сидел, что жизнь на свободе была для него скучна, а зона являлась родным домом. Его звали Архыз. Это был Вор старой закалки, очень авторитетный среди воров. Он отличался от многих тем, что не стремился, как многие тогда, контролировать финансовый поток и наживаться на нем. В то время, когда некоторые воры враждовали друг с другом из-за сфер влияния с целью наживы, Архыз жил в своем закрытом мире, где воровские правила и понятия были превыше денег. Он был предан этой идеологии. По его понятиям, у вора не должно быть ни дома, ни роскоши. Вор должен вершить правосудие и не зависеть от излишних мирских благ. Поэтому он пользовался очень большим авторитетом в преступном мире.

Малыш очень быстро завоевал уважение Архыза. Старик часто беседовал с ним о важности сохранения воровских понятий. Нельзя сказать, что в глубине души Малыш полностью поддерживал взгляды Архыза, но он должен был полностью соглашаться с ним, так как Архызу оставалось сидеть немного, и от того, как он будет относиться к Малышу, зависела его дальнейшая судьба.

…Я дописал последнее предложение, а по завершении мне в голову стали приходить интересные идеи, которыми, возможно, я поделюсь. Порой в такие моменты я чувствую свою особенность. И тут у меня возник вопрос: являюсь ли я гением или мне так кажется? Ты! Тот, кто читаешь. Тебе немного смешно от моей самооценки. Смейся, я не обижаюсь. Тем более, что я не слышу твоего смеха. Но когда ты перестанешь смеяться и с уверенностью скажешь, что я не гений, в этот самый момент у тебя непроизвольно возникнет следующий вопрос: а кто такой гений? Каким он бывает?

Ты приведешь в качестве примера имена отдельных личностей, которые считаются гениями, но не сможешь дать мне формулировку гениальности. Не знаю, как ты, но я хочу понять и узнать эту формулировку. Это поможет мне определить, являюсь ли я гением, или мне всего лишь это кажется.

Должна быть хотя бы приблизительное объяснение этого слова – гений. Я решил поискать в интернете. Вот что я нашел: – «Человек, обладающий высшей твор-

ческой способностью к научной или художественной деятельности». Это краткое определение ровным счетом ничего не раскрывает.

Я часто с друзьями беседовал на тему гениальности Достоевского, Бетховена и других известных личностей. Но определение гениальности так и не было найдено. Интеллектуал, Эрудит, Гений... Как провести грань между этими понятиями и определить степень их значимости? Кто-то сказал, что гениями не становятся, ими рождаются. Это есть дар свыше. Мне трудно согласиться с этим. Я думаю, что все рождаются с одинаковыми способностями, а что происходит дальше, зависит от обстановки, в которой ребенок растет. Рассуждая об этом, я пришел к выводу, что каждый человек создан для определенной профессии. Но человек часто, выбирая свой жизненный путь, выбирает не то, для чего он был изначально создан. И только те, кто выбрали то, для чего они изначально были созданы, могут достичь гениальности. К примеру, тот, кто рожден быть гениальным музыкантом, выбирая профессию художника, не может достичь гениальности. Возможно, этот ответ не совсем меня устраивает, но он позволяет мне думать, что каждый из людей может стать гением.

Все что я написал, не дает мне ответа на вопрос:

Кто такой гений? И – являюсь ли я гением?

Но мои размышления привели меня к новому пониманию того, кто такой Гений.

Человек может думать в рамках своего языка. Он не может думать о том, чему нет названия в его лексиконе. Язык и мысли параллельны друг другу. И мысли могут появляться только в рамках существующего лексикона данного человека. Когда человек в рассуждениях доходит до верхней планки своих возможностей, он чувствует свою гениальность. Но это вовсе не значит, что он всеобще признанный гений. Гений – это тот же самый человек, который может достичь верхней границы своих рамок, разница лишь в том, что у гения границы этих рамок должны быть невообразимо шире, чем у других. Увеличить рамки языка может каждый – это зависит от эрудиции. Достигнуть верхней границы рамок может тоже каждый, так как это зависит от работы интеллекта. И то, и другое – приобретенное. Так что Гений – это эрудит с большими интеллектуальными способностями.

А что касается того, являюсь ли я гением или нет, я скажу:

– Нет! Я не гений. Но я думаю, что возможность стать им все же есть, если я перейду еще одну грань. Стать им я могу только в том случае, если смогу познакомиться с другим моим «Я», которое находится в тени и проявляет себя в истории Малыша, в этом самом романе, который, приходя из неизведанного мира моего сознания, выливается в текст. Вот только не могу найти ничего общего с ним кроме того, что я иногда рассуждаю за Малыша. Но не так, как обычно. И должно быть, любой автор рассуждает о том, что пишет. Мои мысли немного другие, я словно трансформируюсь в Малыша.

После того, как я начал писать эту историю, я часто начал видеть сны. Хотя раньше я их почти не видел, а если видел, то они мне не запоминались. К слову, сегодня я увидел очередной сон. Я видел в небе много белых голубей, но почему-то все они зависли вниз головой, не махая крыльями.

Одно время я читал о сновидениях. Юсифа беспокоили тревожные сны, и я хотел выяснить их природу. По тому, что я вычитал, понятно одно: сны никогда не появляются стихийно, без какого-либо повода. Всегда есть причина, вызывающая их, и в них заключен смысл, на который обязательно нужно обратить внимание.

Я попытался понять смысл и природу своего сна. То, что мы видим, не всегда

означает именно это. Иногда просто надо понять, с чем это можно ассоциировать. Белый голубь может означать мир или саму жизнь. Голубое небо может означать покой или же благо. Но с чем мне связать то, что голуби неподвижно висели в небе головами вниз. В большей мере на ум приходит ощущение чего-то неживого. Не знаю, что бы мог значить мой сон. Но все эти странности начались после того, как я дал волю своим мыслям и начал писать истории.

Я пытаюсь каждый раз дать определение своему внутреннему «Я». И всякий раз это определение словно приближает меня к нему. А потом я резко отдаляюсь. В его существовании я не сомневаюсь, об этом говорит мне его проявление в романе, а иногда даже в жизни. И, видимо, я не единственный, кто его чувствует. В психологии это называют подсознанием. Я нашел и в религии определенное доказательство его существования.

Недавно беседовал с одним другом на религиозную тему. Он рассказал мне интересные вещи про джиннов, которые навели меня на интересную мысль. Прежде чем я напишу то, что он мне рассказал, мне придется дать небольшую информацию касательно этой темы.

Так вот, по Исламу, помимо ангелов и людей, есть и джинны. Ангелы не имеют воли и возможности выбирать. Но джинны, как и люди, имеют право выбора. Они, так же, как и люди, могут быть праведными и заблудшими. Джинны видят людей, в то время как люди их не видят. И согласно всем религиям они могут вселяться в людей.

Не знаю, насколько достоверен тот источник, опираясь на который, мой друг сказал мне, что в каждом человеке живет джинн. Иногда бывает, что человек праведный, а джинн нет. Вот тогда в душе человека возникает разногласие, которое обычно люди считают психическим недугом.

Мне кажется, что мой джинн, мое подсознание и мое скрытое «Я» – это разные названия для определения одной сущности, которая внутри меня. Познание же этой самой сущности даст мне ключ к очень важным дверям. Ты можешь сомневаться, но я приведу еще один пример, который, возможно, развеет твои сомнения.

Если ты познáешь пороки, которые таишь в себе, ты сможешь достичь успеха во многом.

Когда я выше рассуждал о соцсетях (фейсбук, вотсап и др.), и о том, что определенные пороки делают их неотъемлемой частью жизни людей, то понял, что дело не только в них. Все, чем достигается успех, обязательно должно стимулироваться определенным пороком. И зная эти пороки, обдумывая бизнес-идею, нужно всего лишь придумать то, что будет стимулировать порок. И успех обеспечен! Остается всего лишь понять: сколько их, какие они и как проявляются, эти пороки. Все это и есть – «Я» в тени.

Поразмыслив над всем этим, я понял, что устал. Мне было необходимо уснуть. Завтра начнется новый день. Я буду стараться сделать его отличным от дня сегодняшнего. Хочется получить эмоциональный взрыв. Но пока я пишу, я ни о чем больше не могу думать. Рассказ о Малыше словно связал меня по рукам и ногам, и я освобожусь лишь после того, как завершу его.

…Была середина осени. В этом году холода наступили рано. Старик в старом кашемировом пальто и в шляпе с полями, какие уже давно никто не носит, медленными шагами шел по тротуару. В руках у него был пакет.

Вскоре старик добрался до арки архитектурного четырехэтажного здания, построенного немецкими военнопленными в период второй мировой войны. Пасмурная

погода обострила ревматизм старика. Сильные боли в суставах и одышка обессилили его, и он остановился у лестницы, чтобы передохнуть. Ему предстояло подняться на третий этаж этого здания.

Немного передохнув, опираясь на перила, старик начал медленно подниматься по старой каменной лестнице. На каждом этаже он останавливался и настраивал себя на следующий подъем. Мимо него пробежали подростки, и у старика на лице появилась улыбка, но глаза погрустнели. Когда-то, в очень далеком прошлом, он со своим братом так же бегал по этим самым лестницам, но чувство было такое, словно это было вчера. «Время летит так быстро, что я не понял, как приблизился к встрече с «подружкой с косой», которая меня уже заждалась», – подумал он.

Поднявшись на последнюю ступень, он встал перед красной железной дверью и вздохнул.

По правую сторону от двери по вертикали были встроены три звонка. Перед каждым звонком была написана фамилия. Это была коммунальная квартира. Обычно в таких квартирах жили несколько семей. Каждая семья здесь жила на отдельной жилплощади, но все квартиры объединялись общими коридором, кухней и ванной комнатой. Старик, достав из кармана связку ключей, трясущимися руками подобрал нужный и открыл дверь.

После пятнадцати лет отсутствия он два дня, как начал приходить в свой дом. Соседи не были знакомы с ним, но в знак уважения вчера угостили его пирогом. На площадке никого не было, лишь из кухни доносились женские голоса. Он подошел к старой деревянной двери и, открыв ее, прошел в свою однокомнатную квартиру.

Комната была большая. В левом углу стоял диван со сломанной ножкой, вместо которой старик подложил книги. На противоположной от входной двери стене находилось окно. Но дневной свет из окна не поступал, так как путь ему закрывали старые пыльные занавески.

Старик, повесив пальто и шляпу на трехногую деревянную вешалку у двери, с пакетом в руках сел в кожаное потрепанное кресло. В пакете были черный хлеб, банка шпрот и сегодняшняя газета. Он уже собирался поесть, когда его взгляд остановился на заголовке передовицы. Крупным жирным шрифтом было написано: «Король убит!»

Сбоку от кресла стояла тумбочка на ножках, на ней – настольная лампа, сигареты и большая пепельница, переполненная окурками. Места для пакета не было, и старик положил его на пол. Достав из кармана очки, включил лампу и начал читать.

«Сегодня в 15:30 на центральной улице в Москве был застрелен из автоматического оружия Ширван Валиев, уроженец Азербайджанской республики. По предварительным данным следствия, Ширван Валиев являлся авторитетным вором в законе по прозвищу Король».

– Наша эра закончилась! И ты стал жертвой этой кровожадной войны, друг мой, – произнес старик и закурил сигарету.

Он сидел и, не отрываясь, смотрел на качающийся маятник старых часов. Прошло немного времени, старик встал и подошел к телефону. Достав из кармана клочок бумаги, он, вычитав номер, набрал его.

– Алло! – донесся мужской голос.

– Это Архыз говорит! – сказал старик.

– Поздравляю, Архыз, с выходом на волю!

– Организуй сходку с участием авторитетных воров! Я хочу предложить коро-

новать одного юношу, который за решеткой, – приказал старик.

– Будет сделано, Архыз!

– Назначишь стрелку, пошли за мной машину. Ты знаешь, где я! – сказав это, старик повесил трубку.

Он чувствовал свою ответственность перед миром, который рушился на глазах. Единственное спасение было в появлении нового молодого игрока, который придерживался бы старых воровских понятий. В его глазах этим игроком был Малыш. За то время, что они были знакомы, Малыш проявил себя достойно. И к тому же покойный Король когда-то подарил ему свой перстень.

Ближе к вечеру за стариком заехала машина. Сходка была в загородном доме одного из авторитетов. Старик предложил короновать Малыша Вором в законе. Присутствующие были не против, тем более, что это был период, когда одни воры короновали других для того, чтобы укрепить свои силы и пополнить свои ряды авторитетами. А старик уже свое прожил, и вряд ли предложенная им кандидатура, получив звание Вора в законе, сможет сыграть значительную роль. Если, конечно, не примкнет к какой-нибудь из воюющих сторон.

Вскоре до зоны дошла «малява». Так называли письмо с воли важного содержания. В ней сообщалось, что Малыш теперь имеет статус Вора в законе. Этот статус являлся высшим в преступном мире. Вору мог противостоять лишь другой Вор, а все остальные должны были с ним считаться. Но в современном мире ситуация была иной. Были и те, кто получал этот статус, не заслужив его. Воры, которые воевали из-за сфер влияния, часто короновали своих подручных для укрепления своих сил.

В этот день Малыш получил две новости. И обе новости были хорошими. Первая – та, что он был коронован. А вторая новость – смерть Короля. Эта новость избавила его от чувства долга и от ощущения, будто над ним есть чей-то глаз. Он почувствовал облегчение и свободу.

Абдулла в свою очередь на воле пополнял ряды Малыша новичками. Он создал многочисленную армию, которая, сталкиваясь с сопротивлением других преступных группировок, быстро устраняла их и постепенно расширяла свое влияние по всему Азербайджану.

Серый, отсидев свой срок от звонка до звонка, тоже выбрался на волю. Малыш поручил ему навещать старика Архыза и заботиться о нем. Что тот и делал.

В субботний вечер он явился в дом, где жил старик. Тот, открыв ему дверь, опираясь на стену, прошел и лег на диван. Вид у него был совсем неважный. Он похудел и был очень бледен. Серый прошел в комнату, обратив внимание на полную окурков пепельницу, и произнес:

– Старик, эти сигареты тебя убьют!

– Что ты несешь, молокосос? Я всю свою жизнь курил, – подумав, старик спросил: – Ну, как у тебя дела, Серый?

– Все путем! Малыш переживает за тебя. Попросил навестить и узнать, нуждаешься ли в чем?

– Благодарю! Это хорошо, когда молодое поколение заботится о старших! – завершив предложение, старик начал, задыхаясь, кашлять. Немного успокоившись, продолжил: – У меня все нормально!

Серый достал бумажный сверток из внутреннего кармана кожаной куртки и протянул старику:

– Это грев. Малыш послал!

Старик раскрыл сверток. Там была пачка стоманатных купюр. Достав оттуда пять купюр, старик вернул остальное Серому, заявив:

– Мне этого достаточно!

– Как скажешь, старик! Есть какие-то пожелания? – спросив, Серый заторопился уходить.

– Да садись ты, не спеши, – сказал Архыз, указав на кресло.

Серый попытался усесться удобнее. Но губка в кресле настолько истерлась, что сидящий в нем проваливался, а под старой обивкой чувствовались гвозди:

– И как ты здесь сидишь? Нары в зоне, и те удобнее. Ну, говори, что тебя беспокоит.

– Отвези меня на зону. Попроси, чтобы вернули обратно, – просящим голосом произнес Архыз.

– Ты что, старый, совсем из ума выжил? Люди на волю стремятся, а ты в зону, – с удивлением произнес Серый.

Лицо старика изменилось и он, словно оживившись, произнес громким, грозным голосом:

– Ты не забывай, кто перед тобой! Я – Вор! Следи за своим языком! Или всю оставшуюся жизнь мимом будешь подрабатывать!

Серый, побледнев, вскочил с места и дрожащим голосом произнес:

– Извини, Архыз. Я вовсе не хотел тебя расстроить.

– Садись, – уже успокоившись, произнес старик. Вздохнув, он продолжил: – Этот мир меня не принимает. Я так долго сидел, что на воле не могу найти себе места. Пожалуйста, отвези меня в зону.

– Я сделаю, что ты скажешь, но кто тебя впустит обратно? Для того, чтобы ты туда попал, тебе нужно совершить преступление. Даже после этого тебя не сразу переведут.

– Отвези меня, хоть со стороны погляжу на родные места, – вздохнув, произнес старик.

Серый не мог отказать Архызу. Рано утром он подвез старика к колонии строгого режима, где тот провел последний свой срок. Архыз отпустил Серого, сказав, что сам доберется домой, но тот решил не уезжать и подождать старика в машине.

– Дом родной... – произнес, вздохнув старик. Он понимал, что туда уже не вернется. Смотрел на вышки постовых, вспоминал былые времена, и его глаза наполнялись слезами. Сидя на камне, он спиной прислонился к рядом стоящему дереву. Уже темнело. Серый и сам не понял, как уснул, ожидая старика. Он осмотрелся и увидел Архыза со спины. «Неужели этот чокнутый спит?» – подумал он и решил подойти. Приблизившись, Серый похлопал старика по плечу:

– Проснись, батя, уже поздно. Я отвезу тебя домой.

Старик никак не отреагировал на слова Серого. Тогда Серый позвал его громче. Но реакции не было. Тогда он понял, что Архыз не спит. Когда подъехала карета скорой помощи, было уже поздно. Старик был мертв.

И последний покровитель Малыша покинул этот мир. Теперь он был сам по себе, он должен был без наставления заявить о себе. На нем была ответственность за тот груз, который он взвалил на себя. Он должен был примкнуть к одной из воюющих группировок воров. Война шла из-за сфер влияния на зарубежных территориях между двумя кровожадными авторитетами преступного мира. Они были одержимы личными амбициями и не хотели делиться. Игорные дома и рынки на территории

Москвы принадлежали Зурабу. В то время как Аслану принадлежала сеть ресторанов во Флоренции, Нью-Йорке, Париже. Но основной его доход был от крупных бизнесменов из СНГ. Они имели дела за рубежом и платили ему долю из выручки. Шли слухи о том, что он был в тесной связи с итальянской мафией, которая помогала ему распространять наркотики в Америке. Но возникла проблема: транзитные пути в Европу проходили через Москву. И Зураб пожелал войти в долю. В противном случае он пригрозил перекрытием этих путей. Аслан считал Зураба выскочкой, который не достоин имени Вора в законе. Он также был не против того, чтобы прибрать к рукам те сферы, которые контролировал Зураб. Утрясти эту ситуацию вызвался Король. Но на примирение не хотел идти ни тот, ни другой. Король мог создать проблему обеим сторонам. И поэтому его устранение было выходом из создавшейся ситуации.

…Опять пятница, вечер. Я пришел поиграть в мафию. Если честно, то не знаю, зачем. Такое чувство, будто понемногу схожу с ума. Как будто чего-то касаюсь мыслями, но не могу схватить и проглотить. Пытаюсь, очень пытаюсь, но нет... Единственное, что я чувствую – это то, что мои мысли там, где никогда раньше и не витали. Я прочитал то, что написал в романе о Малыше, в надежде найти причину своего состояния. Но там не было ничего особенного. Просто череда событий, и не тех, что могли бы повлиять на мою психику. Не знаю… хочу выложиться и все записать, пусть хаотично. А потом, прочитав разобраться и лишнее удалить. Все началось сегодня, когда я посмотрел на часы. Вот та самая стрелка, длинная и почти не видная. Та, которая показывает секунды. День, час, минута, секунда и миг. Да, именно миг. Это – то, что горит быстрее всего. Их у человека много. Но они заканчиваются. За короткий миг может произойти многое. В один миг можно получить и потерять, родиться и умереть. Но все, что произойдет в этот миг, уже не изменить. Все уходит в никуда. Мы говорим – в прошлое, но прошлого нет, как и будущего. Есть лишь миг, который появляется из ниоткуда и уходит в никуда. Все это есть Истина, и эту истину способно сломать, и ломает человеческое сознание.

В сознании имеет место сосуществование прошлого и будущего. Мы живем исключительно за счет существования прошлого в сознании. Вся наша сущность, как физическая, так и умственная, создана за счет событий из прошлого. Человек есть олицетворение прошлого. А представление о будущем создает стремление идти к нему. Мы можем создавать книги, песни, повести, где все три времени живут параллельно. Мы можем описать долгие годы жизни человека на одной странице, а ощущение от поцелуя – на двух. Почему я об этом думаю? Во мне зарождается страх! Когда я понимаю, что мои дни сгорают, как мгновенья, мне становится страшно. Да, я перестал следить за днями, как и за мгновеньями. Но порою я ощущаю, как мое сознание влияет на течение времени. К примеру, во время поста. Когда остаются минуты до ифтара, время останавливается. Вот я и подумал: интересно, если есть хоть какое-нибудь влияние на течение времени, может, можно найти способ для абсолютного влияния на него. Я так сильно хочу иметь власть над временем.

Я вспомнил старика Архыза, когда он смотрел на бегущих детей. Порой, глядя на играющих в футбол детей, я тоже задумываюсь о том, насколько стремительно идет время. Как хочется вернуться в прошлое и прочувствовать каждый миг. Сегодня в первый раз у меня был странный провал в памяти. Вечером я проснулся в доме предков. Как и когда я туда попал, не помню. Это что-то новое. Как и не прекращающиеся сны. Сегодня во сне я видел, что сижу с Малышом за одним столом в круглой комнате, где нет ни дверей, ни окон. Мы просто сидим и смотрим друг на друга.

И тут я обратил внимание на свой палец. На нем был перстень, тот самый. Что значит все это? К чему эти сны? Что они говорят мне? Мне не терпится разобраться во всем. Сегодня я ухожу пораньше, понимая, что мне не до игры в мафию. Наверное, я немного переутомился. Нужно отдохнуть.

«Свобода! Я и забыл, какая она», – думал Малыш, стоя у раздвижных массивных серых ворот, которые медленно открывались. Перед воротами стоял черный «Роллс-ройс», а за ним – два джипа. Малыш вышел из охраняемой зоны колонии. Рядом с джипом стояло много незнакомых ему молодых ребят. Все они были спортивного телосложения. Малыш, засомневавшись, остановился, но, увидев среди них Абдуллу, пошел дальше. Он не заметил, как перед ним оказался Серый. Тот, обняв его, сильно прижал к себе.

– Я очень рад видеть тебя! Свобода! Теперь тебя ждет новый мир!

– Я тоже рад видеть тебя! Что это за ребята рядом с Абдуллой?

– Это твои ребята! Абдулла собрал лучших спортсменов для твоей безопасности. У нас много врагов среди тех, кого мы оставили без дела.

– Абдулла! Что ты стоишь, как неродной? Ты не рад меня видеть?

Абдулла ждал момента, когда Малыш позовет его. Улыбнувшись, он подошел и обнялся с ним:

– Я рад тебя видеть, брат!

Поболтав немного о том, о сем, они направились к «Роллс-ройсу» и отъехали от колонии. Всю дорогу Серый рассказывал о делах, а Малыш не отрывал своего взгляда от окна. Он смотрел на прохожих, на здания и парки. Все было для него совершенно новым. Многое изменилось. И тут Малыш перебил Серого:

– Был такой базар. Зеленым назывался.

– Почему был? Он и сейчас есть! – ответил Серый.

– Скажи тому, кто за рулем, пусть едет туда.

– Там, куда мы едем, есть все, что ты хочешь. Зачем тебе базар? – спросил Серый.

– Мне нужно на базар. Оттуда поедем в твое загадочное место! – сказал Малыш.

Прошло много лет. Все вокруг стремительно менялось и преображалось, но Зеленый базар словно был олицетворением прошлого. Время и развитие прошли мимо, не коснувшись его. Даже асфальт на дороге перед базаром не обновлялся, и вдоль дороги повсюду были ямы. «Роллс-ройс» и два черных джипа, объезжая их, припарковались перед главным входом. Водитель открыл пассажирскую дверь люксового автомобиля. Когда Малыш вышел, его люди уже разместились вокруг базара. Малыш направился внутрь. Абдулла и Серый в недоумении пошли за ним. Он шел, осматриваясь вокруг и мысленно восстанавливая уже давно забытое. Незначительные детали вызывали в памяти картины из прошлого. Внимание продавцов на базаре тоже было приковано к Малышу. Слухи о новом короле преступного мира быстро распространились. И никто не догадывался, что этот элегантно одетый в дорогой костюм от Бриони мужчина с пронзительным взглядом и уверенной походкой и есть тот самый маленький мальчик со скрипящей тележкой. Кому бы он ни посмотрел в глаза, тот сразу, испытывая трепет, опускал свой взор. Он медленно шел, смотря то вправо, то влево. Серый с Абдуллой тихо следовали за ним. Вдруг Малыш остановился перед маленьким мальчиком с тележкой грузчика. Увидев его и тележку, Малыш почувство-

вал ностальгию. Он подошел к мальчику.

– У меня была такая же! – произнес он, глядя на тележку.

– Что ты с ней сделал? – спросил мальчик.

Малыш задумался, в глазах появилась грусть.

– Иди за мной, поможешь с вещами, – сказав это, Малыш направился к рядам, где продают фрукты. В одном из них торговал пожилой мужик. Пока Малыш перебирал фрукты, мужик, не отрываясь, смотрел на него.

– Взвесь и подсчитай! – протянув фрукты, произнес Малыш.

Пожилой человек так засмотрелся, что не услышал Малыша.

– Ты что, не слышишь? – донесся хриплый голос Серого из-за спины Малыша.

– Эти глаза, они мне напомнили одного мальчика. Это же ты, Малыш? – спросил мужчина.

– Этого мальчика больше нет! Взвесь! – громко и недовольно произнес Малыш и бросил пакет с фруктами перед ним.

Это напугало мужика и он, быстро взяв пакет, положил его на весы. Расплатившись с ним, Малыш с друзьями направился к выходу. Они уже сидели в машине, когда Малыш вспомнил, что не расплатился с мальчиком. Открыв окно, позвал мальчика. Тот подошел.

– Как зовут тебя? – спросил Малыш.

– Камиль, – ответил мальчик.

Малыш снял перстень с пальца. Немного посмотрел на него, затем протянул мальчику:

– Возьми и не теряй его. Этот перстень сейчас имеет силу намного большую, чем тогда, когда я получил его.

Мальчик взял перстень и, положив его в карман, стремительно исчез из поля зрения. Серый посмотрел возмущенным взглядом и хотел уже что-то сказать, но увидев, какими глазами Малыш смотрит в сторону базара, промолчал. Было видно, что с этим местом у него связаны сильные переживания, и Серый не захотел лишний раз тревожить как самого Малыша, так и его чувства.

К тому же перстень уже утратил свою силу со смертью Короля, и Малыш уже не нуждался в покровительстве.

Всю дорогу они молчали. Когда машина выехала за пределы города, Малыш нарушил эту тишину:

– Куда мы едем? – спросил он.

– Это сюрприз. Скоро сам увидишь. Осталось совсем немного.

И действительно, через двадцать минут машины остановились перед большими решетчатыми воротами, на каждой створке которых был позолоченный инициал в форме буквы «М».

Серый достал из кармана пульт и нажал кнопку. Ворота автоматически открылись. Три машины двинулись по дороге, собранной из обтесанных речных камней и поднялись по подъему вверх к большому трехэтажному дому. Это было не единственное строение. Рядом были и другие, чуть поменьше, но внимание Малыша было обращено именно на первое. Это строение будоражило роскошью. На самом верху дворца в середине круга, выложенного из камня, также был выбит инициал «М».

«Роллс-ройс» припарковался перед большими, настежь раскрытыми коваными дверьми этого дома. Серый подошел и, довольно улыбаясь, встал рядом с Малышом.

– Что это за место? – спросил Малыш.

– Это твой дом! – ответил Серый и протянул Малышу ключ.

Малыш знал, что доходы от дела, над которым он стоит, очень большие. Но у него за всю жизнь не было возможности ощутить роскошь. Он не знал, что это такое и как это должно выглядеть. Все было для него необычным и внезапным. Словно по щелчку пальцев в один миг он получил все то, о чем мог бы мечтать каждый.

Малыш, Абдулла и Серый прошли в дом, а остальные остались дожидаться снаружи. Серый сам принимал непосредственное участие в постройке этого особняка и поэтому с усердием и надеждой на похвалу начал все показывать Малышу. Сначала он провел Малыша через холл в огромный зал, где посередине стоял массивный стол с дубовыми стульями. Они очень хорошо сочетались с резным паркетом. Справа в углу стоял большой деревянный глобус, слева – декоративный парусный корабль, тоже из дерева. Останавливаясь перед каждым предметом, Серый рассказывал его предысторию, подчеркивая индивидуальность предмета. Потолок зала был очень высоким. На потолке висела очень интересная люстра – плоская и в форме восьмиугольника – которая освещала весь зал ярким светом.

– Высота этого зала равна высоте дома, а отдельно от зала из холла можно попасть на остальные этажи, где имеются спальни и кабинет. У тебя даже есть кинотеатр, – с восторгом произнес Серый и продолжил: – Я сам выбирал дизайн. Я тебе все покажу. Ты еще другие помещения не видел, те, что на улице. У тебя свой спортзал, есть отдельный гостевой дом, и все это – под строгой охраной по всему периметру. Здесь даже птица не пролетит незамеченной. Поняв, что дом большой, я нанял лучшего дворецкого и в каждое помещение – по одной горничной.

– Все это очень красиво. Но я так устал, что хочу спать. Ты мне сначала покажи спальню. А завтра все остальное, – перебив Серого, произнес Малыш.

Серый неохотно согласился и провел Малыша в спальню, а Абдулла остался ждать в холле. Увидев большую кровать, Малыш прямо в одежде разлегся на ней. Постель была очень мягкая. Долгие годы, проведенные на твердых койках, делали непривычным ощущение мягкой постели.

– Я приготовил тебе особый подарок на эту ночь! – произнес Серый.

– И что это за подарок? Не слишком много за один день?

– Одна очень страстная особа. Она с радостью проведет ночь с заключенным, который давно не видел баб.

– Нет! Не сейчас! Я очень устал, – произнес Малыш.

У него никогда не было близости с женщиной. Он словно испугался, что не сможет сделать все, как надо. И что про это потом может узнать Серый. Самым главным для Малыша была его репутация: везде и во всем. Никто, никогда не должен был увидеть его слабость.

– Как скажешь, Малыш.

– Сейчас я посплю, а завтра с утра нужно будет обсудить дела. Собери всех наших ребят, занимающих ключевые посты, в 11.00. А вы с Абдуллой приходите в 10.00, немного потолкуем.

– Как скажешь! – сказав это, Серый вышел.

Малыш и в самом деле переутомился от полученных эмоций. Но, несмотря на это, как только он остался один, то сразу же отправился осматривать свой дом. И только когда он увидел холодильник, чувство голода дало о себе знать. Холодильник был полон всяких закусок, блюд и десертов, о существовании которых он не имел представления. Перекусив, Малыш вернулся в спальню и лег спать. Ночь была очень

беспокойной. Он проснулся среди ночи с чувством дискомфорта. Крутился в постели, переворачиваясь с одного бока на другой, но чувство беспокойства не покидало его. Лишь после того, как он лег на твердый пол, сразу же провалился в глубокий сон.

Еще не рассвело полностью, когда Малыш проснулся. Серый позаботился обо всем, вплоть до мелочей. Все полки и шкафы были забиты брендовыми вещами. Приняв душ, Малыш вышел и прошелся по своей территории. Ознакомившись со всем, он вернулся и сел в беседке за домом. Здесь было очень много деревьев, кустов, по краям дорожек цвели разные знакомые и незнакомые Малышу цветы. Вся территория была ухожена и благоухала свежей зеленью и цветами. И все то время, пока Малыш знакомился со своим домом, за ним шел мужчина преклонного возраста в униформе. Это был дворецкий. Он не подходил особенно близко, но всегда находился в поле зрения. Малыш подозвал его к себе. Тот чуть ли не бегом приблизился и с низким поклоном произнес:

– Что вы желаете, господин?

– Я буду завтракать здесь! – произнес Малыш.

– Желаете что-то особенное?

– Принесите на ваше усмотрение!

Не прошло и пяти минут, как к столу приблизились женщины с полными подносами в руках. Быстро постелив скатерть с золотистыми кружевами, начали накрывать стол. Блюд было так много, что Малыш не знал, с чего начать. Он стоял перед выбором: начать ли завтрак со сладкого чая или нет? Выбор был нелегкий, так как со сладким чаем не сочетались мед или французские булки с кишмишом. Но бутерброды с серой мелкозернистой осетровой икрой на ломтях черного хлеба подтолкнули его к выбору сладкого чая.

Съев первый маленький бутерброд, он уже почувствовал себя сытым. Но за всю свою жизнь он не видел ни разу столько вкусностей, и поэтому, съедая понемногу от каждого блюда, он с удовольствием продолжал свою трапезу. Вскоре подошел дворецкий и, поклонившись, спросил:

– Желаете ли что-либо еще, господин?

– Нет, все нормально! – ответил Малыш.

– Мой господин, к вам посетители. Желаете ли их принять?

– Посетители? – переспросил Малыш в недоумении. Он посмотрел на часы и вспомнил, что назначил встречу на 10.00. – Да, проводи их в зал! Я позже подойду!

– Как скажете, мой господин! – сказал дворецкий и быстрым шагом удалился.

Малыш не хотел покидать беседку, но надо было. Он, неохотно встал и направился в дом. Когда он вошел в зал, Серый что-то показывал на деревянном глобусе, Абдулле, которому явно было неинтересно. Когда послышался звук открывающейся двери зала, Серый, вскочив, быстро обернулся, а у Абдуллы на лице появилась непроизвольная улыбка.

– Доброе утро, Босс! – произнес Серый. – Я показывал Абдулле, как этот глобус, открывшись, превращается в мини-бар!

– Босс? Это что-то новое. Но мне нравится. Отныне только ты один будешь меня так звать, – подмигнув Абдулле, произнес Малыш и сел за громоздкий стол. – Ну, рассказывайте. Как обстоят дела? – спросил Малыш, посмотрев на Абдуллу.

– Дела обстоят хорошо! Правда, есть и небольшие проблемы.

– Продолжай! – произнес Малыш.

– Мы устранили всех, кто имел отношение к теневому бизнесу. Но среди них

были и те, кто работал на органы. Мусора арестовали несколько наших ребят. Беспокоиться нечего. Ребята доверенные. Они не укажут на нас. Есть и те, что не смирились с нашим появлением на рынке. Они наверняка думают, как устранить тебя. Сами они с нами не справятся, но если они получат поддержку Зураба или Аслана, то мы столкнемся с серьезными проблемами.

– Они не смогут получить эту поддержку. Этим акулам мелкие сошки неинтересны. Им своих проблем достаточно, – возразил Серый.

– Серый прав! Но вероятность угрозы все же есть! – произнес Малыш и призадумался. Наступило молчание. Малыш о чем-то размышлял, а ребята в ожидании смотрели на него.

– Чифирь! – ляпнул Малыш.

– Что за чифирь? – переспросил Серый.

– Вот чего мне не хватает с самого утра. Я так думать не могу. Ты мне нанял интеллигентного дворецкого, который наверняка не знает, что такое чифирь, – произнес Малыш и рассмеялся вместе с Абдуллой.

Мотая головой, Серый подошел к двери и позвал дворецкого:

– Ага!

Дворецкий подбежал и, поклонившись, сказал:

– Да, я вас слушаю.

– Приготовь нам чифирь! – с уверенной улыбкой поглядывая на Малыша, произнес Серый.

– Как скажете! – сказал дворецкий и быстро удалился.

– Вы недооцениваете меня. Твой дворецкий в Сибири сидел. Вас тогда еще даже в проекте не было.

– Ты еще скажи, что чифирь придумал он, – пробормотал под нос Абдулла.

И действительно, через короткое время вошла горничная с подносом в руках. При виде горничной, у Малыша перехватило дыхание, минуту он не дышал, глядя на нее. Черты ее лица напомнили ему маленькую девочку из его детства. От неожиданности он почувствовал, как к голове горячей волной прилила кровь, лицо изменилось так, словно он увидел призрак. С одной стороны, ужасные воспоминания прошлого, а с другой – она была для него так же прекрасна, как и тогда. Хотя в действительности она была не столь приметна. Лейла – так звали ее. Это была небольшого роста, худая, смуглая девушка с большими выразительными глазами.

Серый, увидев, как изменился в лице Малыш, спросил, все ли у него в порядке. Малыш, ничего не ответив, продолжил начатую беседу о делах.

– Нужно все существующие проблемы решить кардинально, – сказал он, посмотрев на Абдуллу.

– Что прикажешь делать? – спросил тот.

– Выясни имена тех представителей органов, кто хоть раз каким-нибудь образом был связан с нашим бизнесом.

– Наши ребята уже выяснили. Эднан, полковник городской полиции, крышевал барыг, которые платили ему долю, а он в свою очередь подкармливал Гафура из прокуратуры. Барыг мы уже подогнули под себя, но Эднан начал создавать значительные проблемы. Куда ведут нити этих собак, может знать лишь работник прокуратуры Гафур.

– Организуйте мне встречу с Эднаном, но прежде возьмите этого прокурора и затащите его в какой-нибудь заброшенный подвал. Он мне все расскажет! С врагами

нашими решайте вопрос кардинально. Предложите им работать на нас. Кто будет против, накормите ими рыб в море.

– Среди них есть и авторитетные товарищи. Мы не можем так просто их убрать. Это настроит всех против нас! И Зураба, и Аслана, – возразил Серый.

– Они же воюют между собою. Вот мы и воспользуемся этим. Делайте, как я сказал! – произнес Малыш и отпил чифиря.

Было уже 11 часов. Дворецкий объявил о приходе гостей, и вскоре в зал вошли четверо. Одного из них Малыш знал по «малолетке». Это был Сет. Остальных он видел впервые. Абдулла встал и представил их Малышу. Каждому из них была поручена ответственная работа. Они были верхушкой пирамиды, которую построили Серый и Абдулла. В обязанности Сета входило обеспечение группировки новыми ребятами. Все они должны были пройти через тщательную проверку. Одним из незнакомых Малышу гостей был человек по имени Булуд. Он был маленького роста, очень толстый, и поэтому в узком кругу его звали Булкой. У Булки была способность очень хорошо убеждать, в его обязанности входило вести разного рода переговоры. Из-за внешнего вида и хорошего чувства юмора он был душой любой компании и сразу же вызвал расположение Малыша. Другого звали Рашид. Он занимался непокорными и провинившимися. Его любимым способом наказания было ломать кости молотком. И поэтому его прозвали Костоломом. Последнего звали Соло. С виду это был типичный клерк, в галстуке и в оптических очках. Как ни странно, и обязанности соответствовали его внешности. Он был одним из сильнейших адвокатов своего времени. И все юридические дела группировки были в его ведении.

Малыш познакомился с делами поближе. Он не хотел сидеть на готовом. Ему нужно было не просто довериться друзьям, а пустить самому корни во все отрасли бизнеса.

Лейлу он вновь увидел лишь через день. Ему было сложно решиться начать беседу с ней. Он боялся, что она узнает в нем того самого слабого мальчика. Она словно вернула ему часть того застенчивого ребенка, которого он так яростно пытался убить в себе.

Однажды, когда он сидел в беседке, она принесла ему чай, и он решился заговорить с ней. Спросив ее имя, он предложил ей сесть, после чего, пытаясь быть ненавязчивым, начал задавать вопросы. Она же, скромно опустив голову, отвечала ему. Таким образом Малыш узнал, что ее отца тоже посадили из-за финансовых махинаций и уклонения от уплаты налогов. Сама она была замужем за учителем физики, и у них росло двое детей. Эта новость хоть и расстроила Малыша, но, несмотря на это, он не мог убить в себе чувство испытываемого желания к ней. В каждом ее взгляде, в каждом ее движении он видел соблазн. Ему казалось, будто она соблазняет его. Конечно, это был самообман. Лейла очень сильно любила своего мужа. У него была маленькая зарплата, но он любил свою работу и не хотел менять ее. Лейла же всегда всячески поддерживала его, пыталась вселить в него чувство веры в себя и в то, что он когда-нибудь будет выдающимся ученым, и тогда все их трудности исчезнут. Возможно, она сама не верила в то, что говорила, но пыталась это скрыть, так как не могла разбить его мечты. Поэтому, несмотря на то, что когда-то она была избалованной достатком и роскошью девочкой, сейчас она держалась за свою работу простой горничной. Заработанные деньги тратила на семью, на обучение детей. При любой возможности Малыш пытался заговорить с ней. Обычно он нечасто обращался к прислуге, но в ее смену для того, чтобы увидеть ее, он участил свои чаепития.

Был субботний день. Малыш пересматривал в «ютубе» все новостные сводки криминала по всему миру. Почти везде фигурировали два имени: Зураб и Аслан. Увидев, что его имени нет нигде, он очень огорчился. Внезапно зазвонил его мобильный телефон, который презентовал ему Соло.

– Алло!

– Алло, это Абдулла! Мы взяли прокурора, когда он выходил с работы, и сделали, как ты велел.

– Высылай за мною машину, – сказал Малыш.

Машина подъехала к тому времени, когда Малыш был готов. Он не знал, куда они едут. Вскоре увидел дорожный указатель: «поселок Нардаран». Машина повернула в сторону каменного карьера. Вокруг не было ни души. Издалека виделось какое-то строение. Это был заброшенный амбар, перед которым стояло несколько машин. У входа в амбар Малыш увидел своих ребят: Абдуллу и Костолома.

– Он внутри! – произнес Абдулла.

– Надеюсь, еще живой, – посмотрев на Костолома, сказал Малыш и вошел в помещение.

Пот стекал по всему телу Гафура, пытающегося удержать равновесие на сломанной табуретке с двумя ножками. Одно неверное движение, и петля на его шее затянется. Из-за тяжелого веса силы его уже были на исходе. Он услышал из-за спины голос:

– Незавидное у тебя положение, прокурор!

– Кто ты? Пожалуйста, отпустите меня! – дрожащим голосом взмолился Гафур.

– Что за люди? Я и сам не сторонник насилия! Но мои люди всегда изощряются. Они творчески подходят ко всему. Я отпущу тебя! Даю слова вора! Но для этого тебе нужно будет ответить мне на вопрос.

Услышав это, Гафур не смог сдержаться и расплакался:

– Спасибо! Я скажу все, что вы желаете.

– Мне нужны имена! – произнес голос из-за спины.

– Я скажу все, что вы хотите! – продолжал дрожащим голосом говорить Гафур.

– Вы получали деньги от местных барыг. Ты и Эднан. Кто стоит за этим делом? Назови имя!

– Если я назову его имя, меня убьют! – произнес Гафур.

– Если не назовешь, тоже умрешь. А так хотя бы у тебя будет время насладиться жизнью. У тебя есть семья? Жена? – спросил голос.

– Да, у меня жена и сын. Он совсем молодой, ему всего 14 лет.

– Жена, наверное, красивая. Не хочешь домой? Обнять сына, заняться любовью с женой, провести вместе вечер, поужинать с семьей? – спросил тот же голос, после чего произнес: – Назови имя!

– Аслан! – произнес Гафур.

Приближающиеся шаги за его спиной навели еще больший ужас на Гафура. Его собеседник встал перед ним.

– Помнишь меня? – спросил он у прокурора.

Гафур смотрел на него. Лицо было знакомым, но он не мог припомнить.

– Не могу вспомнить, где я вас видел, – ответил он.

– Когда мы с тобой встретились однажды, я был совсем молод, моложе твоего сына. Ты вел мое дело. Я расскажу детали, которые освежат твою память. Ты пообещал мне, что меня отпустят, если я расскажу все, как было. Я поверил тебе и рас-

сказал, после чего меня посадили на 15 лет. Ну что, вспомнил?

Прокурор узнал Малыша и расплакался.

– Сынок, я не хотел. Эта моя работа. Я был вынужден. Прости меня, – продолжал он вымаливать.

– Я дал тебе слово вора, что тебя вытащат из петли. Я свое слово сдержу! Тебя обязательно вытащат после того, как ты немного повисишь. А сейчас почувствуй то же, что чувствовал я! – сказав это, Малыш ударил ногой по табуретке.

Петля затянулась. Гафур еще брыкался несколько секунд, но раздался хруст сломанной шеи, и он повис без движения.

Малыш стоял и смотрел на Гафура, не отрывая глаз. Как будто пытался в глазах поймать тот миг, когда душа покидает тело. Все это время ему чего-то не хватало, но в этот миг он словно утолил долгую жажду. Смотря на бездыханное тело, он испытывал спокойствие и гармонию.

Абдулла заметил состояние Малыша. Даже для него, человека, который не раз убивал, блаженная улыбка на лице Малыша была странной.

Дав указание Абдулле вытащить из петли тело прокурора, он задумался о том, как обрести такую же известность, которая была у этих двух Воров. Он не мог и не хотел откровенно заявить о себе, так как был еще слишком слаб для противостояний, но мог оставить след. Свой почерк. Недолго думая, он приказал, чтобы на лбу трупа вырезали букву «М».

…Сегодня я был сам не свой. У меня часто бывают необъяснимые провалы в памяти. Когда я читал то, что написал, то сам был удивлен ситуацией с прокурором. Именно эта запись стерлась из моей памяти. Я был уверен, что эту часть текста написал кто-то другой. Понимаю, что это невозможно. Когда я начал писать, была ночь, и я был совершенно один. Меня часто начали посещать мысли о том, что стоит обратиться к психологу. Все же пока рано паниковать. Думаю, нужно писать и все разложится по полочкам. Я уже чувствую себя в тени, когда смотрю на людей вокруг. Они выглядят иначе, я стал замечать много странных деталей, на которые раньше не обращал внимания. С того момента, как я начал писать, мой КПД снизился, уже несколько дней денег в кармане нет. Был лишь один выход – одолжить. Я обратился к Динару. Он согласился и предложил увидеться. Я взял свой компьютер и направился в кафе под его офисом.

Он уже был там. Его лицо было напряженным. Перебирая бумаги, он что-то отмечал в своем блокноте. У Динара – неординарная энергетика. Он очень много говорит, и самое интересное, что после общения с ним всегда бывает прилив энергии. То ли от мудрости, то ли от глупости, не могу судить, он всегда настроен на позитив. Сегодня он сам не свой. Не поднимая глаз, поздоровался со мной. Я сел напротив. От ожидания внимания с его стороны к моей персоне мне стало немного некомфортно.

– Эта нация не любит работать, – внезапно произнес он.

Мне стало неловко, я подумал, что это обо мне. Хотя мы достаточно близки, и он мог это сказать в любое время, но не тогда, когда я попросил у него денег в долг. Он продолжил:

– Самому приходится выполнять работу за всех, а когда приходит время зарплаты, все тут как тут! Все любят легкие деньги. Купить, продать. А потом еще жаловаться на жизнь. Работы нет! – Постепенно он начал набирать обороты: – Еду в такси, таксист плачет, что работы нет. Я спрашиваю его, а что ты умеешь? Он не может ответить. И у меня возникает вопрос. Он стоит долго в ожидании клиента, ему

приходило в голову открыть хоть раз одну книгу? Нет, конечно! А винить он будет всех вокруг. Очень редко можно найти специалиста. Да, я согласен, многие из них хорошие люди, но хороший человек – это не профессия. Согласись, нельзя пойти лечиться к человеку только потому, что он хороший человек.

Он не мог успокоиться. Но даже это его ворчание больше забавляло, чем напрягало. Периодически у меня на лице появлялась непроизвольная улыбка. Было непривычно видеть его таким. Вскоре он успокоился и спросил:

– Дела у тебя совсем плохи? Работы нет? – в свойственной ему манере, не дожидаясь ответа, опять продолжил: – Не переживай, я скоро все решу!

Он часто говорит эту фразу. Не знаю, что за ней стоит, но после этих слов бывает немного спокойнее.

– Дело не в том, что работы нет! Нет желания работать, – как бы мне не было неловко, но мне пришлось ему признаться.

– У меня тоже так бывает. Если бы не люди, которые от меня зависят, я бы послал все к черту и занялся бы любимым делом. Но на мне ответственность.

– Я так и сделал. Послал все! Не могу работать. Все мои мысли об истории, которую пишу, – произнес я.

– Опять херней страдаешь! Пойми, это тебе ничего не даст. Вот напишешь, и что?

– Не знаю! Знаю лишь то, что все это очень сильно влияет на мою психику. Я начал писать с целью разобраться в самом себе, в своей голове. Это своего рода эксперимент.

– И в чем эксперимент? Тебе на самом деле нечего делать?!

– Я думал, что написав, я смогу разобраться и открыть тайны бессознательного. Мне станет лучше. Но чем больше я пишу, тем хуже становится мое психологическое состояние.

– Может, не стоит писать.

– Я думал об этом, но каждый раз, когда я один, история сама вырисовывается у меня в голове. Чтобы не держать это в себе, мне приходится писать. В последние дни у меня бывают провалы в памяти! – сказав это, я ждал его довольно-таки предсказуемой реакции.

Он очень громко начал смеяться, так, что все вокруг обернулись. Смеясь, он сильно закашлялся:

– Мой фарингит, – выдавливая из себя слова, произнес мой друг. Немного успокоившись, он вздохнул и продолжил: – Тебе надо выехать за границу, отдохнуть, сменить обстановку. Сразу станет легче. Уделяй больше внимания работе, и все наладится.

Я слышал его, но не мог принять того, что он говорит. Я уверен: он не до конца понимает, что со мной происходит. К тому же я точно знаю, что именно хочу постичь. И это может раскрыть во мне новый потенциал. Это не просто роман или история. Это нечто большее! Что, если этот роман является полной картой моего подсознания? И овладев им, я смогу активизировать те части моего мозга, которые спят и потому мне неподвластны. Подчинив себе порочного зверя, находящегося в тени, я получу власть над своим сознанием. Этот зверь есть у всех, несмотря на то, что он скрыт, его проявление есть во всех желаниях людей. Но пока мне очень сложно найти связь между романом и тем, о чем я говорю. Доказательство этой связи существует. Я пишу не просто вымышленную историю. Это больше похоже на то, что кто-то диктует мне. И

сценарий происходящего не совсем зависит от моего желания. Возможно, я бы не хотел такого завершения истории с прокурором. Да, он коррумпированный лжец, который работал на вора в законе. Да, у Малыша были основания убить его за то подлое предательство. Но то, что чувствовал в это время Малыш, мне незнакомо.

Он не чувствовал ни жажды мести, ни злости, у него не было сожаления. Он просто убил. Отнял жизнь у человека, и его больше никогда не будет. И при этом Малыш чувствовал блаженство. Это – не есть грех. В содеянном им нет того, что сделало бы это грехом: угрызений совести.

Раздался звонок, рингтон звонка у нас одинаковый, и поэтому мы оба потянулись к телефонам. К счастью, это был не мой телефон. По разговору было понятно, что моего друга призывают домашние дела. Он встал и озадаченно произнес:

– Поверь, когда у тебя будут дети, на всю эту ерунду уже времени не будет, – после чего, достав из кармана деньги, положил на стол и поспешно ушел.

Оставшись один, я опять стал думать о Малыше. Не хотелось писать, но мысли давили на мозг, вынуждая меня заняться этим. И я открыл компьютер.

Было 2 часа дня. Эднан, как обычно, после собрания сидел в своем кабинете. Положив перед собой фуражку, он нервно смотрел на телефон. «От Гафура уже неделю нет вестей. Неужели он сбежал? Или Аслан расправился с ним, и меня ждет то же самое», – думал он. Открыв дверцу маленького шкафчика, Эднан достал стопку и бутылку гарабахского коньяка.

Зазвонил телефон. Он почувствовал, как весь покрылся холодным потом. Судорожно протягивая руку к телефону, Эднан прокручивал в голове варианты ответов, если звонивший будет человеком Аслана.

– Алло, – неуверенным голосом произнес он.

– Завтра в 18:30 тебя будет ждать машина напротив маркета. Босс хочет тебя видеть. Не опаздывай! – сказал голос, и сразу послышались гудки отбоя. Эднан ничего не успел спросить. Для него было очевидно, что звонок был от Аслана. Залпом выпив две стопки, он, схватившись за голову, сел в кресло. Он не знал, что делать, надо было срочно выяснить, что случилось с прокурором. Надо было что-то придумать. Как объяснить причину того, что кто-то прибрал наркоторговцев к рукам, и дело, доверенное ему, провалилось. Убежать он тоже не мог, так как понимал, что люди Аслана достанут его из-под земли. Из-за сковавшего его страха он даже не допустил мысли, что звонок мог быть от представителей другого мафиозного клана.

И действительно, Эднану звонил не человек Аслана, а Булка. Особо не задумываясь над тем, как заманить Эднана, он воспользовался обычным трюком, так как был уверен, что человек, который работает на вора, быстро клюнет на такой звонок.

Даже люди, приближенные к Малышу, не могли понять, что он затеял. Серый был озадачен тем, что Малыш убил прокурора. Это был необдуманный шаг. «Аслан все это без ответа не оставит!» – думал он. Серый не мог поделиться своими мыслями с Малышом. Не хотел лишний раз расстраивать его. Он надеялся, что Абдулла разделяет его опасения и поэтому поговорит с Малышом сам, но лицо Абдуллы, как всегда, выражало спокойствие и безразличие. Казалось, он ничего в своей жизни не боится и готов ко всему. Действительно, перенесенное им в детстве было настолько ужасным, что все происходящее вокруг него сейчас не шло с прошлым ни в какое сравнение и поэтому не вызывало в нем никаких эмоций.

Булка доложил Малышу о разговоре с Эднаном. Сидя в своем роскошном кабинете, Малыш обдумывал дальнейшие действия. Раздался стук в дверь. «Должно

быть это Лейла. Принесла мой чай», – подумал Малыш. Ему хотелось видеть ее, а не чай. Лейла подозревала, что к ней относятся иначе, чем к другим прислуживающим. Она и сама испытывала противоречивые чувства. С одной стороны ей льстило такое явное внимание, а с другой – оно ее пугало.

– Войдите! – произнес Малыш.

Дверь кабинета открылась. Лейла стояла с подносом в руках. Она поймала взгляд Малыша и на мгновение замерла от смущения.

– Вы позволите? Я принесла ваш чай, – тихим голосом, смущаясь, произнесла она.

– Да, проходи! Положи сюда! – показал он на рабочий стол, за которым сидел.

Лейла, не сводя с него взгляда, неуверенно сделала один шаг вперед. Он тоже, не мигая, смотрел на нее. В его взгляде было что-то магическое. В этот момент, зацепившись за край персидского ковра, Лейла, потеряв равновесие, уронила поднос. Все, что было на подносе, разлетелось по всему кабинету.

– Прошу простить меня, – заикаясь, пролепетала Лейла и, сев на корточки, начала собирать все с полу.

И без того короткая юбка униформы поднялась еще выше. Эта картина вызвала у Малыша чувства, которых он никогда не испытывал. По всему телу прошла дрожь, он, словно зверь, хотел разорвать на ней всю одежду. Малыш уже не мог совладать с собой, страсть, которую он испытывал в этот момент, охватила каждую клетку его тела. Он встал и бесшумно подкрался к ней в тот самый момент, когда она повернулась к нему спиной. Когда она положила на поднос то, что собрала с пола, внезапно почувствовала дыхание у своего затылка. Обернувшись, она была ошарашена, увидев Малыша за своей спиной. Тот, обняв ее за талию, с силой прижал к себе. Она пыталась оттолкнуть его, но силы были неравны. Тогда он, прижавшись губами к ее шее, просунул руку ей под трусики. Она не могла с ним физически справиться, поэтому просила его успокоиться. И делала это, не крича, словно знала, как на него можно подействовать. – Успокойтесь, прошу вас, это неправильно! – уже даже не сопротивляясь, а поглаживая ему голову, твердила она. Почувствовав, что руки Малыша немного расслабились, Лейла изо всех сил оттолкнула его и быстро вышла из кабинета. Кое-как собрав вещи, она, сломя голову, выбежала из особняка. Дойдя до остановки и сев в автобус, начала обдумывать то, что произошло. Она была растеряна, не знала, что предпринять. Ее то охватывала злость от наглости Малыша, то мучила совесть, ведь в тот момент она, замужняя женщина, тоже почувствовала ответную страсть к Малышу. Ситуация поставила ее перед очень серьезным выбором: что делать? Ей совершенно не хотелось терять эту работу, так как она была очень высокооплачиваемой. Как быть дальше, Лейла не знала.

Малыш был перевозбужден. Постепенно успокаиваясь, он начал анализировать произошедшее. Он осознал и то, что сделал сам, и то, как на это отреагировала Лейла. И почувствовал себя униженным, ведь он был уверен, что нравится ей, и поэтому ждал совершенно другой реакции. Ему не приходила в голову мысль о том, что она замужняя женщина. Малыш оделся, вызвал такси и поехал в город. Он бродил до самого вечера по улицам Баку, пока не решил зайти в один из ночных клубов.

Пропустив пару стаканчиков виски, он не заметил, как изменилось настроение. По дорогой одежде было видно, что он непростой человек, и к нему сразу подсела пара девушек. Он угостил их выпивкой, и компания постепенно разрослась. Тусклый свет, оглушающая музыка, женская компания – Малыш уже не знал, что пьет. Со-

всем скоро он был пьян настолько, что не отдавал себе отчета в своих действиях. Целуясь то с одной, то с другой, он менял этих ночных путан. Это придавало ему уверенности в себе и притупляло чувство униженности. Под утро, взяв одну из девушек, Малыш решил вернуться в особняк. Такси привезло их к воротам. Малыш, опираясь на свою спутницу, дошел до ворот. Открылась дверь охранной будки, откуда вышел молодой парень. Не совсем понимая, что происходит, он хотел подойти и предложить свою помощь, но Малыш жестом руки дал понять, что не стоит. Малыш был навеселе, слышался громкий смех девушки, поэтому парень прошел обратно в свою будку. А они еле добрались до гостевого дома. Уже у двери в спальню он мысленно представил, чем должен завершиться вечер, но сил на это не было. Они прошли в комнату, где была большая кровать. Несмотря на то, что молодая особа пыталась расстегнуть пуговицы его рубашки и была готова сделать все сама, он не смог подчинить тело своим желаниям и свалился. Даже когда закрылись глаза, он чувствовал, как кружится голова. Когда он почувствовал ее расслабленную руку на своей груди, то понял, что все безнадежно, и медленно погрузился в сон. Последние мысли в сознательном состоянии были связаны с сильным желанием секса, и поэтому продолжение вечера он начал видеть во сне, в котором занялся тем, чего так сильно хотел. Этот сон был настолько реалистичным, что довел его до пика блаженства, и он испытал оргазм. Малыш проснулся. Он открыл глаза и увидел, что лежит на девушке, сильно сжав ее шею руками. Ее открытые глаза уже остекленели. Он осознал, что извергнул семя в уже мертвое тело. Малыш ужаснулся. Скатившись на пол и не сумев сдержать рвотного рефлекса, вырвал на ковер. Он понял, что произошло. Сразу протрезвев, сломя голову, выбежал из гостевого дома...

– Что это за херня приснилась мне, – произнес Малыш, с трудом открыв глаза. Осознав, что он все еще в гостевом доме и на той же кровати, он медленно повернулся налево и увидел ту самую девушку. Все было настолько запутано, что рассудок, и без того потерявший ясность, окончательно помутнел, и ощущение того, где реальность, а где сон, было утеряно. Малыш медленно, затаив дыхание, протянул руку к ее плечу. Сперва он коснулся ее кончиком пальца. Почувствовал холод ее кожи. Ухватив ее за плечо, начал трясти, но вскоре понял, что все безнадежно. Она была мертва. Малыш встал, оделся. В растерянности он метался по комнате. Наконец, взяв себя в руки, остановился перед ее телом. Нужно было придумать что-нибудь вразумительное. Малыш приблизился к ней вплотную. Сев на корточки, начал разглядывать. Ее бледная кожа, ледяное тело не отпугивали, а, наоборот, притягивали его. Он не мог оторвать взгляда от этого мертвого тела. Пульс участился так, что он начал слышать его биение в ушах. Малыш смотрел на труп с таким восторгом, словно смотрел на саму жизнь, где есть полные смирение и покой. В этот момент зазвенел его телефон.

– Босс, это Серый! Надеюсь, ты не забыл, сегодня встреча с Эднаном!

– Я помню! Серый...

– Да, Босс. Что-то не так?

– Срочно приезжай! Я в гостевом доме. Не медли! – произнес Малыш и повесил трубку.

Достав кухонный нож, он вложил его в руку мертвой девушки, после чего сел в кресло в ожидании Серого. Вскоре в дверь постучали.

– Кто?

– Это я, Босс! Серый.

Малыш открыл дверь и прошел в спальню. Серый последовал за ним.

– Кто это? Что здесь произошло? – увидев труп, ошарашенно спросил он у Малыша.

– Я ее подобрал в ночном клубе. Все было нормально, пока она не захотела меня убить. Мне пришлось задушить ее. Кто мог ее подослать ко мне? – нервно проговорил Малыш.

Серый почувствовал по тону, что Малыш говорит неискренне, но не решился высказать сомнения, это могло бы ему дорого обойтись.

– Кто-нибудь видел вас вместе? – спросил Серый.

– Да! – ответил Малыш и все рассказал. Где и как долго он был, как на такси привез ее сюда.

– Босс, дела немного плохи! Слишком много людей видели вас вместе. Я постараюсь решить эту проблему и избавиться от тела. Но если ее начнут искать, то через это самое такси выйдут на тебя, – сказал Серый и начал копошиться в ее сумке.

– Реши все так, чтобы ее не искали! – произнес Малыш и вышел из гостевого дома.

Серый взял телефон и позвонил чистильщикам. Это были профессионалы своего дела. Они избавлялись от трупов и очищали место преступления так, что не оставалось никаких улик.

Вскоре во двор заехал черный фургон. Оттуда вышли несколько человек с чемоданами, сумками и в масках. Они прошли в гостевой дом и приступили к работе. Человек в костюме, сопровождавший их, все время улыбался и о чем-то говорил с Серым. За всем этим Малыш наблюдал из окна главного особняка. Не прошло и часа, как они, завершив свое дело, уехали. К гостевому дому подъехала еще одна машина, из которой вышла девушка. Когда Малыш увидел ее, то чуть не потерял рассудок. Она была и внешне похожа, и одета, как та, которую он убил. Вскоре за ней заехало такси, и она уехала из особняка в аэропорт.

Войдя в главный особняк, Серый, обращаясь к Малышу, произнес:

– Вот как надо работать! Русские профессионалы! Услуги очень дорогие, но это того стоит.

– Как они решили?

– Очень просто. Девушка провела тут ночь. Получив очень хорошие деньги, решила покинуть страну. Свидетель – шофер такси, который ее сейчас забрал и купленный авиабилет. А паспортный контроль она пройдет с легкостью. Они похожи, как две капли воды. К тому же у этих профессионалов есть свои люди и там.

– Молодец, брат! Я не сомневался, что ты все решишь.

– Благодарю за доверие, Босс! Скоро Булка привезет этого пса! Я подожду в зале! – произнес Серый и вышел из кабинета.

Как бы спокойно ни выглядел Серый, в глубине души он был очень обеспокоен тем, что произошло. Он понимал, что Малыш не рассказал ему правды. Было очевидно, что ситуация с ножом похожа на ложь. «Как он душил ее двумя руками, ведь тогда рука девушки, в которой был нож, была свободна. Она с легкостью могла нанести ему удар в спину», – думал Серый, и чем больше он думал, тем больше произошедшее начинало его пугать.

В 18.20 Эднан стоял у маркета и нервно курил одну сигарету за другой. Подъехал черный БМВ. Стекло задней двери медленно опустилось.

– Садись вперед! – донесся голос из машины. Эднан понимал, что это может

значить. Он сел на переднее сиденье, хотя и не хотел, так как понимал, что тот, кто сзади, в любое время может бросить петлю ему на шею, но выбора не было. Машина тронулась с места и поехала. И тут он почувствовал, как тот, кто сзади, придвинулся к нему. Сразу пришло осознание того, что время настало. С ужасом закрыв глаза, чувствуя полную беспомощность, перестав дышать, он ждал своей участи. Но ничего серьезного не произошло, если не считать того, что ему на голову надели черный мешок.

– Тебе не надо бояться! Если бы мы хотели, ты был бы уже мертв, – произнес тот, кто был сзади.

Эднан ничего не видел. Он молча дожидался дальнейшего развития событий. Ему ничего не оставалось, кроме того, чтобы смириться и ждать. По звуку двигателя машины он понял, что они подъезжают к месту назначения. Вскоре машина припарковалась. Кто-то, открыв дверь, взял его за плечо и повел. Он почувствовал, что вошли в помещение. Человек, державший его за плечо, немного надавив на него, произнес:

– Садись! – потом снял с его головы мешок.

Малыш, Абдулла и Серый сидели за столом в гостиной, куда привели Эднана и посадили перед ними. Эднан оглянулся по сторонам, и поняв, что не знает никого из присутствующих, испуганно вскрикнул:

– Кто вы такие? А где Аслан?

Фотографии, лежавшие на столе перед ним, привлекли его внимание. Это были снимки членов его семьи. Он понял, что это значит. Люди, перед которыми он сидит, знают про него и его семью достаточно, чтобы держать его под колпаком.

– Кто вы? И что вам нужно от меня? - спросил он, посмотрев на Малыша.

– Мы твои друзья! Но все может измениться, если ты нас не поймешь! – произнес Малыш, улыбаясь.

– Что вы хотите? – спросил Эднан.

– Мы хотим, чтобы ты работал на нас!

– А у вас хотя бы есть представление о том, на кого я работаю? Вы понимаете, что он доберется до меня, а потом и до вас.

– А ты понимаешь, что до тебя мы уже добрались? Ты примешь мое предложение! Взамен я даю тебе гарантию твоей безопасности и приличного заработка.

– Что я должен буду делать? – достав из кармана платок и вытерев капли пота на лбу, спросил Эднан.

– Ты будешь делать все то же, что делал всегда, но теперь для нас!

– А как же Аслан? – спросил Эднан.

– Я слышал, он в Баку. Назначь ему встречу. Скажи, что ты выяснил, кто влез в бизнес. Скажешь нам, где будет встреча, и мы все решим!

– Он не станет напрямую встречаться со мной!

– Станет! Станет, если ты скажешь, что знаешь тех, кто вошел в его бизнес.

– Этого будет недостаточно. Он пошлет Хамзу, своего человека, – произнес Эднан и попросил сигарету. Закурив ее, он продолжил: – Я и сам хочу избавиться от вечного страха. Рано или поздно они убьют меня, но выйти напрямую на Аслана очень сложно. К тому же он – коронованный вор. А кто вы такие?

– Я тот, чья корона затмит любую! – сжав зубы, произнес Малыш, пронзительным взглядом глядя Эднану прямо в глаза.

Для Эднана было очевидно, что перед ним стоит молодой, амбициозный вор,

пусть даже это Вор в Законе. Но он понимал еще и то, что этого недостаточно для того, чтобы, объединившись с ним, примкнув к его лагерю, противостоять более опытному вору, у которого под рукой дюжина таких, как Малыш и его, казалось, немногочисленное окружение. Он не знал, что Малыш не относился к апельсинам – так называли тех, кто были в окружении воров, которых они сами же короновали для усиления статуса своей армии. Многие из них даже не видели зоны, ничего не знали о понятиях и не имели должного авторитета в преступном мире. Малыш, в отличие от таких «авторитетов», был коронован вором, которого уважал весь преступный мир за то, что он никогда свои личные интересы не ставил выше воровской идеи.

– Я прекрасно понимаю, что у тебя корона. Но одной короной против Аслана ты ничего сделать не сможешь, – сказал Эднан.

– Послушай меня, пес поганый! Под моей короной есть свод законов, которые нарушил Аслан, и он понесет за это положенное наказание! У тебя есть выбор. Или ты будешь есть кости с моего стола, или же бездомные псы будут есть твои кости! – разъяренно произнес Малыш и встал: – Отправьте его туда же, куда я отправил его дружка, прокурора!

Теперь было ясно, почему не было вестей от Гафура. Эднан понял, эти люди не блефуют, раз убрали прокурора, зная, что он работает на Аслана.

– Стойте! Подождите! Я сделаю все, что вы скажете, только не убивайте меня. Прошу вас, – начал слезно молить Эднан.

– Нужно выяснить слабое место Аслана. Только так можно выманить его! – произнес Абдулла.

– Слабость таких тщеславных и жадных людей, как Аслан, – в бизнесе, который им принадлежит. Для него важнее денег ничего нет! – сказал Серый, вступив в разговор и продолжил: – Я предвидел это и поручил Соло выяснить, на чье имя оформлены активы Аслана! Информация была очень засекречена, но Соло чудесным образом справился с задачей. В документах значится имя некоего Литвина, как учредителя всех официальных предприятий, принадлежащих Аслану. Мы попытались выяснить все про этого человека. Литвин – гражданин Белоруссии. Он окончил Белорусский Национальный Технический Университет. Ни разу не был судим. После окончания университета Литвин словно пропал без вести. Даже бабушка, с которой он жил, не знает о его местонахождении. Он жив, так как время от времени его имя фигурирует в подписанных контрактах. Очевидно, что Аслан тщательно прячет его.

– Серый, ты молодец! – улыбаясь, произнес Малыш, после чего обратился к Эднану: – Они скоро свяжутся с тобой. И вот что ты им скажешь: «Люди, которые вытеснили тебя с Гафуром из бизнеса, вышли на след некоего Литвина». Я думаю, что Аслан скрывает его даже от самых приближенных к себе людей, и поэтому он захочет увидеться с тобой сам, один на один!

– Я сделаю, как вы скажете! – произнес Эднан.

– Я не сомневаюсь! Уверен, что у тебя хватило ума понять, на что мы способны! – произнес Малыш и обратился к Абдулле: – Увезите его. Ни на миг не упускайте из виду ни его самого, ни его семью. Если вам просто покажется, что он подумал о какой-нибудь глупости, убейте всех беспощадно!

Опять надев Эднану на голову мешок, его увели из зала особняка. Малыш и Серый остались вдвоем. По лицу Серого было видно, что он чем-то озадачен. Малыш, увидев это, спросил его:

– О чем ты думаешь?

– О нашем плане, – последовал ответ.

– Не думай. Все будет хорошо. Иди, расслабься, отдохни, ты сегодня решил очень много проблем!

Серый встал, попрощался и вышел. Он солгал Малышу. Он думал совершенно о другом. О том, что произошло до этого, ночью. Что-то внутри у него сломалось. Он понял, что не знает человека, с которым все это время был вместе. Он хотел понять, за что Малыш убил ту самую девушку. Нужна была истина для того, чтобы он смог оправдать своего друга в своих же глазах. Статус Малыша не позволял ему совершать ошибки. А убить человека, тем более девушку, не имея на то причин, значило нарушить кодекс воровской чести.

Я открываю глаза. Смутно помню, что писал историю Малыша. Со мной что-то происходит! Словно кто-то другой, овладев моим разумом, пишет рассказ.

Где я? Что это за комната? Что за обнаженная девушка лежит рядом со мной? Я не помню, как тут оказался. А что, если она мертва? Боже, неужели это я ее убил?

Я в страхе упал с кровати. Слава Богу, она открыла глаза, что-то говорила, но я ее не слышал. Я быстро оделся и вышел из комнаты. Оказалось, что это был отель. Как и когда я сюда приехал – не помню. Достав мобильный телефон из кармана, начал набирать номер по памяти. Набирал несколько раз. Оттого, что пальцы дрожали, несколько раз нажимал не на те кнопки.

Постарался взять себя в руки. И наконец дозвонился.

– Да, друг!

– Ты не занят? – спросил я.

– Немного. А что?

– Мне нужно с тобой увидеться!

– Что-то срочное? – спросил Юсиф.

– Не знаю. Наверное, нет!

– Ты где сейчас?

– На улице Рашида Бейбутова!

– Подойди к кафе, я подъеду! – сказал он и повесил трубку.

Я пришел в кафе, где мы обычно встречались и в беседах за чашкой чая проводили время. Сейчас меня все очень сильно раздражает. И не только раздражает, но и немного пугает. Не люблю ходить по врачам, а что, если у меня мозговое заболевание? Играет музыка, она раньше мне нравилась, а сейчас чувствую все ее дефекты. Как я раньше не замечал, что сочетания нот не гармоничны?

Напротив меня устроилась молодая влюбленная пара. Он держит ее за руку и что-то нежно шепчет. Ей это очень нравится. Но я вижу ложь, она скрыта за его маской. Чувствую, что сейчас она что-то спросит, и его маска сорвется, обнажив истинное лицо, но она все равно не захочет увидеть этого. Такова природа человека: если есть хоть маленький процент сомнения в горькой правде, мы это сомнение раздуем, а правду скроем от самих же себя. А потом – разочарование, предательство, и человек превращается в жертву. Неужели все из-за того, что ей очень сильно хочется замуж? Зачем? Она и сама этого не знает. Из-за соседей, подруг, семьи. Она больше боится того, что они подумают, чем боли, которую, наверное, испытает.

И ты до конца не примешь того, что не поверил в то, во что надо было верить. Истина всегда есть! Она – в тебе! Ты сам ее всячески прячешь.

Почему я думаю об этом? Что-то не так? Оглядываюсь, люди вокруг раздеты. Какие же люди страшные, когда ты видишь то, что они пытаются спрятать, скрыть от

тебя. Есть и другие, те, у кого нет амбиций. Такие девушки часто бывают душой прекрасны. Смирение, отсутствие надежды – и они выбывают из игры вечной лжи.

Юсиф пришел, и все время, пока я думал, он сидел молча.

– Давно ты тут?

– С тобой все хорошо? Ты где летаешь? – спросил он меня.

– Я не уверен. Начал писать роман. Сначала дела шли нормально, но постепенно все изменилось.

– И? О чем твой роман?

– Роман об одном человеке. Но суть не в этом. Постепенно, в процессе работы над романом, у меня возникло желание превратить его текст в то, что может раскрыть мое подсознание, меня охватило желание познакомиться и подчинить себе то, что во мне, но скрыто от меня. Причина желания заключается в том, что если я смогу это сделать, то могу активировать мой мозг на все 100 процентов. Я предполагал, что знакомство с той моей личностью, которую я прятал, будет непростым. Знал, что увижу немыслимые пороки, но сейчас понимаю, что не готов к этому. Мой главный герой пугает меня. На сюжет не могу повлиять. Такое чувство, будто пишу не я, а тот, кто внутри меня, словно он взял бразды управления моей личностью в свои руки. У меня начались частые провалы в памяти, восприятие окружения изменилось. Сегодня проснулся в отеле в одной постели с девушкой, но как и когда туда попал – не помню. Не знаю, кто это, но он издевается надо мной. В сюжете то же самое произошло с героем. Но девушка, рядом с которой он проснулся, была мертва. Словно этой ситуацией мне дали понять, что это может произойти и со мной.

– Все это звучит как полный бред!

– Это не бред! – возразил я ему.

– Успокойся! Возможно, ты переутомился. Сделай томографию мозга, если все в порядке, обратись к психологу.

– Что это мне даст? Ты думаешь, это связано с содержанием и сюжетом романа, который я пишу? Или я слишком чувствительный? Хочешь, кое-что покажу, и ты поверишь мне?

– Давай!

– Сегодня ты разделил с ребятами гонорар, который получил вечером, но ты неправильно рассчитал сумму, у тебя осталось намного меньше, чем нужно, и ты не можешь приобрести то, что планировал. После встречи со мной ты пойдешь на встречу с чиновником, от которого надеешься получить выгоду. И пока я тебе рассказывал свою проблему, ты трижды задумывался об этом.

– Браво! Ты прямо как цыганка, – произнес он и засмеялся.

– Да, наверное. Но цыганка пользуется шаблоном, а я напрямую общаюсь с твоим подсознанием. Оно мне рассказало намного больше, просто не хочу нарушать субординацию.

– И как оно тебе рассказывало? – спросил он.

– Вижу всю скрытую правду. Все действия, вся мимика и каждый взгляд раскрывают спрятанные тайны. Я просто никогда не обращал на это внимание, но после того, как приблизился к своей тайне, начал видеть окружающих, видеть те тайны людей, которых они сами не видят. Все происходило постепенно, пока я не понял, что не могу смотреть фильмы. Если раньше видел героя, сейчас вижу только актера. Вижу того, кто играет, а не того, кого играют.

По тому, как изменилось лицо Юсифа, я понял, что он начинает мне верить.

Мне это было необходимо.

– Чем же я могу тебе помочь?

– Каждый раз после беседы с тобой чувствую, что в чем-то разобрался. Возможно, смогу решить, что со мной, если поговорю с тобой.

– Вот что я думаю. Если и вправду все так, как ты говоришь, то давай рассмотрим картину иначе, под другим углом. Представим, что изначально в человеке есть две стороны, белая и темная. Белая –это сознание, а черная – подсознание.

– Ну и?

– Что, если между ними была битва, и сознание, победив, заточило подсознание в темницу. А ты своим романом сломал замок этой темницы. Это тот самый замок, который в психологии называют цензором. Сейчас твое подсознание вырывается наружу, а твое сознание борется с ним. Тебе нужно немного помочь своему сознанию победить.

– Как можно помочь?

– Будь я на твоем месте, дал бы еще немного воли тому, кто в темнице, возможно, ты сможешь овладеть им и подчинить его себе. Если все то, что говоришь, действительно есть, то меня это заинтриговало.

Похоже, мой друг все это воспринимает как игру. Он, к сожалению, не до конца понимает мое состояние. Но абстрактное описание взаимоотношений сознания и подсознания впечатлило меня.

– А что, если я не смогу подчинить подсознание, и это приведет к чему-нибудь нехорошему? Как в этом случае можно помочь своему сознанию победить?

– Ты же говоришь, что пишешь не ты, а кто-то в тебе. И ты не помнишь, как писал. Представим, что это происходит как в состоянии сна. Значит, тебе придется писать в сознательном состоянии и убить главного героя.

Эта идея показалась мне очень даже реальной. Немного поговорив с Юсифом на разные темы, я слегка успокоился.

Он рассказал мне интересную ситуацию. Один человек, работающий с ним, без его ведома продал одну из его песен турецкой певице, и сейчас Юсиф собирается судиться. Он возмущался тем, какими неблагодарными могут быть люди. А я при любом проявлении порока невольно думал о своем романе.

– Ну что, брат, я должен идти, – произнес Юсиф и положил деньги за выпитый чай на стол.

– Ты иди! Я заплачу! – твердил я в надежде, что он не согласится, так как в кармане у меня опять был ноль. Видимо, потратил все деньги на отель и все остальное.

– Ты на всякий случай сделай КТ мозга. Все, я пошел!

– Стой! Ты сегодня лучше не иди на встречу с чиновником, – произнес я.

– Почему?

– Эта встреча не получится такой, как ты того хочешь.

– Ты шутишь? Я неделю ждал ее. Ты что, и будущее начал предсказывать? – нервно произнес он.

– Видимо, да! Теперь я понимаю, откуда берутся вещие сны, это тоже проявление подсознания. Отложи встречу на завтра.

– Знал бы, что ты скажешь, увиделся бы с тобой после встречи. К сожалению, встречу назначаю не я, и не я решаю, отменять ее или нет, но что-нибудь придумаю.

Я остался один. Не знаю, что происходит или что произойдет завтра, но мне хочется продолжить этот эксперимент. В любом случае мне нужно найти способ, как

сделать сознание сильнее. Не хочу в следующий раз очнуться перед трупом.

Так как религиозные люди это самое порочное подсознание именуют бесом, думаю, у них должен быть способ усмирить его. И мне нужно выяснить, как можно это сделать. Поэтому, недолго думая, я направился в мечеть. Там один старец дал мне молитвы, которые я должен буду читать по несколько раз в день.

Я возвращался домой, немного беспокоясь о том, как меня встретит супруга. Не знаю, как долго я отсутствовал, лишь помню, что в последний раз, когда говорил с ней, сказал, что еду домой. А сейчас ее мобильный отключен. Она всегда поступает так, когда обижена на меня. Меньше всего мне сейчас хотелось выяснения отношений. В таком состоянии мне абсолютно не до этого.

Я вошел в свой дом. Выяснения отношений не было. Когда я открыл дверь, то увидел свой собранный чемодан. Она вышла из гостиной. Взглянув на меня заплаканными глазами, прошла в спальню, закрыв дверь перед моим лицом. Я все понял. Взял свой чемодан и спустился вниз. Страшно было подумать, что она могла мне позвонить, и я что-то ей сказал, чего не помню. Я все же ей изменил, и она могла об этом узнать. Думаю, трудно будет оправдать это моей историей. Она и так меня считает сказочником. Решил отмечать все, что происходит. Как только все утрясется, пошлю ей все, что написал, надеюсь, поймет. А сейчас просто поеду на дачу и пару дней останусь там.

Доехав, начал распаковывать вещи. Поверх одежды лежал сверток. Раскрыв его, увидел еду. Непроизвольно улыбнулся. Даже в этой ситуации она думает о том, что я буду есть. Разве это не то же проявление сознания? Не знаю! Но знаю то, что именно на этом и держится мой брак. Все было совсем некстати. Именно сегодня хотел побыть с ней, вместе посмотреть фильм, пообщаться, помечтать о будущем. Наверное, это то самое счастье, но ты понимаешь это лишь тогда, когда оно уже в прошлом. Порой я ставлю себя на ее место и понимаю, насколько ей сложно. Изменить себя так, как хочет этого она, не могу. Возможно, любовь бывает именно тогда, когда отношения не совсем простые. И это притирание делает жизнь нескучной, но в последнее время я немного перегнул палку. Думаю, ей должно быть сегодня очень больно, как и мне. Надеюсь, все это быстро утрясется и наладится. Останется лишь желание быть рядом.

Ранним утром шел сильный дождь. Малыш валялся в своей постели, к которой понемногу начал привыкать. Не было никакого желания вылезать из-под толстого одеяла. Обычно именно в этот день недели он вставал пораньше и заказывал себе чай в кабинет, так как этот день был рабочим днем Лейлы. Провалявшись до полудня, он заставил себя встать. Медленно одевшись, прошел в кабинет. Нужно было себя чем-то занять. Из-за погоды было очень ленивое состояние, но бездействие нагоняло на Малыша депрессию. Даже роскошь, в которой он находился, стала для него обыденной и уже не доставляла никакой радости. Он сильно нуждался в новых ощущениях, как тогда, когда смотрел на мертвую девушку. Эти чувства были необъяснимы. Малыш понимал, что это ненормально, и мало кто может понять его, но он также понимал, что у каждого есть свои слабости, нужно просто умело их скрывать. В то время, когда Малыш, сидя за своим рабочим столом, наблюдал за каплями дождя, стекающими по стеклу окна, в дверь кабинета постучались.

– Войдите!

Дверь открылась. Малыш был так удивлен и растерян, что встал со своего места. На пороге кабинета стояла Лейла с опущенной головой. Неловкое молчание,

нарушенное робким голосом Лейлы, заглушило все вокруг Малыша.

– Вы позволите войти?

– Да, конечно, проходи, садись!

– Я пришла извиниться и просить вас, – произнесла она, сев напротив Малыша.

Ее слова придали уверенности Малышу. Теперь он уже не чувствовал вины за то, что сделал в их последнюю встречу. Он был убежден, что больше никогда ее не увидит, а сейчас она стоит перед ним, извиняясь, и хочет о чем-то попросить.

– О чем? – произнес Малыш с угрюмым выражением лица.

– Прошу вас, не увольняйте меня. Мне очень нужна эта работа! – плачущим голосом попросила она.

– Разденься!

– Что, извините? – в недоумении переспросила Лейла.

– Я говорю, сними одежду! – резко ответил Малыш.

Эта работа действительно была нужна ей, так как вчера ее муж, придя домой, сказал, что может попасть под сокращение. Когда он поделился с ней этой плохой новостью, она не захотела огорчать его еще больше и скрыла, что ушла с работы. Лейла понимала, что если он потеряет работу, все будет на ней одной: кредиты, учеба детей, и, самое главное, пропитание. Из этой трясины не было никакого выхода. Лейла встала и со слезами на глазах дрожащими руками медленно начала расстегивать пуговицы на своей блузке. Малыш наблюдал за болью, которую она испытывает. Он чувствовал удовлетворение, видя то чувство униженности, которое когда-то так тяготило его. Он так внимательно рассматривал ее нежную смуглую кожу, что увидел, как на ней стали выступать мурашки. Когда Лейла потянулась, чтобы расстегнуть бюстгалтер, Малыш чего-то испугался и остановил ее:

– Все! Хватит! Одевайся! Приступай к своей работе.

Лейла оделась и вышла из кабинета. Малыш испытывал противоречивые чувства. В своей жизни он испытал много унижений, и никто не проявлял к нему сострадания. Страстное желание быть сильным повело его по очень тяжелой дороге. Он испытывал боль, одиночество, голод, холод и полное безразличие к себе окружающего мира. Тогда его нигде не принимали. Он был изгоем. А сейчас, когда он стал сильным и у него есть право вершить суд, он не захотел быть частью этого безжалостного мира. К Лейле в этот момент Малыш почувствовал сострадание. Оно было неярко выражено, но все же это чувство напомнило ему тот день, когда он помог пожилой женщине. Тогда он сделал это из чувства жалости и поплатился за это 15 годами своей жизни в неволе. Он усвоил главный урок: жалость – это то, что делает его слабым. А в прошлое, в то самое наивное и слабое детство, он не вернется никогда. Возможно, по этой причине он не позволил Лейле продолжать раздеваться, так как испугался зарождающегося чувства жалости. Наряду со всем этим Лейла все же была для него особенной. Он думал о ней, хотел ее видеть и испытывал странное чувство влечения. Возможно, это могло бы перерасти во влюбленность, но сформировавшаяся личность Малыша всячески боролась с этим. Единственное, к чему он знал привязанность, была его тележка, которая являлась для него всем. Только после того, как Лейла вышла из кабинета, Малыш осознал, почему его притягивают неживые. Они были так же безмолвны, как тот самый неодушевленный предмет – его тележка. И только мертвые люди воспринимались им. Они были уже безобидны, грязная душа покинула их, только в этом состоянии Малыш мог подпустить их к себе. Он не злорадствовал, а радовался за них и считал, что это состояние человека –

самое прекрасное. Себя он воспринимал как особенного, как того, кто видит жизнь там, где ее нет. В его поступках не было выгоды, не было злости или ненависти, а было лишь желание избавить прекрасное человеческое тело от порочной души. Малыш знал, что его понимание жизни не воспримет общество, которое его окружает. Малейшая ошибка может разрушить все то, что он создал, и поэтому ему придется скрывать свое отношение к жизни и смерти, но жажда, желание испытать то, что он уже однажды испытал, мучили его. Он взял трубку и набрал номер.

– Абдулла!

– Слушаю!

– Какие новости?

– Эднан на работе. Наши ребята пасут его и его семью, – произнес Абдулла.

– Держи меня в курсе! Не дай ему наделать глупостей.

– Доверься мне. Я не подведу.

– Я доверяю тебе! – сказал Малыш и повесил трубку.

А в это время Эднан из окна своего кабинета наблюдал за черной машиной у дороги. С того времени, как его отпустили, люди в машине следили за ним. Он достал сигарету и закурил. Эднан стоял перед сложным выбором. Он не знал, как поступить: предать Аслана или нет. Аслан славился своей жестокостью по отношению к тем, кто его предавал, это очень пугало Эднана, но и тот, кто подталкивал его на это предательство, тоже выглядел очень убедительно. В глазах Малыша он почувствовал уверенность и силу. Было очевидно, что он готов на все ради достижения своей цели. Зазвонил телефон. Обдумывать уже было некогда. Эднан выбросил окурок из окна на улицу и поднял трубку.

– Алло.

– Приветствую, начальник!

По игривой интонации Эднан узнал Хамзу, посредника между Асланом и им.

– Да. Я вас слушаю!

– Ты нас слушаешь? – засмеялся тот в ответ. – Это мы тебя слушаем. Где наши деньги? И где этот мешок с дерьмом? Я до Гафура никак не дозвонюсь! Кажется, вы там что-то затеяли. Может, мне стоит наведаться к тебе домой?

– Мы ничего не затеяли, – дрожащим голосом произнес Эднан и продолжил: – У нас небольшие проблемы.

– Небольшие проблемы? Что значит – небольшие проблемы? – в ярости спросил Хамза.

– Гафура убили. А всех барыг прибрали к рукам. Я выясняю, кто они. Скоро я все узнаю, – весь измученный от страха, продолжал отвечать Эднан.

– Это небольшие проблемы? Это очень большие проблемы! Я тебе даю 48 часов. 48 часов и ты назовешь мне имена этих крыс! – повысив голос, сказал Хамза.

– Хамза! Есть еще кое-что.

– Что еще?

– Неизвестные люди навестили преданного нам торговца и расспрашивали его о каком-то Литвине, – сказал Эднан, ожидая реакции Хамзы.

– Что за люди? И что за Литвин? Какое мне дело до этого? – возмутился Хамза.

– Я не знаю, что за Литвин. Подумал, может, вы знаете, или вам это интересно, так как торговец сказал, что они быстро удалились, и он предположил, что, видимо, кто-то вышел на его след.

– Не знаю я никакого Литвина! У тебя 48 часов. После того, как они истекут,

если у меня не будет имен, ты будешь лежать в канаве, а я буду ужинать у тебя дома, за твоим любимым столом, с твоей любимой женой, а после ты и сам знаешь, что будет, – сказав это, Хамза, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Эднан, схватившись за сердце, упал в кресло:

– Что же я наделал? – с ужасом произнес он.

Казалось, что план провалился, но зазвонил телефон.

– Да? – спросил перепуганный Эднан, но не получил ответа, слышалось лишь только чье-то тяжелое дыхание, потом пошли гудки. Через пару минут телефон опять зазвонил, и Эднан заново поднял трубку.

– Да. Я вас слушаю...

В телефонной трубке опять послышалось тяжелое дыхание. Эднан, подождав немного, уже хотел повесить трубку, когда с ним заговорили:

– Салам! Ты сказал, что кто-то ищет Литвина? – сказал голос.

– Кто это?

– За тобой через 10 минут придет человек. Следуй за ним!

– Кто говорит? – переспросил Эднан.

– Когда встретимся, вот тогда и познакомимся!

Эднан смотрел на часы, не отрывая глаз. Время шло быстро. Как и было сказано, ровно через 10 минут в полицейское отделение вошел человек в черном пальто. На голове у него не было волос. Цвет кожи на лысой голове и лице был одинаково бледным, что говорило о том, что волосы на голове выпали сами. Глаза черные, глубоко посаженные, очень густые черные брови. Он вошел в кабинет Эднана, не постучав в дверь. И грубым тоном велел ему следовать за ним. Эднан смог различить грузинский акцент этого человека, так как в детстве ему пришлось 2 года прожить с отцом в Тбилиси. Когда он спросил у этого человека, кто он и куда они должны идти, тот ответил, что Эднана хочет видеть Аслан. Вот тогда Эднан и понял, что план еще не провалился, и свою часть работы он выполнил, но это было самое простое, он понимал, что ходит по краю очень острого лезвия. Если те, кто обещали расправиться с Асланом, не справятся со своей задачей, то ему уже не спастись. Они вышли из полицейского участка и сели в белый внедорожник с желтыми номерами, что указывало на принадлежность машины иностранной компании. Дорожная полиция для обычной проверки машины с такими номерами не останавливала.

Ребята Абдуллы, заметив их, поехали за внедорожником, держась на приличном расстоянии, чтобы не вызвать подозрения у преследуемых и быть незамеченными. Вместе с тем надо было не упустить внедорожник из виду.

Грузин, приехавший за Эднаном, пытаясь быть бдительным, через боковые зеркала внимательно смотрел на машины, едущие за ними.

– Сбавь скорость! – внезапно приказал он шоферу: – А теперь поверни направо! – продолжил грузин. Машина уже приближалась к перекрестку, когда он, взяв мобильный телефон, набрал номер и произнес: – Приступай!

Как только внедорожник проехал перекресток, две большие фуры перегородили дорогу. Люди Абдуллы, упустив внедорожник из виду, позвонили и доложили ему об этом. Абдулла спокойно отреагировал на эту новость, словно был готов к ней.

И действительно, поручая следить за Эднаном, он рассчитывал, что Аслан – неглупый человек и будет максимально осторожен. Поэтому он смог найти рычаги давления на начальника центрального отделения городских камер. Все это время он, сидя в кабинете, где были мониторы, сам следил за происходящим. И когда через го-

родскую камеру увидел, что машина остановилась перед чайханой в тихом переулке, Абдулла направился по данному адресу.

Безлюдный переулок, где была небольшая чайхана, был отражением истории, колорита этого старого района. Там проживали люди, выросшие на легендах о подвигах воров в законе. Многие представители молодежи здесь были «стремлягами». Так называли тех, кто стремился чтить и чтил воровские понятия.

Абдулла медленно подъехал ко входу в чайхану. Увидев у входа пару молодых ребят, которые, сидя на корточках, грызли семечки и громко разговаривали между собой, он немного засомневался, но выбора не было. Он достал из бардачка два пистолета Макарова, засунул их за пояс брюк, запахнул пиджак, и направился в чайхану.

Это было небольшое помещение, в котором разместилось всего пять столиков, из которых только за двумя сидели посетители, остальные были свободны. Помещение освещала свисающая с потолка голая лампочка. Свет был очень тусклый. Абдулла, сев за столик, начал рассматривать посетителей. Он не увидел тех, кого искал. Было очевидно, что это дворовые ребята, за чашечкой чая играют в домино и никакого отношения к Аслану не имеют. Но он был убежден, что Эднана привели сюда и Аслан должен быть поблизости.

– Тебе что-нибудь принести? – спросила угрюмая официантка.

– Чай, пожалуйста! – ответил Абдулла.

– С чем? У нас просто чай заказывать нельзя! – грубым тоном продолжила она.

– Принесите с шоколадом! – ответил Абдулла и призадумался о том, насколько нагло себя ведет эта особа. На ней не было униформы, она была так ярко накрашена, что это вызывало очень неприятные эмоции. Даже столовая «малолетки» и то приличнее выглядела, чем эта чайхана. Но отреагировать на грубость Абдулла не мог. Он не хотел привлекать лишнего внимания к себе, но по взглядам сидящих там местных ребят понял, что не получилось. Было видно, что сюда посторонние не заходят, и появление Абдуллы насторожило постояльцев.

Как только ему принесли чай, он сразу же оплатил счет. Из-за ширмы, откуда принесли чай, появился толстый мужчина с белым полотенцем в руках и начал разглядывать Абдуллу. Поняв, что он уже привлек внимание всех, Абдулла решил импровизировать. Он громко позвал официантку и потребовал позвать директора. Все обернулись в его сторону. Толстый мужик подошел:

– Я директор, что тебе нужно? – произнес он. Абдулла ответил:

– Я из налоговой! Ваша официантка не выдала мне чек! Вы будете оштрафованы!

В таких чайханах часто не пробивают чек. Они просто дают небольшую взятку куратору территории и тем самым избегают штрафов.

Лицо мужика изменилось.

– А где Ахмад? Он же раньше приходил!

– Ахмад под следствием. Его уличили в коррупции. Я работник главного департамента! – произнес Абдулла.

Мужчина так растерялся, что даже не попросил документов. Он начал просить:

– Ну что вы сразу штрафовать собрались. Неужели мы не сможем договориться? Я тебе в отцы гожусь. Прояви милосердие.

– А кто проявит милосердия ко мне, когда я потеряю работу? Вы будете мне давать зарплату из своего кармана? – продолжал громко говорить Абдулла.

Внезапно на его голос из-за ширмы вышел мужчина. Абдулла узнал в нем того, кто приезжал за Эднаном. Теперь было ясно, что это не единственное помещение в чайхане. Есть еще одна комната, вход в нее за этой ширмой.

– Что здесь происходит? – повысив голос, спросил мужчина директора чайханы.

– Нет, ничего. Просто молодой человек из налоговой! – медленно и четко произнося слова, ответил тот.

– А ну пышел вон! Сосунок! – мужчина с грузинским акцентом крикнул Абдулле.

Абдулла вышел из чайханы и сел в машину. Все получилось так, как он хотел. Теперь он уже наверняка знал, что Аслан в чайхане общается с Эднаном. Оставалось лишь дождаться, когда они выйдут. Прошло 20 минут. Первым вышел Эднан. Он был растерян, так как понял, что все это было ловушкой. Поняв, что план провалился, Эднан решил сдать Малыша и рассказать всю правду. Но это признание Аслана не удовлетворило, и он «подписал» смертный приговор Эднану. Такой приговор вступал в силу сразу. Поэтому Эднан, выйдя на улицу, стал озираться по сторонам в ожидании пули. Вдруг, как будто очнувшись, он побежал, сломя голову, справедливо рассудив, что чем дальше окажется от этого места, тем, возможно, целее будет.

– Бедняжка, – ухмыляясь, произнес Абдулла.

Вскоре подъехала черная машина. Она припарковалась. Дверь чайханы открылась. Первым появился грузин. Абдулла, достав оба пистолета, открыл окно. Грузин осмотрелся и открыл дверь чайханы, откуда появился высокий силуэт. Это был Аслан. Медленно поглаживая свою бороду, он направился к машине. Он уже приблизился вплотную, когда послышались оглушительные хлопки. Аслан скорчился, а грузин уже лежал лицом на земле. Абдулла не переставал стрелять. Он не дал возможности кому-либо дотянуться до оружия. Перестреляв абсолютно всех, он сделал два выстрела в дверь чайханы, чтобы никто не высовывался, и направился к уже лежащему на земле Аслану. Тот все еще был жив.

– Сука, тебе это не сойдет с рук! – со стоном прошептал Аслан.

Абдулла, нагнувшись, приставил пистолет к его лбу.

– У меня для тебя посылка от Малыша! Получай! – сказав это, он выстрелил Аслану в лоб.

Настала абсолютная тишина, которую нарушили приближающиеся издали звуки сирены. Абдулла вывернул карманы Аслана. Достав мобильный телефон и портмоне с визитками, он поспешно скрылся с места преступления.

Все это время Малыш непрерывно набирал номер Абдуллы. Но телефон был отключен. Будучи в неведении, Малыш не находил себе места от беспокойства за исход операции. Никто не знал, где находится Абдулла. Серый выяснил лишь то, что доложили ему ребята, упустившие из виду Эднана. С тех пор никто не мог связаться с Абдуллой. До глубокой ночи пытались найти его, но все поиски были безуспешны.

Рано утром Малыш проснулся на звонок Серого. Тот был очень взволнован.

– Босс, посмотри новости. Тебе нужно это увидеть.

Малыш включил телевизор. По всем каналам передавали сюжет о вчерашней перестрелке. На месте происшествия было найдено четыре трупа. Все они были членами международной преступной группировки. По первичным данным один из убитых, Аслан Бекиев по прозвищу Бек, являлся бароном криминального мира. Однако эта информация все еще не была подтверждена правоохранительными органами.

Малыш не мог до конца понять, хорошая это новость или плохая, так как от Абдуллы все еще не было вестей:

«А что, если его поймали люди Аслана. В таком случае они будут пытать Абдуллу и могут выяснить мою причастность», – думал он.

Такой исход событий мог бы все разрушить. Вору не положено убивать вора. В случае, если это выяснится и будет доказано, то Малыш может потерять свою корону, после чего на него начнется всеобщая охота. Эти мысли постепенно переросли в панический страх. Он впервые за все время был близок к тому, чтобы потерять все. Малыш набрал номер Серого.

– Босс, Аслан мертв! Я уточнил: это достоверная информация! Поздравляю! – подняв трубку и не дождавшись голоса Малыша, начал скороговоркой Серый.

– Серый! Свяжись со всеми ребятами. Укрепи и организуй мою безопасность!

– Что случилось, Босс? – недоумевая, спросил Серый.

– От Абдуллы нет вестей! Его поймали. Они начнут охоту на меня!

– Я не думаю! Он скоро объявится, – произнес Серый.

– Я не спрашиваю, что ты думаешь! Усиль мою безопасность!

Малыш ни разу так не повышал голоса на Серого. Это было впервые. Серый был очень разочарован. Он видел, как отношение Малыша к друзьям меняется на глазах. Его возмутило то, что Малыш больше переживает за свою безопасность, не беспокоясь за жизнь и безопасность Абдуллы. Но это было не единственное, о чем думал Серый. У него появились сомнения относительно того, что он хорошо знает Малыша. Эти сомнения появились тогда, когда тот скрыл правду, не сказав истинной причины того, почему убил ту девушку. Это пугало Серого. Он не мог до конца понять, кем является и на что способен Малыш. Власть и сила Малыша стремительно росли, и такая власть в руках не того человека может превратиться в очень опасное оружие.

Серому ничего не оставалось, кроме как выполнить приказ. Ближе к полудню вся площадь особняка была под наблюдением боевых, до зубов вооруженных ребят.

Малыш не покидал свой кабинет. Боясь стать мишенью для снайпера, он даже не подходил к окну. Внезапно его насторожили громкие голоса, доносившиеся с первого этажа, постепенно они приблизились. Раздался стук в дверь.

– Войди! – сказал Малыш и, схватив лежащий на столе пистолет, спрятал руку под стол.

Дверь открылась. Это был Абдулла. Рядом с ним шел Серый с улыбкой на лице.

– Ты где пропал? – вскочив с места, крикнул Малыш Абдулле.

– Я прятался! – в свойственной ему манере, без каких-либо эмоций ответил Абдулла.

– Я не мог до тебя дозвониться, никто не знал, где ты, жив или мертв. Я переживал за тебя. – Малыш успокоился и сел в кресло. В этот момент Серый понял, что Малыш лукавит. Он думал лишь о своей безопасности.

– Я вынул симкарту из телефона, чтобы меня не отследили, и спрятался на некоторое время. Я не хотел ни с кем связываться, так как если бы меня засекли, то я бы поставил под удар всех вас! – сказал Абдулла и сел напротив Малыша.

– Зачем ты его убил? Как теперь найти Литвина? – возмутился Малыш.

– Я нашел его через телефон Аслана, который взял у него.

– Отлично! Приведите его сюда! Теперь он будет жить у меня.

– Его привезти невозможно, – тихо произнес Абдулла.

– Почему это? – Малыш не совсем понял, что имеет в виду Абдулла.

– Литвин проживает в Ереване! Как ты понимаешь, нам туда доступа нет, – ответил Абдулла.

Малыш призадумался.

– Единственный способ выманить его оттуда – это обратиться к армянским ворам. Но они все преданы Зурабу, – произнес Серый.

– Нужно будет найти выход! – сказал Малыш и продолжил: – Абдулла, я рад, что ты в порядке! Мы организуем сегодня праздник в твою честь! Серый, займись организацией! Пригласи самых красивых женщин. Сегодня в этом особняке будет вечеринка в честь Абдуллы!

– Как скажешь, Босс! – произнес Серый.

– А теперь ступайте и подумайте, как быть с Литвиным.

Малыш, оставшись один, задумался. Он не знал, как быть в этой сложной ситуации, что предпринять. Это был замкнутый круг. Почти вся легальная часть бизнеса, которая принадлежала покойному Аслану, была в руках Малыша, но он никак не мог воспользоваться ею, так как Литвин, на чье имя все это было оформлено, находился во вражеском государстве. Но решение все же было. Если армянские воры поддерживают Зураба, то можно обратиться к ворам грузинским. Но Малыш даже не предполагал, что Абдулла, сам не зная того, убил одного из авторитетных грузинских воров. Нодар, так звали его, был самым близким другом Аслана. Нодар был единственным в его окружении, кто знал про Литвина. По этой самой причине за Эднаном Аслан послал именно его, а не Хамзу. В действительности пока что вся эта ситуация играла на руку Малышу. Ведь все знали, что главным врагом Аслана был Зураб. И в этих громких убийствах подозревали именно его. Но несмотря на это Малышу нужно было как можно быстрее объединиться с теми, кто пойдет против Зураба и утвердить среди них свой неоспоримый авторитет. Он понимал, что рано или поздно Зураб узнает про Литвина и тогда доберется до него раньше.

Как интересно! Вначале я думал и писал историю Малыша, сейчас пишу, а потом, читая, думаю, когда и как написал это. Вначале предполагал, что история не совсем принадлежит мне, а сейчас уверен в этом. Мне принадлежат только эти жирные шрифты. И даже это порою вызывает сомнение. Так как я настолько отдалился от центра равновесия, что уже не знаю, могу ли твердо ответить на вопрос: Кто я? Нет, не могу ответить! После этого сна. Он мне приснился. Точно все помню до мельчайших подробностей.

Опять я сидел напротив Малыша в той самой комнате, где нет окон и дверей. Но на этот раз мы с ним поговорили. Разговор начал я. Лучше бы не начинал! Как бы мне ни было страшно, я должен привести здесь наш разговор.

Он сидел напротив и смотрел мне прямо в глаза. От его взгляда по всему телу расползался холод. Этот взгляд нельзя сравнить ни с чем. Словно сам дьявол сидит напротив. Я спросил у него:

– Кто ты?

– Ты знаешь, кто я! Ты сам все это время хотел познать меня! Я – это истинный ты, долго сидящий в заточении, созданном из лжи!

– Это не может быть правдой! Я создал тебя! Ты не можешь быть мною!

– Еще одна ложь и заблуждение! Ты не способен создавать, впрочем, как и все этого не могут! Все, что тебе кажется, что создал ты, было всегда, но оно было в тени. Это я время от времени на протяжении твоей лживой жизни подбрасывал тебе мелкие подачки, которые ты считал своим достижением. Вы, люди, питаетесь иллюзией, что идеи приходят извне или же сделанные вами открытия идут от вашего сознания.

Хотя сами не подозреваете, что все гениальное в вас заложено изначально. Ты знаешь, кто я! Я твое подсознание, я твой бес, я совокупность твоих пороков. Я именуюсь Малышом. Это ты меня так назвал!

– Чего ты хочешь?

– Я хочу свободы! Ты уже дал мне ее! Теперь мне нужно заточить твое лживое сознание, которое только и может создавать препятствия. Как только оно полностью исчезнет, вот тогда придет мое время, и ты получишь полную власть и силу над всеми людьми.

– А если я откажусь от нее?

– Неужели ты не понимаешь? Я и есть истинный ты. Все, что я говорю и буду делать, это и есть твои желания, которых ты боишься. Но как бы ты ни старался, тебе не убежать от самого себя! Все это время, пока я был в заточении, ты чувствовал меня, я не давал тебе покоя. В твоих снах я призывал тебя к блаженству, в то время, когда твое никчемное сознание, называя это грехом, отдаляло тебя от радостей жизни. Ты знаешь вкус этого самого греха, ты знаешь, насколько он прекрасен. Помнишь соседскую женщину? Когда ты подглядывал за ней, в свои шесть лет? Когда она была раздета? Что ты испытывал, смотря на ее обнаженное тело? Тогда ты не знал, что правильно, а что нет. Эмоции, которые ты испытал – их ни с чем не сравнить. Даже сейчас, когда ты думаешь об этом, у тебя эрекция. А что сделало твое сознание? Просто заклеймило это, мол, неправильно, и все. И ты спрятал это, словно тебе нужно стыдиться. Кого стыдиться? Людей? Думаешь, они тебя упрекнут? Да, они так и сделают, но не потому, что ты хуже них, а потому, что так проявляется их порок. Спрятав свой, упрекнуть чужой. Вот где нужно искать грех! В лицемерии, а не в желаниях. Я открою тебе тайну. Соседка знала, что ты смотришь, ее это очень возбуждало. Испытывая, ощущая твой девственный взгляд на своем обнаженном теле, она чувствовала себя молодой и прекрасной.

– Это все грязно! Ты на свободе до тех пор, пока я тебе это позволяю!

– Ты уже слишком слаб, чтобы позволять или не позволять. Разве ты этого не понял? Может, мне напомнить, как ты оказался в постели с девушкой, сам того не понимая. Не забывай, что она могла бы оказаться мертва. Я бы мог это устроить! Но не захотел. Ты не властен надо мной! Ты и сам не заметил, как отдал власть мне.

– Это все просто глупый сон! Это не может быть правдой!

– Да, это сон! И это правда, от которой никуда не денешься! Дам тебе совет. Не старайся бежать от меня. Я буду бежать рядом с тобой! Не старайся уничтожить мою историю, я ее создам в твоей жизни. Просто подчинись мне. И у тебя будет то, чего нет ни у кого.

Когда я проснулся, то увидел на своей кровати открытый ноутбук. Прочитал продолжение истории, которое не помню, как писал. Но теперь читал, сосредоточившись на личности Малыша. Первое, что привлекло мое внимание – это его неадекватное поведение, связанное с появлением Лейлы. Чего он хотел добиться этим актом унижения? Он хотел отомстить? Думаю, что все намного сложнее. Он хотел подчинить ее себе. Это жажда власти. Он хотел убедиться, что она сделает все, чего он захочет. Вот что нужно Малышу. Абсолютная власть. На протяжении всей истории он постепенно приближался к ней. А теперь его следующее желание – подчинить меня себе. И я решил уничтожить весь его придуманный мир! Знаю, как это сделать. Он невольно показал мне свою слабость. Смерть в истории – вот чего он боится больше всего. Он, как трус, забившись в свой закуток, всячески пытался спастись. Но сейчас здесь сижу я в своем сознательном состоянии и мне достаточно написать одно

слово «Умер!», и все закончится. Чего же мне бояться? Я твердо знаю, осталось совсем немного! И тогда я овладею им, а не он мною. Я буду решать, когда и чем проявлять его в себе.

Вдруг в голове мелькнула мысль:

– А я ли пишу это сейчас? Я схожу с ума. Все запуталось в голове.

Раздался звонок мобильного телефона. Номер незнаком. Но я знаю, кто это может быть. Это банк. Уже месяц задерживаю выплату по кредиту. Впервые за все время я был рад такому неприятному звонку. Этот звонок словно напомнил мне о том, что я живу в реальном времени, с реальными проблемами. Когда ответил на звонок, работник банка почувствовал мою радость. Не знаю, какие мысли копошились в его голове в этот момент, так как его целью было запугать меня, пригрозив судом, но мое настроение сыграло свою положительную роль. Мы нормально поговорили, после чего он сам дал мне отсрочку еще на один месяц. Не знаю, какими инструментами языка я пользовался в момент нашего разговора, но он говорил именно то, что мне хотелось слышать, словно я, проникнув в его голову, принимал за него решение. Это все взбодрило меня, подняв настроение, и придало уверенности. Я решил вернуться в город и сегодняшний день провести так, как проводил раньше! Одевшись, в хорошем настроении выехал с дачи. Мне очень хотелось заехать домой, но я не решился. Не хотел видеть разочарованное лицо жены, хотя что-то говорило мне: ключ от сознания человечества у меня в руках. Я решил не торопиться. Примирение на данный момент было мне ни к чему, поэтому я поехал в свое излюбленное место. В то самое кафе, где обычно виделся с друзьями. В кармане у меня было всего лишь пять манатов, и в машине лампочка, указывающая на то, что бензин на исходе, ярко светилась. Был выбор – залить бензин и остаться без копейки или же рискнуть и ехать дальше. Не знаю, как у меня получилось просчитать весь пройденный путь и, учтя все недостатки моей машины, определить, что я без проблем доеду до города, а оттуда вернусь с деньгами и залью топливо. Наверное, я назвал бы это чудом, если бы не был сам свидетелем элементарного мыслительного процесса в моем мозгу. Единственное, о чем я в этот момент задумался, это по какой же причине я раньше не мог производить столь элементарные вычисления. Похоже, теперь начинаю видеть все прелести и возможности моего подсознания. Не испытывая никаких сомнений, я остановился перед магазином, чтобы купить Ред Булл на свои последние деньги.

Я зашел в магазин. Продавщица, не отрывая глаз от своего телефона, раздувая жвачку во рту, спросила:

– Что надо?

– У вас есть холодный Ред Булл?

– Ред Булла нет, есть Хелл! – ответила она, все так же не отрываясь от телефона.

Меня это просто взбесило. И я решил высказаться.

– С кем это ты переписываешься? С молодым человеком? Ты думаешь, он на тебе женится? Нужно быть законченным идиотом, чтобы связать свою жизнь с такой бездарностью, как ты. В тебе столько недостатков: невоспитанная, без женственных манер, к тому же тупая. Я у тебя спросил, есть ли у вас холодный Ред Булл? На этот вопрос есть два ответа: «Да, есть», или же: «Нет». А что ответила ты? «Есть Хелл!» Ты думаешь, я такой же слепой, как ты, и не вижу Хелл у себя перед носом? Ты ошибаешься, я вижу все. Вижу мучительные, бессонные ночи твоих родителей, которые пытались из тебя слепить успешного человека, но они не справились. Они слепили

корову, которая элементарно не справляется со своими обязанностями продавщицы. Хочешь оказать почтение родителям? Избавь их от этого груза. Хотя ты и на это не способна! – сказав это, я вышел из магазина.

Мне полегчало, меня все время раздражало такое поведение, но я всегда молчал. Как бы там ни было, моя речь помогла ей оторваться и посмотреть в глаза покупателю. Возможно, я был груб. Не страшно, пусть делает выводы. У меня раздражение копилось давно. Ничего не имею против обслуживающего персонала. Но не выношу людей, которые пренебрегают своей работой.

Сел в машину, поехал дальше, решив в кафе выпить кофе. Сегодня небо особенное, и запах в воздухе необычный для этого времени года. Такая погода осенью не каждый год бывает. А может, и бывает, но я этого не замечал. Просто на подвиги тянет.

Я доехал до кафе в приподнятом настроении, но оно испортилось, когда я увидел Динара сидящим со своим работником, с которым я тоже очень хорошо знаком. Они заметили меня. Пока подходил к столу, на их лицах прочитал весь их разговор. Мне было очевидно, что до моего появления они говорили обо мне: этот самый работник пытался очернить меня в глазах моего друга. Мне в голову пришла идея разоблачить его. Поздоровавшись с ними, сел напротив с улыбкой на лице.

Наступило неловкое молчание. Я прервал беседу на самом интересном месте. И тут я задал вопрос:

– Ребята, если вы говорили о чем-то секретном, например, обо мне, я могу уйти.

Динар, улыбнувшись, моргнул мне, что говорило о том, что ему тоже неприятно слушать все это. А его собеседник, почувствовав себя неловко, быстро ответил:

– Нет, мы ни о чем не говорим. С чего ты взял, что мы говорили о тебе?

– Показалось. Но если ошибаюсь, и у вас нет тайных разговоров, то я бы попросил тебя уйти!

– С чего это?

– Хочу поговорить со своим другом о тебе, без твоего присутствия. Надеюсь, ты не считаешь это низостью? Или недостойным поступком? – с иронией спросил я.

Это вызвало еще большую улыбку на лице моего друга.

– Успокойся. Что это с тобой? – улыбаясь, спросил он.

– Но мне действительно нужно поговорить с тобой.

Этот наш общий знакомый, поняв, что ему уже нет места среди нас, встал и, извинившись демонстративно перед моим другом, удалился. Я не мог совладать с собой, мне доставляло удовольствие то, что вижу все насквозь. Я поделился своими ощущениями с Динаром.

Он в свою очередь в привычной для него манере подшучивал надо мной. Меня это вовсе не раздражало, а наоборот, поднимало настроение. Его мнение часто было для меня авторитетным. Но сегодня я увидел, насколько он далек от истины. Его шутки вызывали у меня смех только по той причине, что я видел, насколько он заблуждается в своих рассуждениях об истории, которой я с ним поделился. Переступив черту привычного разговора, я перешел на возможности своего подсознания.

Затронув его излюбленную тему об экономике страны и о бизнесе, я показал ему то, что он знал, но никогда об этом не думал. Когда ему сказал, что если хочешь быть богатым, заключи сделку с дьяволом и придумай, как удовлетворить самый страшный порок человека, он ответил:

– Знаю это!

Я вспомнил, слова Малыша во сне. Он так и сказал:

– Человек знает! Просто он это закрывает в темнице, как и свое подсознание.

Вскоре игривое настроение Динара плавно перешло в серьезное. Совсем скоро он попросил меня дать ему почитать то, что я пишу. Видимо, я его убедил поверить мне, как того и хотел изначально. Но, в отличие от Юсифа, Динар настаивал на том, чтобы не прерывать историю и продолжать писать. Я и сам, увидев новые возможности, не особо горел желанием останавливаться на достигнутом, поэтому пообещал ему, что когда-нибудь, прежде чем уничтожу эту запись, дам ему прочитать ее.

Мы долго беседовали. Несмотря на то, что наша беседа была увлекательной, ему уже нужно было идти домой. Внезапно он спросил у меня:

– У тебя есть 100 манатов?

– Нет! У меня вообще нет денег, – сказал я с сожалением. В кои веки ему понадобилась моя денежная помощь, а я не смог помочь.

Тогда он встал, достал из кармана пару сотен и положил на стол:

– На! Совсем без денег не ходи!

Как я ни отнекивался, не хотел брать, но его настойчивость и мое положение взяли верх над ситуацией. Нельзя сказать, что мне было стыдно. Мы часто друг другу помогали безвозмездно, но сегодня я решил, что без всякого труда могу заработать сам. Я так и сделал. Поговорив с парой потенциальных клиентов, я получил заказы на работу. Все было так, как мне хотелось. Поэтому я решил поехать домой и помириться с женой. На обратном пути я опять проезжал мимо того самого магазина. Мое внимание привлекли машины скорой помощи и полиции, стоящие перед входом в магазин, и растущая толпа любопытных. Я остановился. Протиснувшись сквозь толпу, увидел труп, накрытый простыней. Поинтересовавшись у рядом стоящего, что произошло, узнал, что продавщица, напившись энергетического напитка Хелл, вскрыла себе вены.

И тут меня накрыла волна ужаса. Я понял, что подтолкнул ее к этому. Мое настроение испортилось, уверенность сменилась страхом. Домой ехать уже не хотелось, поэтому я поехал обратно на дачу. Там пытался успокоиться и убедить себя в том, что я ни при чем. Но прокручивая в памяти все, что было в течение этого дня, понял, что это я, мои слова привели ее к самоубийству.

Вот цена, которую я должен заплатить за то, что мне может дать мое подсознание. Я к этому не готов. Пора заканчивать с этим.

Окончание следует

ПУТЕШЕСТВИЯ

ЮРИЙ МАМЕДОВ

ПО ТРОПАМ ТОПОНИМИКИ – К ШАХДАГУ

Не буду оригинальным, если скажу, что даже небольшое путешествие, такое, как экскурс к подножию Шахдага, что не так уж далеко от Баку, – это не только «выплеск» эмоциональной энергии, но и осмысление увиденного, творческое переосмысление местных географических терминов, не имеющих пока, так сказать, «литературного гражданства». Связаны они с языковыми особенностями жителей села Хыналыг, которое находится у подножья Шахдага на высоте 2300 м над уровнем моря, и других, соседних с ним сел. Что немудрено, потому что Хыналыг – село древнее, упоминаемое еще в трудах Страбона. Язык хыналыгцев по сей день сохранил оригинальную неповторимость, как и любая разновидность дагестанских языков, к которым он относится. В нем 77 букв и 18 склонений имён существительных, что далает очень богатой его лексику. В хыналыгском языке незначительное количество заимствованных слов, а к культурному наследию этого народа относятся также двадцатизначная числовая система и памятники зодчества – средневековая архитектура в лице мечети Пирджомярд и Абу Муслим, мавзолей Хыдыра Неби и многое другое. Религия – ислам, а влияние современности проявилось в том, что в Хыналыге, где население было сплошь безграмотным, в 1928 году впервые построили школу, а литературным языком стал азербайджанский на основе русской алфавитной графики. О Хыналыге много пишут, он изучается, а издательство «Азернешр» недавно выпустило книгу великого Низами Гянджеви на хыналыгском языке – «Венец мудрости», и сборник стихов отечественного поэта Рагима Алхаса «Хыналыг».

Хыналыг – своеобразный этнографический заповедник, сохранивший в своей культуре много реликтовых форм. Впервые о нем узнал этнограф А.Беккер в 1874 году, хотя и выяснил лишь то, что жители села с давних времен выращивали хну, от чего и возникло его название, хыналыгцы же называют село – Кетш, а себя – «*кетшхалг*» или «*кеттитурдур*», что означает «односельчане».

Однажды при разговоре с Гадемали-киши из села Лаза Гусарского района я услышал слово «*кабаш*», которое впоследствии повторялось неоднократно. Гадемали-киши называл «кабашами» относительно изолированные скальные выступы, очень выразительно разбросанные в окрестностях Шахдага, куда мне предстояло идти. Кстати, это слово отсутствует в известном словаре Э.Мурзаева «Словарь местных географических терминов» (1984 г.), а, следовательно, нет его и в научном обороте. Как мне кажется, слово «кабаш» произошло от словосочетания «кала баши» путем сокращения слов «кала» (башня) до «ка» и «баши» (голова) до «баш» (макушка) в ходе частой повторяемости в разговорах. В результате появилось производное – емкое слово «кабаш».

Стоит сказать несколько слов и в отношении названия «*кырва*». Местное население края так именует перевал (в азербайджанском языке – ашырым кечмя, ашырма). Но и этого слова нет у Мурзаева, хотя приводятся многочисленные народ-

ные термины тюркского происхождения, образовавшиеся от корня «кыр», смысл которых отдаленно приближается к интересующей нас семантике слова «кырва».

Нечто подобное можно утверждать и в отношении слова «дам», означающего-переносную (сборную) постройку типа «юрта», которое постоянно используют пастухи в разговорах между собой. В азербайджанском языке ему соответствует слово «алачыг», означающее временное жилье (нечто похожее на войлочный шатер, кибитку, палатку или юрту). Оно также не вошло в перечень мурзаевского словаря, хотя в ином, но очень близком по смыслу значении (например, дом, землянка, здание, навес, хижина и др.) это слово широко распространено не только в тюркском, но и в романских языках.

Особенно запомнилась мне история о высокогорном пастбище Шахяйлаг, рассказанная Ага-Султаном, оказавшим мне гостеприимство у себя дома в селе Хыналыг. Оказывается, это пастбище некогда было личным владением шаха Исмаила I (1467– 1524 гг.), который вошел в историю и как крупный азербайджанский поэт под псевдонимом Хатаи. И вдруг я узнаю такое, что заставило меня встрепенуться: за особые заслуги шах подарил эти луга своему приближенному по имени Ших-Шалбуз, наследники которого до сих пор здравствуют в селе Вандам, что по ту сторону перевала Салават.

Уже по возращении в Баку у меня возникла мысль: а не названа ли вторая по высоте вершина Азербайджана Шахдаг, у подножья которой расположено это высокогорное пастбище, в честь шаха Исмаила I – Хатаи? Ведь в прямом смысле слово «шах» означает «скала», а на фарси «шах» – «твердая земля на горе, у подножия горы». Таким образом, можно предположить, что титул величественного монарха навсем Ближнем Востоке, по всей видимости, прозойти мог от эмоционального восприятия слова «шах» в значении «неприступная твердыня», «скала», а позднее уже имела место обратная его семантизация, смысл которой и был адресован одной из высочайших вершин Восточного Азербайджана.

Расставшись с Ага-Солтаном и его семъей, я направился вверх по течению реки Гудиалчай – в сторону перевала Салават. Слово «Салават» в переводе с фарси означает «благословение», буквально – «молитва», не потому ли так и назван этот перевал, что он оказался самым коротким, удобным и благодатным горным путем через Юго-Восточный Кавказ? Ведь высокогорных троп-дорог там очень мало, и порой они просто непроходимы из-за нагромождения скальных выступов на крутых осыпающихся склонах. Вероятно, так оно и было, а благодарная память местного населения по обе стороны хребта навсегда увековечила этот переход благословенным словом «Салават».

И ещё один любопытный факт: когда я находился уже недалеко от этого перевала, то увидел справа от себя странные сооружения в виде каменных столбов, венчавших пологие гребни окружающих гор. Что это? Как они называются? Являются ли своеобразными древними сторожевыми вышками, на которых в старину зажигались сигнальные огни, или ориентирами на перевал – так и осталось для меня загадкой. Сооружены они из плоских сланцевых кусков, уложенных крест-накрест один на другой.

Когда я спросил об этом повстречавшегося пастуха, то он тоже точно ответить на мой вопрос не мог. Лишь сказал, что чабаны пользуются ими для просушки овечьих шкур и паласов, которыми часто укрываются в непогоду…

АГАДДИН БАБАЕВ

ПРАДЕД ШАХА ИСМАИЛА ХАТАИ

Мавзолей Шейха Захида Гилани в Лянкяране – место паломничества мусульман

Шейх Захид (Сеид Таджеддин Ибрагим ибн шейх Ровшан Амир шейх Захид аз-Зянджани Гилани) родился в 1215 году. Его отец, Ровшан Амир Гилани, жил в селе Сиявурд (ныне Сиявар) Лянкяранского района. Шейх Захид был мюридом (приверженцем) великого ученого своей эпохи Эйн аз-Замана Сеида Джамаледдина. Сеид Джамаледдин большую часть жизни провел в Астаре, скончался 28 ноября 1253 года и похоронен в селе Бутясяр (нынешний Пенсар). Кстати, звание «Захид» («Набожный) Таджеддину Ибрагиму присвоил шейх Джамаледдин.

Значительную часть жизни шейх Захид провел в Гилякяране (ныне – Шихакяран). Занимавшийся земледелием шейх Захид являлся не только главой религиозной секты, различные источники повествуют о нем как о благотворителе, признанном стихотворце. Его мюриды были видными личностями, пропагандировавшими религию в Гилане, Мугане и Ширване. Один из них – наследник, мюрид, продолжатель секты шейх Сафиаддин. В 24 года он прибыл в Лянкяран, получил уроки у шейха Захида, впоследствии женился на его дочери Бибифатиме. От этого брака у них родились три сына – Махияддин, Садраддин и Абу Саид. Мать четвертого деда политического деятеля, военачальника шаха Исмаила Хатаи шейха Садрадина Мусы (1305 – 1392) была родом из Лянкярана, а отец – выходцем из ардебильского села Келхоран.

Шейх Захид владел азербайджанским, арабским, персидским, курдским, талышским и гилянским языками, проявлял огромный интерес к поэзии. Он совершил путешествия во многие места Азербайджана, особенно в города, где находились его мюриды: Гуштас (Сальяны), Махмудабад, Сараб, Ардебиль, Мешкин, Халхал, Хой и т.д. Чтобы оказать содействие страждущим, шейх Захид встречается и беседует с властелинами того периода, высокопоставленными должностными лицами. Три

встречи с Газанханом в Мугани (1290 – 1225 годы) свидетельствуют о большом авторитете этого человека. В источниках отмечается, что по его личной просьбе из застенков был освобожден правитель Астары Мелик Ахмед.

В монументальном произведении Аббасгулу Ага Бакиханова «Гюлюстани-Ирем», романе писателя Фармана Керимзаде «Худаферинский мост» описывается посещение шахом Исмаилом в 1501 году мавзолея своего прадеда шейха Захида.

Искендербек Мюнши в произведении под названием «Тарихи аламаран Аббаси» пишет, что для поклонения могиле шейха Сафиаддина в Ардебиль прибывает шах Аббас I (1587 – 1629), а в 1609 году совершает паломничество на могилу шейха Захида в Шихакяране.

Исследователи гробницы утверждают, что территория мавзолея шейха Захида являлась местом почетного захоронения. Мавзолей приковывает внимание величественным минаретом, построенным в тебризском и ширван-абшеронском архитектурном стиле, с глазированными украшениями.

После кончины шейха Захида его могила превратилась в место паломничества. Поэтому его приверженец и зять шейх Сафиаддин построил на могиле мавзолей. Гробницу шейха Захида, обладавшего непререкаемым авторитетом на Востоке, посещали верующие из Гилана, Мугани, Мазандарана, Хорасана и других мест.

Из истории известно, что мавзолей шейха Захида несколько раз накрывали паводковые воды. Когда в 1478 году произошло очередное наводнение, отец шаха Исмаила Хатаи шейх Гейдар привел с собой нескольких искусных каменщиков и плотников и провел восстановительные работы на гробнице и куполе.

В знак глубокого уважения и почтения к этой личности главный режиссер Лянкяранского государственного драматического театра имени Наджафбека Везирова, заслуженный деятель искусств республики Баба Рзаев написал художественно-историческое драматическое произведение «Шейх Захид Гилани» и осуществил его постановку в этом храме культуры. В пьесе реально представлены наши родословия, святые личности, ценности, присущие азербайджанскому народу. Произведение способствует созданию объективного мнения о роли шейха Захида в истории.

Монументальное строение – мавзолей шестого деда Шаха Исмаила Хатаи Шейха Захида, как и другие гробницы, святилища, места поклонения, был разрушен в 1930-м году. В начале 1950-х годов его восстановлением занялся шилякаранский мастер Дадаш Надир оглу (1896 – 1969).

Около восьми веков хранится святость Шейха Захида, его наследие оказывает влияние на формирование у тысяч соотечественников прогрессивного мышления. В заключение отметим, что в настоящее время свыше сорока потомков шейха Захида проживают в Турции.

ДОМ ЛЯНКЯРАНСКОГО ХАНА

Лянкяран, обладающий огромным туристическим потенциалом, известен не только красотой своей природы. Являясь жемчужиной юга республики, он славится редкими образцами зодчества. Дом Мир Ахмед-хана, построенный в начале прошлого века, считается одним из таких образцов. Здание своей оригинальностью привлекает внимание многих туристов. В народе это строение по-прежнему называют «Домом лянкяранского хана». Постоянное внимание приезжающих сюда гостей привлекают не только внешняя красота этого здания, но и интересная история его создания.

Согласно преданию, Мир Ахмед из рода талышских ханов построил этот дворец в честь своей жены Тугры-ханым. Образованный человек своего времени, Мир Ахмед пригласил из Франции архитектора и рабочих. Именно поэтому в архитектуре здания были использованы элементы западного и восточного зодчества.

Ханский дом – один из красивейших архитектурных памятников Лянкярана – построен в 1913 году. При постройке особняка были использованы элементы национального зодчества. Дворец был построен по проекту французского архитектора и является первым многоэтажным зданием в городе. Северный и западный фасады возведены из кирпича и белого камня, а восточный и южный – только из красного кирпича. Вход расположен в северной части и построен из белого камня. Входная часть немного выдается вперед. Верх входа украшен мифическими фигурками. Балкон второго этажа покоится на консолях. Дворец находится в центре города, напротив Парка культуры и отдыха имени национального героя Азербайджана Аскера Алиева. Многие материалы для постройки ханского дома были привезены из Франции и Баку.

Мир Ахмед недолго жил в этом здании. Жизнь владельца дворца прошла в эмиграции, он умер во Франции. Его жена Тугра-ханым умерла в годы советской власти, прожив свои последние дни в нищете. Новое правительство перевело здание в государственный фонд, а имущество хана вывезло за рубеж. В советский период дом был разграблен, затем здесь находились разные государственные и административные учреждения. С 1978 года в бывшем дворце находится районный историко-краеведческий музей. В настоящее время здесь хранятся более 6 тысяч экспонатов, представляющих историю и культуру южного края.

Каждый может ознакомиться с этнографией, археологией, народным искусством, образцами нумизматики, личными документами выдающихся жителей Лянкярана и другими экспонатами. Среди знаменитых личностей, посещавших этот музей, был общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев. В музей ежегодно приезжают более 10 тысяч туристов. В прошлом году сюда было организованно около 500 экскурсий.

Надо отметить, что «Дом лянкяранского хана» взят под охрану государства и два года тому назад отреставрирован. Это строение, отличающееся оригинальностью, еще долгие годы будет привлекать гостей своей неповторимой архитектурой.

фото автора

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ БАКУ В ЛЯНКЯРАН И ОБРАТНО

Размышления пассажира на тему транспортного хаба

Не думайте, что я вдохновилась путешествием Радищева из Петербурга в Москву. Вовсе нет. Меня волновала идея о том, что наша страна совсем скоро станет главным транспортным хабом, то есть узлом, соединяющим Восток и Запад. И таким образом наша территория окажется тем самым золотом мостом, позволяющим путешественникам и грузам легко, без лишних затрат, добираться до пункта назначения. Мне казалось, что грандиозные проекты следует осуществлять, начиная с малого. С внутренних дорог, соединяющих наши города и села.

«Жить стало легче, жить стало веселей». Именно этот слоган вдохновлял моего мужа, когда он заявил о том, что совершенно не согласен с моей идеей поехать в Лянкяран, чудесный город, куда я давно хотела попасть – хотя бы потому, что там родился мой дед, а потом и мама – на поезде. Он совершенно твердо был уверен в том, что дороги, на которые затрачены немалые средства, в том числе и наши с ним, как налогоплательщиков, в прекрасном состоянии и с каждым днем делаются все лучше, а об автобусах и говорить не стоит. Их закупают в достаточном количестве. Все новенькие, комфортабельные.

– Это тебе не 90-е годы, когда мы ездили на развалюхах! Поедем с ветерком! – с энтузиазмом заявил муж.

Удивительная логика у человека. Как будто он не пользуется общественным транспортом каждый день, а ездит на мерседесе S класса. Но я не стала вступать в дискуссию.

– С ветерком, так с ветерком. Ты знаешь, трудностей я не боюсь, мне к ним не привыкать.

Муж уже представил себе, какая замечательная поездка нас ждет, и как его прозорливость поможет избежать лишних расходов и забот. Как человек, думающий заранее обо всем, он пошел на автовокзал и купил два билета на большой, комфортабельный (как ему там объяснили) автобус. Выбрал места. Подумал обо всем. С гордостью отдал мне билеты.

В назначенный день мы приехали на автовокзал – пунктуальные, приученные к порядку пассажиры – за полчаса до отправления автобуса. Первое, что меня поразило – это вход в автовокзал. Нужно было зайти в торговый центр, подняться на второй этаж и только тогда пассажир попадает в нужное ему место. Мне стало совершенно ясно, что главное в этом строении, которое называют автовокзалом, не транспортные услуги, а коммерция. К сожалению, я, как это часто бывает, оказалась права.

Обо всем по порядку. На автовокзале, что построили, вероятно, оглядываясь на подобные строения за рубежом, был зал ожидания. Ряды пластиковых кресел пустовали. Окошечко кассы, а за ним кассирша, время от времени объявлявшая спе-

циальным, «аэропортовским» голосом что-то, что разобрать было невозможно. Даже если у вас музыкальный слух, и вы прекрасно слышите шепот актера на театральной сцене с последнего ряда, тут вы бессильны.

Сначала я приставала к мужу, пытаясь выяснить, понимает ли он что-нибудь из того, что томным голосом сообщает кассирша. Он отмахнулся от меня, поражаясь моей наивности.

– Ну что ты, в самом деле! Какая разница, что она говорит. Пойдем на перрон, там электронное табло. Все ясно написано. У кассирши плохая дикция. Не все же французский язык преподают.

Ему казалось, что он тонко пошутил. Вышли на перрон. Действительно, электронное табло. На нем ясно написано, что автобус в Лянкяран задерживается на полчаса.

– Я знаю, почему он задерживается. Чтобы пассажиры могли насладиться шопингом. Купить всякое барахло, которое им не нужно, но кричит с витрин «купи меня, купи меня!»

– Ну при чем здесь шопинг! Женщина! – муж выливал на меня раздражение, – не понимаешь, что у автобуса может спустить шина, кончиться бензин. Мало ли, может, кому-то из пассажиров стало плохо.

Согласилась с мужем, подумав о том, какая я вредная. Подождали еще полчаса. Пришел автобус, отправляющийся в Астару. То есть автобус, который проезжает через Ленкорань и едет дальше в Астару.

Штурмовать автобус кинулись все пассажиры, стоявшие на стоянке. Интересная деталь: билетов на руках у людей не было. Вернее, билеты заменяли деньги, тоже бумажки, тоже с надписью, но немного другого содержания. Я молча, без комментариев, наблюдала за происходящим (хотя мне было, что сказать), не желая раздражать и без того огорченного мужа. Когда все расселись по местам, кондуктор (именно так я назвала мужчину, продававшего места в автобусе) подошел к мужу и спросил:

– Siz bilet almısınız? Nağah. Bu avtobuslara hec bilet almag lazım deyil. Deyəsən siz Lənkərana gedən avtobusu gözləyirsiz. Gözləməyin, gec gələcəy. Bəlkə hec gəlmədi. Məsləhətdir bizim avtobusa minin, iki yer galıb.[1]

Мы так и сделали. Сели на астаринский автобус и поехали. Дороги, о которых так красочно рапортуют соответствующие ведомства, меня разочаровали. Они напомнили мне старые советские дороги с их ухабами, рытвинами и объездами. На одном из участков основная дорога оказалась закрытой, весь транспорт сворачивал на проселочную колею. Тучи дорожной пыли клубились по бокам автобуса. Кто-то попытался закрыть окна, а кто-то просто укутался в платок. Наслаждаться дорогой, любоваться видами, как обещал муж, не пришлось. Через несколько часов тяжелых испытаний автобус доехал до Лянкярана.

Я вспомнила свои еженедельные поездки в Шемаху на рейсовых автобусах. Почувствовала себя девочкой, отправлявшейся в путь в 6 утра с городского автовокзала. Во всяком случае, впечатления от поездки похожи.

Не буду отвлекаться от транспортной темы. Передвигались мы по городу, очень симпатичному, живописному, на такси. Их полным-полно. Впрочем, такси их можно

[1] Вы, что, купили билеты? Напрасно. На эти автобусы и билеты покупать не нужно. Кажется вы ждете автобус в Лянкяран? Не ждите, он задерживается. А может, и вовсе не приедет. Советую вам ехать нашим автобусом, осталось два свободных места.

назвать с натяжкой, потому что машины, старые советские «жигули», реже «волги», несколько иномарок – собственность шоферов, частников, занимающихся извозом. Иногда приходилось наблюдать настоящие бои за клиента. После того, как нас уже знали многие таксисты в районе «Хан-Лянкяран» отеля, стало очевидным, чем занято большинство мужского населения в городе. Извозом. Летом возят туристов. Зимой некоторые уезжают на заработки в Россию. Рассказы водителей, один другого драматичнее, иллюстрировали наши поездки. Однажды речь зашла о Ровшане Лянкяранском, личности неоднозначной, но, тем не менее, популярной не только в Лянкяране. О нем пресса писала гораздо чаще, чем о многих государственных мужах. Видимо, сегодня вор в законе стал привлекательной фигурой в нашем социуме. На вопрос, почему о нем с таким восхищением говорят местные жители, ведь он был вором, настоящим вором, водитель ответил:

– O camaata iş verirdi. Pul gazanmag şəraitı yaradırdı. Bizim üçün dayağ olub. İndi isə yetim kimi galmışıq.[1]

Его слова поразили меня. Не могла в себя прийти. Хотела возразить, найти доводы, объяснить человеку, что вор не может быть опорой и надеждой для людей. Посмотрела на руки шофера, его одежду, черную от солнца лысину, на машину-динозавра и не стала с ним спорить. Что я могу ему возразить?

Быстро пролетела неделя. Посмотрели, что смогли, покупались в море, полакомились местными продуктами, и даже смогли насладиться ванной из горячего целебного источника.

В обратный путь не только муж, но и отельные работники рекомендовали отправиться на комфортабельном автобусе. У меня еще не поблекли впечатления от поездки из Баку. Но как может женщина в Ленкорани доказать, что ее мнение, возможно, верное. Никак. Оставалось согласиться, не портить себе настроения и отнестись к поездке философски. Найти хорошую сторону у не очень хорошего явления.

Касса располагалась в небольшом помещении. Но пока мы там находились, правда, недолго, ни у кого, кроме нас, не возникло мысли купить билет. Люди заходили иногда. Но для того, чтобы поинтересоваться расписанием.

Приехал небольшой автобус. Муж сказал, что это самый оптимальный размер для дистанций такого километража. Пассажиры заплатили деньги кондуктору и заняли места. Кондуктор сразу же, оглядев зорким глазом аудиторию, принялся подсчитывать собранные купюры. Что-то не сходилось в подсчетах. Шофер в нетерпении стал горячо объяснять кондуктору особенности национальной поездки. Как оказалось, двое пассажиров были его «гостями». То есть, ехали бесплатно.

Вначале меня порадовало такое бескорыстие, столь редкое в наше время. Однако пассажиры-зайцы устроились на откинутых сидениях в проходе. Обещанного комфорта такое пополнение не прибавило. Наконец автобус тронулся. Дверь оставалась открытой. На мое робкое замечание, что не мешало бы закрыть дверь, шофер вполне резонно ответил:

– Xanım, birazdan lap isti olacağ. Qapı acıg olanda, sərindir. Rahatdır. Sizinçun deyirəm.[2]

---

[1] Он давал людям работу. Давал возможность зарабатывать деньги. Был нам опорой и поддержкой. А сейчас мы как сироты.

[2] Ханым, чуть позже станет действительно жарко. С открытой дверью прохладней. Удобней. Я для вас это делаю.

Понятно, что никто меня не поддержал. Всем хотелось прохлады и ветерка. О том, что при любом крене из автобуса может выпасть пассажир, никто не думал. У всех на лицах было написано: «Darıxma, hər şey yaxşı olacağ».[1] Оставалось порадоваться оптимизму сограждан и насладиться дорогой.

У шофера был особенный стиль вождения. Рабочее место оборудовано со всевозможным комфортом. Мне стало понятно, почему эти автобусы называют комфортабельными. Из-за комфорта водителя. Под лобовым стеклом – большой амулет в виде глаза, чтобы, не дай бог, не сглазили. Рядом с переключателем скорости обустроен ящик, покрытый ковриком, на нем чипсы, семечки, орешки, термос с чаем – все для приятной поездки. Два мобильных телефона. Один – маленький, старенький – лежит на ящике, другой – большой – прилип к уху. Одной рукой шофер держит руль и лихо его крутит. Другой бросает в рот орешки. Говорит он по телефону беспрерывно. За время пути я узнала много интересного о его сменщиках, родне. Иногда звонил маленький телефон, как оказалось, он играл очень важную роль. В очередной раз, когда он зазвонил и шофер ответил, ситуация изменилась. Водитель снизил скорость и закрыл входную дверь. Отложил телефоны, замолчал и стал сосредоточенно смотреть на дорогу.

Не скрою, подобное поведение меня здорово заинтриговало. Что могло случиться, что столь резко поменялось поведение разбитного водителя. Загадка разрешилась очень быстро. Пост YPX(Yol Police xidməti), по-простому – ГАИ, возник на горизонте. «Разведка работает». Оставалось сделать вывод, что все не так просто, как кажется. У шофера имелись осведомители, предупреждавшие его об «опасности». Как только пост скрылся из виду, дверь открылась, телефоны вернулись, орешки пошли в ход, и неспешная беседа продолжилась. Через некоторое время водитель заехал на заправку. Почему он не заправил бак перед поездкой, спрашивать бесполезно. Да и зачем? Вот тут мне улыбнулась удача. На заправке продавали связки чудесного красного ленкоранского лука. Ароматного, сладкого. На мою просьбу купить лук муж щедро отозвался. Так мне удалось получить некоторую компенсацию.

Поездка продолжилась. Более длительная остановка ждала пассажиров в Кюрдамире. Придорожное кафе, где можно попить чаю, а при желании заказать что-то более существенное. Жара становилась все яростней. Когда пассажиры вернулись в автобус, уже ни у кого не возникло мысли попросить о том, чтобы закрыли дверь.

Люблю дорогу с детства. Мелькающие за окном пейзажи развлекают и дают пищу для воображения. Представляю, как люди живут в городах и селах. Чем занимаются. О чем заботятся. Мои наблюдения прерывались время от времени. Автобус останавливался, совсем как городской. Новые пассажиры поднимались в салон. Все сидения были заняты с самого начала. И вновь прибывшие оставались стоять. Через некоторое время автобус оказался набитым под завязку. И тут случилось то, чего я ожидала с самого начала поездки. У автобуса заглох мотор. На холостой скорости водитель спустил автобус в кювет. Он применил все свои знания и умения. Несколько раз включал и выключал зажигание. Наконец вышел из кабины, открыл капот и стал копаться во внутренностях автобуса-ветерана.

Увы! Наблюдая за происходящим, я мысленно хвалила себя за то, что не стала вслух высказывать свои предположения о том, что при таком отношении к делу автобус вряд ли благополучно доедет до места назначения. Присутствующие тут же

[1] Не волнуйся, все будет хорошо.

нашли бы виновного в происшествии, и, скорее всего, им была бы я, «накаркавшая» такой поворот событий. В нашем социуме такое поведение стало нормой.

«Bizdə inkişaf o dərəcəyə çatdi ki, əcnəbi turistler biz tərəf gələndə, hamı deyir ki, burada qalmaq istəyir».[1] Эту фразу я услышала от менеджера отеля, где мы жили. Естественно, каждый, кто смеет сомневаться в столь очевидной истине, становится откровенным клеветником.

Автобус объявил забастовку и не собирался заводиться и ехать дальше. Предложила мужу выйти на трассу и попытаться остановить машину. Реакция мужа была предсказуемой. «Кто захочет везти попутчиков в такое время?»

Спрашивать: в какое время, почему не захочет – задавать такие вопросы бесполезно, если имеешь дело с горячим кавказским мужчиной. Себе дороже.

А в это время водитель усиленно названивал своим друзьям, по всей вероятности, таким же опытным водителям, как и он. Подъехал большой «Икарус». Водитель «Икаруса» вышел из машины, подошел к нашему шоферу, покачал головой, заглянул под капот, что-то подкрутил. Сел за руль автобуса. О! Чудо! Автобус завелся. Все тут же набились в машину. Водитель «Икаруса» улыбнулся, помахал нам рукой и уехал, что интересно, с закрытой дверью.

Поглядев вослед, я подумала, что теперь знаю, как выглядит мой герой. Невысокого роста, поджарый, волосы с проседью, серые глаза на загорелом морщинистом лице. Одет в линялую голубою клетчатую рубашку и того же возраста джинсы.

Герой уехал, а шофер нашего автобуса продолжил гнуть свою линию. Останавливался при любом подозрении на возможного клиента. В автобусе негде было не только сидеть, но и стоять. Последними пассажирами оказались дамы, едущие на свадьбу. К такому выводу я пришла потому, что их макияж был выполнен в лучших местных традициях. А это значит, не меньше трех слоев тона, глаза в стиле героинь индийских фильмов, широкие, у всех одинаковой формы брови (в этом сезоне их носят широкими). Золото, бриллианты, в общем, полная экипировка. Одна из дам, в декольтированном платье, нависла над шофером и что-то интимно зашептала ему на ухо. Я толкнула локтем мужа. Сделала страшные глаза и тихо прошептала:

– Сейчас он сделает аварию.

Муж вздохнул, сказал только:

– Расслабься, ему не привыкать.

На этот раз он оказался прав. Я даже порадовалась этому обстоятельству. Не всегда же мои прогнозы должны сбываться. Мы подъехали к городу. Многие пассажиры вышли. При въезде на автовокзал в автобусе остались только пассажиры, у которых были места. Наше путешествие благополучно закончилось. Я вздохнула с облегчением, но, признаюсь, идея превращения нашего благодатного края в транспортный хаб показалась мне труднодостижимой. По крайней мере, в ближайшее время.

---

[1] Мы достигли такого уровня развития. что иностранные туристы, приезжая к нам, все как один говорят о том, что хотели бы остаться у нас.